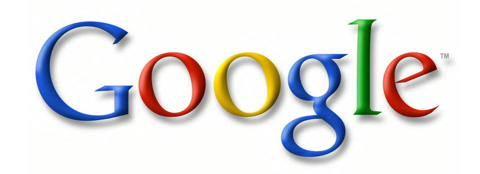

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

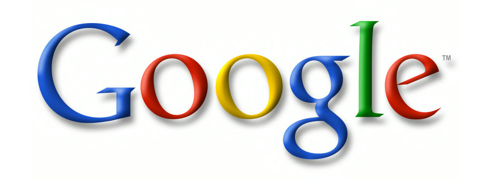
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заиией, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ириналлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

РУССКАЯ ИСТОРІЯ
ВЪ
РУССКОЙ ПОЭЗІИ.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

СОСТАВИЛЪ

Петръ Вейнбергъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

(Учебнымъ Комитетомъ при собственной Е. И. В. Канцеляріи по Учрежденіямъ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ одобрено какъ пособіе при занятіяхъ русской словесностью и какъ книга для подарковъ и чтенія учащимся въ среднихъ и старшихъ классахъ институтовъ и гимназій Вѣдомства.—Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Сунодѣ допущено въ библіотеки духовныхъ семинарій, какъ книга для внѣкласснаго чтенія учениковъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая 15.
1899.

- I -

РУССКАЯ ИСТОРІЯ
ВЪ
РУССКОЙ ПОЭЗІИ.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

СОСТАВИЛЪ

Петръ Вейнбергъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

(Учебнымъ Комитетомъ при собственной Е. И. В. Канцеляріи по Учрежденіямъ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ одобрено какъ пособіе при занятіяхъ русской словесностью и какъ книга для подарковъ и чтенія учащимся въ среднихъ и старшихъ классахъ институтовъ и гимназій Вѣдомства.—Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Сунодѣ допущено въ библіотеки духовныхъ семинарій, какъ книга для внѣкласснаго чтенія учениковъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія **Б. М. Вольфа**, Разъѣзжая 15.

1899.

PG 3235
H5 R8
1899

III

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Олеговъ Щитъ.

Когда ко граду Константина,
Съ тобой, воинственный варягъ,
Пришла славянская дружина
И развила побѣды стягъ, —
Тогда, во славу Руси ратной,
Строптиву греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатный
На цареградскихъ воротахъ.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрѣли.
Но днесь, когда мы вновь со славой
Къ Стамбулу грозно притекли,
Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.

А. Пушкинъ.

Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хозарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣсу навстрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

—Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что̀ сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любаго возьмешь ты коня.

—Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

„Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Побѣдой прославлено имя твое,

Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны, и суша, покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

„И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ —
Незримый хранитель могучему данъ.

„Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю;
И холодъ, и сѣча ему ничего.
Но примешь ты смерть отъ коня своего."

Олегъ усмѣхнулся. Однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ, угрюмый;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.

—Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время;
Теперь отдыхай: ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки други, возьмите коня,

„Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ устцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите."
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана,
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

— А гдѣ мой товарищъ, — промолвилъ Олегъ, —
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ?
Все также ль онъ бурный, игривый?“
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „Что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье:
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня!“
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ — на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „Спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

„Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!“

Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ, выползала;
Какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась —
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

ПѢСНЯ
о походѣ Владимира на Корсунь.

Часть Первая.

1.

— Добро! — сказалъ князь, когда выслушалъ онъ
Улики царьградскаго мниха, —
Тобою, отецъ, я теперь убѣжденъ;
Виновенъ, что мужемъ былъ стольких я женъ,
Что жилъ и безпутно, и лихо,

2.

„Что богомъ мнѣ былъ то Перунъ, то Велесъ,
Что силою взялъ я Рогнѣду;
Досель надо мною, знать, тѣшился бѣсъ.
Но мракъ ты разсѣялъ — и я въ Херсонесъ
Креститься въ раскаяньи ѣду.

3.

Царьградскій философъ и мнихъ тому радъ,
Что хочетъ Владимиръ креститься.
— Смотри жъ, говоритъ, для небесныхъ наградъ,
Чтобъ въ райскій по смерти войти вертоградъ,
Ты долженъ душею смириться.

4.

— Смирюсь, — говоритъ ему князь, — я готовъ,
Но только смирюсь безъ урону!
Спустить въ Черторой десять сотенъ струговъ!
Коль выкупъ добуду съ корсуньскихъ купцовъ,
Я города пальцемъ не трону!“

5.

Готовы струги, паруса подняты,
Плывутъ къ Херсонесу варяги;
Поморье, гдѣ южные рдѣютъ цвѣты,
Червленые вскорѣ покрыли щиты
И съ русскими вранами стяги.

6.

И князь повѣщаетъ корсунцамъ: „Я здѣсь!
Сдавайтесь, прошу васъ смиренно,
Не то, не взыщите, собью вашу спѣсь,
И городъ по камнямъ размыкаю весь.
Креститься хочу непремѣнно!“

7.

Увидѣли греки въ заливѣ суда,
У стѣнъ ужъ дружина толпится,
Пошли толковать и туда, и сюда:
—Настала, какъ есть, христіанамъ бѣда:
Пріѣхалъ Владимиръ креститься!

8.

„И преній то съ нами не станетъ держать,
Въ риторикѣ онъ—ни бельмеса;
А просто обложитъ насъ русская рать
И будетъ, пожалуй, три года стоять
Да грабить края Херсонеса!“

9.

И въ мудрости тотчасъ рѣшаетъ сенатъ,
Чтобъ русскимъ отверзлись ворота;
Владимиръ пріему радушному радъ,
Вступаетъ съ дружиной въ испуганный градъ,
И молвитъ сенату: „Ну, то-то!“

10.

И шлетъ въ Византію пословъ ко двору:
—Цари Константинъ да Василій!
Смиренно я сватаю вашу сестру,

Не то васъ обоихъ дружиной припру,
Такъ вступимъ въ родство безъ насилій.“

11.

И вотъ, императоры держатъ совѣтъ,
Толкуютъ въ палатѣ престольной;
Имъ плохо пришлося, имъ выбора нѣтъ.
Владимиру шлютъ поскорѣе отвѣтъ:
—Мы очень тобою довольны;

12.

„Крестися, и къ намъ пріѣзжай въ добрый часъ,
Тебя повѣнчаемъ мы съ Анной!“
Но онъ къ императорамъ:—Вотъ тебѣ разъ!
Вы шутите, что ли? Такая отъ васъ
Мнѣ исповѣдь кажется странной;

13.

„Къ вамъ ѣхать отсюда какая мнѣ стать?
Чего не видалъ я въ Царьградѣ?
Царевну намѣренъ я здѣсь ожидать,
Не то приведу я вамъ цѣлую рать,
Коль видѣть меня вы такъ ради!“

14.

Что дѣлать съ Владимиромъ? Вынь да положь!
Креститься хочу, да жениться!
Не лѣзть же царямъ въ самомъ дѣлѣ на ножъ!
Пожали плечами и молвятъ: „Ну, что жъ!
Приходится ѣхать, сестрица!“

15.

Корабль для нея снаряжаютъ скорѣй,
Узорныя ладятъ вѣтрила,
Со причтомъ на палубѣ ждетъ архирей
Сверкаетъ на солнцѣ парча стихарей,
Звенятъ и дымятся кадила.

16.

Въ печали великой, по сходнѣ крутой
Царевна взошла молодая

Прислужницы дѣву накрыли фатой,
И волны запѣнилъ корабль золотой,
Босфора лазурь разсѣкая.

17.

Увидѣлъ Владимиръ вдали паруса,
И хмурыя брови раздвинулъ;
Почуялась сердцу невѣсты краса,
Онъ гребнемъ свои расчесалъ волоса
И корзно княжȯе накинулъ.

18.

На пристань онъ сходитъ царевну встрѣчать,
И ликъ его свѣтелъ и веселъ.
За нимъ вся корсуньская слѣдуетъ знать,
И руку спѣшитъ онъ царевнѣ подать,
И въ поясъ поклонъ ей отвѣсилъ.

19.

И шествуютъ рядомъ другъ съ другомъ они,
Въ одеждахъ блестящихъ и длинныхъ;
Каменья оплечій горятъ, какъ огни,
Идутъ подъ навѣсомъ шелкȯвымъ, въ тѣни,
Къ собору, вдоль улицъ старинныхъ.

20.

И молвитъ тамъ, голову князь преклȯня:
—Клянуся я вашей синклитѣ
Дружить Византіи отъ этого дня.
Крестите жъ, отцы-іереи, меня;
Да чуръ, по уставу крестите!“

21.

Свершился въ соборѣ крещенья обрядъ,
Свершился обрядъ обвѣнчанья,
Идетъ со княгиней Владимиръ назадъ,
Вдоль улицъ старинныхъ до свѣтлыхъ палатъ;
Кругомъ ихъ толпы ликованье.

22.

Сидятъ за честнымъ они рядомъ столомъ,
И вотъ, когда звонъ отзвонили,
Владимиръ взялъ чашу съ хіосскимъ виномъ:
— Хочу, чтобъ меня поминали добромъ
Шурья Константинъ да Василій!

23.

„То правда-ль, я слышалъ, замкнули Босфоръ
Дружины какого-то Ѳоки?
— Воистину правда! отвѣтствуетъ дворъ.
— Но кто-жъ этотъ Ѳока? — Мятежникъ и воръ!
— Отдѣлать его на всѣ боки!

24.

Отдѣлали русскіе Ѳоку какъ разъ;
Цари Константинъ да Василій
По цѣлой имперіи пишутъ приказъ:
„Владимиръ де насъ отъ погибели спасъ;
Его чтобъ всѣ люди честили!“

25.

И князь говоритъ: — Я построю вамъ храмъ
На память, что здѣсь я крестился,
А городъ Корсунь возвращаю я вамъ,
И выкупъ обратно всецѣло отдамъ,
Зане я душею смирился!“

26.

Застольный гремитъ, заливаяся, хоръ,
Шипучія пѣнятся вина,
Веселіемъ блещетъ Владимира взоръ,
И строить готовится новый соборъ
Крещеная съ княземъ дружина.

27.

Привозится яшма водой и гужомъ,
И мраморъ привозится бѣлый,

И быстро Господень возносится домъ,
И ярко на полѣ горятъ золотомъ
Иконы муссійскаго дѣла.

28.

И взапуски князя синклитъ и сенатъ,
И сколько тамъ грековъ ни сталось,
Всю зиму пирами честятъ, да честятъ.
Но молвитъ Владимиръ: — Пора мнѣ назадъ,
По Кіевѣ мнѣ встосковалось!

29.

„Вы, отроки други, спускайте ладьи,
Трубите дружинѣ къ отбою,
Кленовыя весла берите свои;
Ужъ въ Кіевѣ, чаю, поютъ соловьи,
И въ рощахъ запахло весною!

30.

„Весна, мнѣ невѣдомыхъ полная силъ,
И въ сердцѣ моемъ зеленѣетъ;
Что нудою я и насильемъ добылъ,
Чѣмъ самъ овладѣть я оружіемъ мнилъ,
То мною всесильно владѣетъ!

31.

„Спускайте жъ ладьи, бо и ночью, и днемъ
Я гласу немолчному внемлю:
Велитъ онъ въ краю намъ не мѣшкать чужомъ,
Да свѣтъ, озаряющій насъ, мы внесемъ
Торжественно въ русскую землю!“

Часть Вторая.

1.

По лону Днѣпровскихъ сіяющихъ водъ,
Гдѣ, празднуя жизни отраду,

Весной все гремитъ, и цвѣтетъ, и поетъ,
Владимиръ съ дружиной обратно плыветъ
Ко стольному Кіеву-граду.

2.

Все звонкое птаство летаетъ кругомъ,
Ликуючи въ тысячу глотокъ,
А князь многодумнымъ поникнулъ челомъ,
Свершился въ могучей душѣ переломъ,
И взоръ его миренъ и кротокъ.

3.

Забыла княгиня и слезы, и страхъ;
Одеждой алмазной блистая,
Глядитъ она, съ юнымъ весельемъ въ очахъ,
Какъ много пестрѣетъ цвѣтовъ въ камышахъ,
Какъ плещется лебедей стая,

4.

Какъ рощи на встрѣчу несутся ладьямъ,
Какъ берегъ проносится мимо,
И ликъ наклоняя къ зеркальнымъ водамъ,
Глядитъ, какъ ея отражается тамъ
Изъ камней цвѣтныхъ діадима.

5.

Великое слово корсунцамъ храня,
Князь не взялъ съ нихъ денегъ повинныхъ,
Но городъ поднесъ ему, въ честь того дня,
Изъ бронзы коринѳской четыре коня
И статуй немало старинныхъ.

6.

И кони и бѣлыя статуи тутъ,
Надъ поѣздомъ выся громаду,
Стоймя на ладьяхъ, неподвижны, плывутъ,
И волны Днѣпра ихъ, дивуясь, несутъ
Ко стольному Кіеву-граду.

7.

Плыветъ и священство, и дьяконства хоръ
Съ ладьею Владимира рядомъ;
Для Кіева синій покинувъ Босфоръ,
Они оглашаютъ Днѣпровскій просторъ
Уставнымъ демественнымъ ладомъ.

8.

Когда жъ умолкаетъ священный канонъ,
Запѣвъ зачинаютъ дружины,
И съ разныхъ кругомъ раздаются сторонъ
Завѣтныя пѣсни минувшихъ временъ
И дней богатырскихъ былины.

9.

Такъ вверхъ по Днѣпру, по широкой рѣкѣ,
Плывутъ ихъ ладей вереницы,
И вотъ передъ ними, по лѣвой рукѣ,
Все выше и выше растетъ вдалекѣ
Градъ Кіевъ съ горой Щековицей.

10.

Владимиръ съ княжого сѣдалища всталъ,
Прервалось весельщиковъ пѣнье,
И мигъ тишины и молчанья насталъ,
И князю, въ сознаніи новыхъ началъ,
Открылося новое зрѣнье:

11.

Какъ сонъ, вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда Господня;
И брызнули слезы впервые изъ глазъ,
И мнится Владимиру — въ первый онъ разъ
Свой городъ увидѣлъ сегодня.

12.

Народъ, издалека ихъ поѣздъ узнавъ,
Столпился на берегъ, и много,

Скитавшихся робко безъ крова и правъ
Пришло христіанъ изъ пещеръ и дубравъ,
И славятъ Спасителя Бога.

13.

И палъ на дружину Владимира взоръ:
—Вамъ, други, доселѣ со мною
Стяжали побѣды лишь мечъ, да топоръ;
Но время настало, и мы съ этихъ поръ
Сильны еще силой иною.

14.

„Чтò смутно въ душѣ мнѣ сказалось моей,
То ясно вы нынѣ познайте:
Дни правды дороже воинственныхъ дней!
Гребите же, други, гребите сильнѣй,
На весла дружнѣй налегайте!“

15.

Воспѣла подъ полозомъ, пѣнясь, вода,
Отхлынувъ, о берегъ забила,
Стянулася быстро ладей череда,
Переднія въ пристань вбѣжали суда,
И съ шумомъ упали вѣтрила.

16.

И нà берегъ вышелъ, душой возрожденъ,
Владимиръ для новой державы,
И въ Русь милосердія внесъ онъ законъ...
Дѣла стародавнихъ, далекихъ временъ,
Преданья невянущей славы!

Гр. А. Толстой.

ИЗЪ ПОЭМЫ

«Слово о полку Игоря».

I.

Вступленiе.

Князь Игорь взглянулъ на дневное свѣтило,
И видя, что вмѣсто лучей
Полки его мглою оно осѣнило,
Промолвилъ дружинѣ своей:

—Не лучше ль погибнуть средь битвы кровавой,
Чѣмъ даться живому въ полонъ!
И такъ — на коней, и за новою славой,
Туда, гдѣ синѣется Донъ!"

Въ могучее сердце запало желанье
Напиться изъ Дона-рѣки —
И доблестный Игорь забылъ предвѣщанье,
Подъ гнетомъ душевной тоски.

—Хочу я копье мое — молвилъ — далече,
Въ землѣ Половецкой сломить;
Хочу я сложить свою голову въ сѣчѣ,
Иль Дону шеломомъ испить!"

Тебѣ бы, Баянъ, разсказать про сраженья,
Соловушко прежнихъ вѣковъ,
Носясь соловьемъ по вѣтвямъ вдохновенья,
Касаясь умомъ облаковъ,

Сличая прошедшую русскую славу
Съ позднѣйшей и мчась по слѣдамъ

Героя Трояна, сквозь боръ и дубраву,
По дебрямъ, полямъ и горамъ!

Тебѣ бы приличнѣе пѣть о героѣ —
Про Ольгова внука дѣла!...
Не буря изъ родины въ поле чужое
Степныхъ соколовъ занесла!

Слетаются галки густыми стадами
На Донъ изъ невѣдомыхъ странъ...
. . . .

перев. **Н. Гербель.**

II.

Передъ Битвой.

За Сулой-рѣкою да ржутъ кони,
Звонъ звенитъ во Кіевѣ, во стольномъ,
Въ Новѣградѣ затрубили трубы;
Вѣютъ стяги красные въ Путивлѣ...
Поджидаетъ Игорь мила брата;
А пришелъ и Всеволодъ, и молвитъ:
—Игорь, братъ, единъ ты свѣтъ мой свѣтлый!
Святославли мы сыны, два брата!
Ты сѣдлай коней своихъ ретивыхъ,
А мои осѣдланы ужь въ Курскѣ!
И мои куряне ль не смышлены!
Повиты подъ бранною трубою,
Повзросли подъ шлемомъ и кольчугой,
Со конца копья они вскормлены!
Всѣ пути имъ свѣдомы, овраги!
Луки туги, тулы отворёны,
Остры сабли крѣпко отточёны,
Сами скачутъ, словно волки въ полѣ,
Алчутъ чести, а для князя славы!..“

И вступилъ князь Игорь во златъ стремень,
И дружины двинулись за княземъ.
Солнце путь имъ тьмою заступало:

Ночь пришла — та взвыла, застонала
И грозою птицъ поразбудила.
Свистъ звѣриный всталъ кругомъ по степи;
Высоко поднявшися по древу,
Черный Дивъ закликалъ, подавая
Вѣсть на всю незнаемую землю,
На Сулу, на Волгу, и Поморье,
На Корсунь и Сурожское море,
И тебѣ, болванъ Тмутороканскій!
И бѣгутъ неѣзжими путями
Къ Дону тьмы поганыхъ, и отвсюду
Отъ телѣгъ ихъ скрыпъ пошелъ — ты скажешь:
Лебедей испуганные крики.

Игорь путь на Донъ великій держитъ,
А надъ нимъ бѣду ужь чуютъ птицы
И несутся слѣдомъ за полками:
Воютъ волки по крутымъ оврагамъ,
Ощетинясь, словно бурю кличутъ;
На красны щиты лисицы брешутъ,
А орлы, своимъ зловѣщимъ клектомъ,
По степямъ звѣрье зовутъ на кости...

А ужь въ степь зашла ты, Русь, далеко!
Переvалъ давно переступила!

Ночь рѣдѣетъ. Бѣлъ разсвѣтъ проглянулъ,
По степи туманъ понесся сизый:
Позамолкнулъ щекотъ соловьиный,
Галчій говоръ по кустамъ проснулся...
Въ полѣ Русь, съ багряными щитами,
Длиннымъ строемъ изрядилась къ бою,
Алча чести, а для князя славы.

перев. А. Майковъ.

III.

Побѣда и Пораженіе.

И въ пятокъ то было; съ позаранья,
Потоптали храбрые поганыхъ!
По полю разсыпавшись, что стрѣлы,
Красныхъ дѣвъ помчали половецкихъ,
Аксамиту, паволокъ и злата,
А мѣшковъ и всякихъ узорочій,
Кожуховъ и юртъ такую силу,
Что мосты въ грязяхъ мостили ими.
Все дружинѣ храброй отдалъ Игорь,
Красный стягъ одинъ себѣ оставилъ,
Красный стягъ, серебреное древко,
Съ алой чолкой, съ бѣлою хоругвью.

Дремлетъ храброе гнѣздо Олега.
Далеко, родное, залетѣло!
„Не родились, знай, мы на обиду
Ни тебѣ, быстръ соколъ, пестеръ кречетъ,
Ни тебѣ, золъ воронъ половчанинъ...“

А ужь Гзакъ несется сѣрымъ волкомъ,
И Кончакъ за Гзакомъ имъ на встрѣчу...

И въ другой день, полосой кровавой,
Повѣщаютъ день кровавый зори...
Идутъ тучи черныя отъ моря,
Тьмой затмить хотятъ четыре солнца...
Синія въ нихъ молніи трепещутъ...
Грому быть, великому быть грому!
Лить дождю калеными стрѣлами!
Поломаться копьямъ о кольчуги,
Потупиться саблямъ о шеломы,
О шеломы половчанъ поганыхъ!

А ужь въ степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевалъ давно переступила!..

Чу! Стрибожьи чада понеслися,
Вѣютъ вѣтры, ужъ наносятъ стрѣлы,
На полки ихъ Игоревы сыплютъ...
Помутились, пожелтѣли рѣки,
Загудѣло поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли ужь знамёна плещутъ...
Ото всѣхъ сторонъ враги подходятъ,
И отъ Дона, и отъ синя моря,
Обступаютъ нашихъ отовсюду!
Отовсюду бѣсовы исчадья
Понеслися съ гиканьемъ и крикомъ:
Молча, Русь, отпоръ кругомъ готовя,
Подняла щиты свои багряны.

. . . .

Отъ зари до вечера, день цѣлый,
Съ вечера до свѣта рѣютъ стрѣлы,
Гремлютъ остры сабли о шеломы,
Съ трескомъ копья ломятся булатны,
Середи невѣдомаго поля,
Въ самомъ сердцѣ Половецкой степи!
Подъ копытомъ черное все поле
Было сплошь засѣяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошелъ посѣвъ по Руси — горемъ!..

Что̀ шумитъ-звенитъ передъ зарею?

Скачетъ Игорь полкъ поворотити...
Жалко брата... Третій день ужь бьются!
Третій день къ полудню ужь подходитъ:
Тутъ и стяги Игоревы пали!
Стяги пали, тутъ и оба брата
На Каялѣ быстрой разлучились...

Ужъ у храбрыхъ Русичей не стало
Тутъ вина кроваваго для пира,
Попоили сватовъ, да и сами
Полегли за отческую землю!
Въ полѣ травы съ жалости поникли,
Дерева съ печали приклонились...

перев. А. Майковъ.

IV.

Плачъ Ярославны.

Ярославны голосъ слышенъ...
Перелетною кукушкой
Поутру она кукуетъ:
—Полечу—княгиня молвитъ—
Я кукушкой по Дунаю,
Омочу рукавъ бобровый
Во Каялѣ во рѣкѣ,
Вытру раны я у князя
На его кровавомъ тѣлѣ!“

Ярославна рано плачетъ
Во Путивлѣ на оградѣ,
Приговариваючи:
—Охъ, ты, вѣтеръ, буйный-вѣтеръ!
Для чего насильно вѣешь,
Для чего на легкихъ крыльяхъ
Ты стрѣлковъ наносишь ханскихъ
На удалую дружину
Моего милова друга!
Али мало тебѣ вѣять
Вверхъ подъ облако, лелѣя
Корабли на синемъ морѣ?
Для чего мое веселье
По ковыль-травѣ развѣялъ?“

Ярославна рано плачетъ
Во Путивлѣ на оградѣ,
Приговариваючи:
—Охъ, ты, Днѣпръ мой пресловутый!
Черезъ каменныя горы
Въ половецкую страну
Ты пробился, ты лелѣялъ
Святославовы посады
До Кобякова полку:
Прилелѣй же мнѣ милòва,
Чтобы нà море поутру
Мнѣ не слать къ милому слезъ!"

Ярославна рано плàчетъ
Во Путивлѣ на оградѣ,
Приговариваючи:
—Охъ, ты, солнце, мое солнце,
Солнце свѣтлое мое!
Всѣмъ свѣтло и всѣмъ красно ты:
Для чего жъ лучемъ горячимъ
Опалило ты дружину
Моего милòва друга
И въ безводномъ полѣ жаждой
У нея луки стянуло,
И колчаны ей истомой
Заложило, запекло?"

перев. Л. Мей.

V.

Бѣгство Игоря.

Въ полночь море взволновалося
Небо тучами покрылося:
Кажетъ Богъ дорогу Игорю
Изъ неволи въ землю Русскую
Ко злату-столу отцовскому.

Догорѣла зорька ясная,
Зорька ясная—вечерняя.
Игорь дремлетъ—Игорь бодрствуетъ,
Игорь поле мѣритъ мыслію,
Что̀ отъ Дону отъ великаго
До Донца-рѣки до малаго.
Конь готовъ и ждетъ съ полу́ночи.
Овлуръ свиснулъ за рѣкой вдали —
Подаетъ вѣсть князю Игорю;
Но князь Игорь не откликнулся.
Крикнулъ—поле всколебалося,
Зашумѣлъ ковыль серебряный,
Съ ними вежи половецкія
Потряслися. Игорь доблестный
Горностаемъ проскочилъ тростникъ,
Канулъ въ воду бѣлымъ гоголемъ,
На коня стрѣлою кинулся,
Быстрымъ волкомъ соскочилъ съ него,
Побѣжалъ къ Донцу родимому,
Къ луговому его берегу
И взвился могучимъ соколомъ,
Убивая подъ туманами
Лебедей съ гусями къ завтраку,
На обѣдъ себѣ и къ ужину.
Игорь несся яснымъ соколомъ,
Влуръ бѣжалъ по полю чистому
Сѣрымъ волкомъ, отряхаючи
По пути росу холодную;
Надорвалъ коня дорогою.

Говоритъ ему Донецъ-рѣка:
„Много, князь, тебѣ величія.
Кончаку-врагу нелюбія,
А землѣ родной веселія!“
Игорь-князь ему отвѣтствуетъ:
„О, Донецъ! не мало доблести

И тебѣ, что̀ князя Игоря
На волнахъ своихъ серебряныхъ
Ты лелѣялъ, устилаючи
Берега травой зеленою,
Одѣвая мглами теплыми
Подъ нависшими деревьями!
Ты стерегъ его заботливо
На водѣ хохлатымъ гоголемъ,
На струяхъ рѣчною чайкою,
Уткой-чернядью въ поднѐбесьѣ.
Нѣтъ, не такъ, вздымаясь во̀лнами,
Мчится Стугна мелководная!
Поглотивъ ручьи нагорные,
Она струги о кустарники
Раздробила, ненасытная,
И навѣки заградила путь
Къ берегамъ днѣпровскимъ юному
Ростиславу. И заплакала
Мать сѣдая Ростиславова
По прекрасномъ князѣ-юношѣ...
На лугахъ цвѣты душистые
Осыпаются отъ жалости,
А деревья съ тихой грустію
Надъ землею наклоняются.

Не сорочье стрекотаніе
Раздается въ отдаленіи:
Это ѣдутъ, вслѣдъ за Игоремъ,
Гзакъ съ Кончакомъ половецкіе.
Стихло. Во̀роны не каркали,
Галки смолкли и съ сороками
По деревьямъ только прыгали;
Дятелъ путь къ рѣкѣ указывалъ;
Соловей веселымъ пѣніемъ
Утро ясное привѣтствовалъ.

И съ Кончакомъ рѣчь заводитъ Гзакъ:
„Если соколъ улетитъ въ гнѣздо,
То стрѣла́ми золочеными
Соколенка разстрѣляемъ мы.“
А Кончакъ ему отвѣтствуетъ:
„Если соколъ улетитъ въ гнѣздо,
Такъ красавицею-дѣвицей
Соколенка мы опутаемъ.“
А Кончаку снова молвитъ Гзакъ:
„Если дѣвицей-красавицей
Соколенка мы опутаемъ,
Не видать тогда намъ болѣе
Ни соколика, ни дѣвицы,
Нашей дѣвицы-красавицы,
И начнутъ насъ птицы хищныя
Бить средь поля половецкаго.“

перев. Н. Гербель.

VI.

Возвращеніе.

Вѣдь сказалъ же Баянъ,
Какъ и вѣщій Коганъ,
Пѣснотворецъ временъ Ярослава.
Говорилъ въ старину,
Прославляя войну
И походъ старика Святослава:

„Тяжело на землѣ
Жить безъ плечъ головѣ,
Тяжело богатырскому тѣлу
Безъ головушки жить!“
Такъ безъ Игоря быть
Землѣ Русской, родному удѣлу.

Солнце-свѣтъ въ небеси,
Игорь-царь на Руси.

На Дунаѣ запѣли дѣвицы —
И летятъ голоса
Чрезъ моря и лѣса
Къ высямъ Кіева, пышной столицы.

Игорь ѣдетъ домой —
Къ Пирогощѣ святой
По Боричеву путь направляетъ,
По дорогѣ народъ
Веселится, поетъ
Своихъ старыхъ князей величаетъ,

А потомъ молодыхъ.
Такъ прославимъ же ихъ!
Слава Игорю, ихъ властелину!
Храбрецу, удальцу
Всеволоду бойцу
И Владиміру, Игоря сыну!

Много здравствовать вамъ,
И князьямъ, и войскамъ,
Поборавшимъ всегда и донынѣ
За мірянъ-христіанъ
На полки басурманъ!
Слава храбрымъ князьямъ и дружинѣ!

перев. Н. Гербель.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ:

«Димитрій Донской».

I.

Димитрій и прочіе россійскіе князья, бояре, военачальники, сидящіе и составляющіе совѣтъ.

ДИМИТРІЙ.

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы
И свергнуть наконецъ насильствія яремъ!
Доколѣ было намъ въ отечествѣ своемъ
Терпѣть татаровъ власть, и въ униженной долѣ
Рабами ихъ сидѣть на княжескомъ престолѣ?
Уже близь двухъ вѣковъ, какъ въ ярости своей
Послали небеса жестокихъ сихъ бичей;
Близь двухъ вѣковъ, враги то явные, то скрытны,
Какъ враны алчные, какъ волки ненасытны,
Татары губятъ, жгутъ и расхищаютъ насъ.
Къ отмщенью нашему я созвалъ нынѣ васъ:
Бѣды платить врагамъ настало нынѣ время.
Кипчакская орда, какъ исполинско бремя,
Лежала въ цѣлости на росскихъ раменахъ
И разсѣвала вкругъ уныніе и страхъ;
Теперь отъ тягости распалася на части.
Междоусобна брань, раздоръ и всѣ напасти,
Которыми предъ симъ россійская страна
До разслабленія была доведена,
Прешли въ сію орду. Возникши новы ханы
Отторглись отъ нея; но алчные тираны,
Едва возникшіе, нашъ угрожаютъ край.

Изъ нихъ алчнѣе всѣхъ, хитрѣе всѣхъ Мамай,
Задонскія орды властитель злочестивый,
Возсталъ противу насъ войной несправедливой.
Онъ къ намъ уже спѣшитъ, и, можетъ быть, сей ханъ
Съ зарею завтрашней предъ нашъ явится станъ.
Но, видя русскихъ силъ внезапно съединенье,
Смутился сердцемъ онъ и мыслью впалъ въ сомнѣнье;
Посольство предъ собой рѣшился къ намъ прислать.
Друзья Димитрія, разсудите ль принять?
Иль, твердыми пребывъ въ намѣреньи геройскомъ,
Мамаю отвѣчать мы будемъ передъ войскомъ,
Чтобъ первый россіянъ и смѣлый ихъ ударъ
Раздался по землѣ и ужаснулъ татаръ?

Тверской.

Такъ будемъ отвѣчать предъ войскомъ въ ратномъ полѣ!
Никто изъ васъ, князья, меня не можетъ болѣ
Желать отмщенія врагамъ свирѣпымъ симъ.
Чей родъ во бѣдствіяхъ сравняется съ Тверскимъ?
Мой дѣдъ и прадѣдъ мой, въ мученіяхъ безмѣрныхъ,
Главы сложили въ гробъ измѣною невѣрныхъ,
И прахъ стонаетъ ихъ подъ властію орды.
Великій россовъ князь, ты созвалъ насъ сюды
Не съ тѣмъ, чтобы вступать съ Мамаемъ въ договоры,
Но битвою рѣшить и кончить съ нимъ раздоры.
Тверское воинство родитель ввѣрилъ мнѣ;
Нижегородскій князь, участвуя въ войнѣ,
Но, древностію лѣтъ, не въ силахъ выйти въ поле,
Свою отважну рать моей повѣрилъ волѣ.
Отъ устія Оки, отъ Волжскихъ береговъ,
Привелъ я храбрыхъ сонмъ искать, сражать враговъ.

. . . .

Всѣ русскіе князья съ отважностію равной
Горятъ принять мечи и въ бой стремиться славный;
Почто же видѣть намъ Мамаева посла?
Когда пріязнь татаръ быть искренней могла?

Пойдемъ противу нихъ, сотремъ ихъ горды силы,
Или найдемъ себѣ здѣсь славныя могилы!

Бѣлозерскій.

О, сколько счастливъ я, до сихъ доживши дней,
Согласье видя здѣсь, любовь между князей
И на враговъ въ сердцахъ единодушну ревность!
И такъ, въ отверзтый гробъ мою склоняя древность,
Почіющимъ отцамъ могу надежду несть,
Что возстановится страны россійской честь,
Что возвратятся ей могущество и слава.
О, тѣнь Владимира, и ты, тѣнь Ярослава,
Родоначальныя домовъ княжихъ главы!
На лонѣ ангеловъ возвеселитесь вы,
Когда предвидите благополучно время,
Какъ раздѣленное народовъ русскихъ племя,
Соединясь душой одной въ составъ одинъ,
Явится въ торжествѣ, какъ грозный исполинъ,
И міру дастъ законъ Россія съединенна.

(*Къ Димитрію*).

Димитрій, для тебя побѣда несомнѣнна.
Нѣтъ, никогда еще въ такой обширный станъ
Не собирали войскъ ни дѣдъ твой Іоаннъ,
Ни гордый Симеонъ, ни кроткій твой родитель;
И Бѣлозерскихъ силъ я, давній предводитель,
Не видѣлъ, чтобъ когда Россія извела
Отважныхъ ратниковъ толикаго числа.
Изъ русскихъ всѣхъ князей одинъ Олегъ въ Рязани
Остался въ праздности и безъ участья къ брани:
Одинъ на общій стонъ его безчувственъ слухъ.
Погибни память тѣхъ, которыхъ можетъ духъ
Бѣды отечества спокойнымъ видѣть взоромъ,
Иль лучше имя ихъ пускай прейдетъ съ позоромъ
Въ потомство позднее и въ безконечный стыдъ!
Но сколь, о государь, успѣхъ тебѣ ни льститъ,
Совѣтъ однакожъ мой: принять татаръ посольство,

И если можемъ мы возстановить спокойство,
Платя Мамаю дань....

(*Всѣ князья изъявляютъ негодованіе*).

Димитрій.

О, Бѣлозерскій князь,
Чтò предлагаешь ты? Чтобъ, брани убоясь,
Постыдной податью мы власть признали ханску?

Бѣлозерскій.

Чтобъ пощадили кровь безцѣнну христіанску.
Мамая побѣдивъ, брегися, чтобъ орды
Не съединились вновь для нашея бѣды;
Брегись, чтобъ подвигъ сей, намъ временно счастливый,
Не возбудилъ опять ихъ духъ властолюбивый
И чтобы наконецъ не усмотрѣлъ ихъ взоръ,
Сколь вреденъ власти ихъ тщеславія раздоръ,
Который межъ собой ихъ хановъ раздѣляетъ.
Скорѣй обиженный обиды забываетъ,
Чѣмъ тотъ, кто ихъ нанесъ въ свирѣпости своей,
И грабежи, пожаръ, убійство женъ, дѣтей,
Которые на насъ татары изливали,
По мнѣнью ихъ, ордамъ надъ ними право дали,
Своею отчиной они Россію чтутъ;
Зря наше мужество, нестройствія прервутъ;
На бѣдства россіянъ согласны будутъ вскорѣ.
Дай лучше имъ слабѣть въ ихъ пагубномъ раздорѣ;
Дай намъ усилиться средь мирной тишины,
И, отклонивъ отъ насъ случайности войны,
Ты миръ предпочитай побѣдѣ безполезной!

Димитрій.

Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестный!
Такъ предки мыслили, такъ мыслить будемъ мы.
Прошли тѣ времена, какъ робкіе умы
Въ татарахъ видѣли орудіе небесно,

Чему противиться безумно и невмѣстно.
Но въ наши дни и честь, и самой вѣры гласъ
Противъ мучителей вооружаютъ насъ.
Сей гласъ вѣщаетъ намъ, сей вѣры гласъ завѣтный,
Что павшему въ бою вѣнецъ готовъ безсмертный,
Что въ радость райскую чрезъ гробъ вступаетъ онъ.
О, Сергій, пастырь душъ, кого сограждан стонъ
Толико разъ смущалъ среди молитвъ пустынныхъ,
Толико слезъ извлекъ на участь неповинныхъ!
О, ты, который намъ, священною рукой,
Явивъ, благословилъ сей предлежащій бой!
Изъ той обители, гдѣ дни ведешь смиренны,
Внуши мои слова: тобою вдохновенны,
Они воспламенятъ россійскія сердца
Искать свободы здѣсь, иль райскаго вѣнца!
Такъ лучше жить престать, иль вовсе не родиться,
Чѣмъ племенамъ чужимъ подъ иго покориться,
Чѣмъ званьемъ данниковъ корыстолюбью льстить.
Симъ рабствомъ ли бѣды мы можемъ отвратить?
Кто платитъ дань, тотъ слабъ; кто слабый духъ являетъ,
Тотъ алчность наглую къ обидѣ призываетъ.
Но ханскаго посла согласенъ я принять
И ввесть предъ сонмъ князей, не съ тѣмъ, чтобы внимать
Татарской наглости постыднымъ предложеньямъ,
Но чтобъ явить ему готовый духъ къ сраженьямъ,
Чтобъ мужество читалъ на вашихъ онъ челахъ,
Содрогся бъ и принесъ во станъ къ Мамаю страхъ.

Смоленскій.

Весь сонмъ на твой совѣтъ согласье изъявляетъ.

Димитрій.

Посланникъ близь шатра рѣшенья ожидаетъ.
Ты, Бренскій, приведи прибывшихъ къ намъ татаръ!

II.

Русскіе князья сидящіе, посолъ Мамаевъ сопровождаемый нѣсколькими татарами.

Посолъ.

Россійскіе князья, непобѣдимый ханъ
Задонскія орды и всѣхъ восточныхъ странъ,
И русскія земли верховный обладатель,
Вашъ грозный судія, крамольниковъ каратель,
Ту руку, коею нанесть вамъ долженъ смерть,
Благоволилъ еще ко благости простерть:
Остановляетъ онъ грозящи вамъ удары,
И за Непрядвою удержаны татары;
Съ Мамаемъ девять ордъ и семьдесятъ князей,
Съ нимъ страшный исполинъ, наѣздникъ Челубей,
Чья грудь широкая, какъ бы стѣна средь боевъ,
Чей мечъ ужаснѣе великой рати воевъ.
Противу нашихъ силъ вамъ можно ль устоять?
Смиритесь лучше вы, разсѣйте вашу рать.
Отправьте должну дань, покорствуя Мамаю!
Я именемъ его вамъ милость обѣщаю.
Раскаяніе зря, рѣшится онъ простить,
И вашу жизнь еще позволитъ вамъ продлить.

Димитрій.

О, дерзностный посолъ надменнѣйшаго хана!
Обширность видѣлъ ты россійскихъ воевъ стана,
Здѣсь видишь храбрыхъ сонмъ: и жизнь, какъ нѣкій даръ,
Намъ смѣешь предлагать отъ благости татаръ!
Но жить еще кому, иль намъ или Мамаю —
Оружіе рѣшитъ; я твердо уповаю,
Что чудный крѣпостью и справедливый Богъ
Поможетъ намъ сотреть гордыни вашей рогъ;
Поможетъ намъ отмстить убійства, расхищенья,
Пожары, грабежи, всѣ роды истребленья,
Которые отъ васъ Россія пренесла.

Вотъ ваши подвиги, вотъ славныя дѣла,
На чтò ссылаяся, вы требуете дани!
Но брань конецъ правамъ, добытымъ черезъ брани;
Осталось мужество единымъ намъ добромъ,
И хану дань несемъ не златомъ, не сребромъ;
Нѣтъ, дани для него мы собрали иныя:
Мечи булатные и стрѣлы каленыя.
Пусть оныя принять Непрядву перейдетъ!

Посолъ.

Какая слѣпота васъ къ гибели ведетъ!

Димитрій.

Какою алчностью вы къ гибели ведомы!

Посолъ.

По праву сильнаго, всѣ ваши земли, домы
И все имущество—стяжаніе татаръ,
И самый солнца свѣтъ вамъ хановъ нашихъ даръ.

Димитрій.

Но право храбраго мечемъ отмщать убійство,
Свободу защищать и отражать насильство.

Посолъ.

Или не помните Батыевыхъ побѣдъ?

Димитрій.

Для мести намъ Батый оставилъ вѣчный слѣдъ.

Посолъ.

Страшитесь раздражить Мамая непокорствомъ!

Димитрій *вставая, за нимъ всѣ князья*

Татаринъ, я твоимъ скучаю ужъ упорствомъ;
Но, чтя въ лицѣ посла народныя права—
Презрѣнье мой отвѣтъ на дерзкія слова.

Ты наше войско зрѣлъ, рѣшимость нашу знаешь:
Чего же медлишь здѣсь? чего ты ожидаешь?
Иди къ пославшему и возвѣсти ему,
Что Богу русскій князь покоренъ одному.

Посолъ.

Иду отсель. Но знай, о князь высокомѣрный,
Что будетъ надъ тобой Мамая гнѣвъ примѣрный!
И отъ сего часа, покорствуй ты, иль нѣтъ,
Нашъ ханъ Димитрію пощады не даетъ:
Для русскихъ всѣхъ князей на милость онъ склонится;
Съ тобою же никакъ, ничѣмъ не примирится.
И будетъ тотъ владѣть престоломъ и Москвой,
Кто явится къ нему съ твоей въ рукахъ главой.

Бренскій *берется за мечъ.*

Ордынецъ дерзостный!....

Димитрій, *останавливая Бренскаго.*

Оставь его безумство!
Престола хищника послу прилично буйство.
(*къ послу*)
Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой:
Кто чести, правдѣ врагъ, тотъ врагъ конечно мой.
(*подаетъ знакъ чтобы татаръ вывели*).

III.

Театръ представляетъ сборное мѣсто среди лагеря и близь шатра Димитрія. Дѣйствіе происходитъ въ концѣ ночи, передъ разсвѣтомъ. Димитрій и воинъ.

Димитрій.

Допрошенъ ли ужъ былъ начальникъ полоненныхъ,
Отъ войскъ сторожевыхъ отрядовъ приведенныхъ?
Извѣстна-ль мысль его, и кто ордынецъ сей?

Воинъ.

Отъ рода знатнаго, онъ изъ числа князей,
Пришедшихъ на грабежъ подъ бунчуки Мамая;
Неосторожными найти насъ уповая,
Для поисковъ ночныхъ онъ предводилъ татаръ:
Вотъ все, что знаю я. Но сонмъ твоихъ бояръ,
Предъ коимъ, можетъ быть, ордынецъ сей признался,
Окончивъ думы часъ, въ шатрѣ твоемъ собрался.

Димитрій.

Введи бояръ сюда! (*Воинъ уходитъ.*)

Димитрій и московскіе бояре.

Димитрій.

Опоры твердыя престола и державы,
Совѣтный духъ князей, лучи ихъ прочной славы,
Вы, коихъ за меня избралъ народа гласъ:
Такъ, онъ мнѣ указалъ молвой своей на васъ,
Цѣнитель доблестей и часто справедливый!
Бояре, рѣшено ль? Отъ рати злочестивой
Еще ль хотите вы, чтобы я шелъ чрезъ Донъ?
Иль мужества принявъ единственный законъ,
Не лучше ль ни на шагъ предъ ней не отступая,
Съ отважностью идти во срѣтенье Мамая?

Бояринъ.

Хоть прежде, государь, совѣтъ твоихъ бояръ
И предлагалъ тебѣ отъ ярости татаръ
Нашъ станъ перенести чрезъ быстры Дона воды,
Гдѣ переправа имъ, препона отъ природы,
Остановила бы стремленіе ихъ силъ;
Но плѣнникъ нашу мысль признаньемъ просвѣтилъ:
Постыдно будетъ намъ отъ боя уклоняться,
Когда священный долгъ и честь велятъ сражаться.

Димитрій.

Какую жъ тайну вамъ ордынецъ сей открылъ?

Бояринъ.

Что ханъ посольскія угрозы потвердилъ;
Что, русской смѣлости признавъ тебя душою,
Онъ обѣщался брань не прекратить съ Москвою,
Доколѣ не сорветъ съ главы твоей вѣнецъ,
Доколь сея главы не сокрушитъ въ конецъ
И оной въ ярости, для трепета вселенной,
Не выставитъ въ Ордѣ залогъ окровавленный.
Татаръ воспламенилъ свирѣпостью своей;
И гордый силою, огромный Челубей,
Мамаю поклялся словами Алкорана
Димитрія главу повергнуть передъ хана.
Живымъ ли, государь, ту наглость намъ терпѣть?
Нѣтъ, лучше средь враговъ съ оружьемъ умереть!

Димитрій.

Не столь легко, друзья, надменну Челубею
Сорвать мою главу и похвалиться ею!
И, Бога браней я на помощь намъ призвавъ,
Сражусь, и ницъ падетъ сей новый Голіаѳъ!
Исчезнетъ дерзкихъ путь, сотрется мощь строптива,
И съ шумомъ память ихъ погибнетъ нечестива!
Не въ сонмѣ силъ земныхъ, но въ правдѣ явенъ Богъ.
И вашъ ордынцамъ мечъ то доказать возмогъ,
Когда съ Бигичемъ ихъ онъ поражалъ на Вожѣ.
Тотъ самый съ нами Богъ, и мужество въ насъ тоже:
Такъ смертью ли смущать и мысль и тверду грудь?
Мечи къ побѣдѣ намъ прольютъ кровавый путь.

Бояринъ.

Побѣды, государь, для насъ надежда тщетна.
Какъ зимней вьюги снѣгъ, такъ рать враговъ несмѣтна,
И сборно воинство россійскихъ всѣхъ князей
Едва противостать могло бы нынѣ ей.
Но мы, оставленны большею войска частью,
Не устрашаемся грозящей намъ напастью;

На вѣрну смерть течемъ, какъ къ морю сонмы водъ.
Гдѣ, благостью князей блаженствуя народъ,
Въ владыкахъ зритъ любовь отечественной славы,
Тамъ въ нихъ онъ признаетъ отцовъ священны правы,
И подданные тамъ не такъ, какъ ихъ рабы,
Которы отъ премѣнъ ждя лучшія судьбы,
Въ день брани преклоня и выи и колѣна,
О жизни молятъ лишь и не стыдятся плѣна;
Но такъ, какъ дѣти ихъ, ордынцевъ презря мечъ,
За честь своихъ князей костьми готовы лечь,
На смерть рѣшительно такъ мы идемъ съ тобою.

Димитрій.

Умремъ, коль смерть въ бою назначена судьбою;
Не преживемъ, друзья, надежды лестной той,
Чтобъ свергнуть съ насъ яремъ отважною рукой!
Пусть цѣпи тотъ влачитъ, кто ихъ сорвать не смѣетъ;
Въ могилѣ нѣтъ оковъ, тамъ звукъ цѣпей нѣмѣетъ.
Умремъ, какъ храбрые: и въ память нашихъ дѣлъ,
Чтобы надгробный дернъ надъ нами зеленѣлъ;
Чтобъ робкаго стопы къ нему не прикасались
И праху мыслію потомки поклонялись.
Грядущи времена, сокрытыя отъ насъ!
Судьями нашихъ дѣлъ я призываю васъ:
Вы будете цѣнить нашъ подвигъ знаменитый.
И коль свободы днесь мы слабою защитой,
Когда отечества не можемъ мы спасти,
Хотимъ себя въ его паденьи погребсти;
Но память пусть живетъ: въ примѣръ ее почтите!
Бояре мудрые! Вы къ воинамъ идите,
Устройте ихъ ряды и, какъ наступитъ часъ,
Пусть битву возвѣститъ воинскій трубный гласъ!

(*Бояре уходятъ*).

А. Озеровъ.

Щелканъ Дудентьевичъ.

Народная Пѣсня.

А и дѣялось въ Ордѣ,
Передѣялось въ Большой,
На стулѣ золотѣ,
На рдѣтомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ;
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Одного не пожаловалъ!
И за то онъ не пожаловалъ,
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича,
За то не пожаловалъ—
Его дома не случилося,
Уѣзжалъ то младъ Щелканъ
Въ дальную землю Литовскую,

За моря синія,
Бралъ онъ младъ Щелканъ
Дани, невыходы,
Царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сто рублевъ,
Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ;
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани выходы,
Царскія невыплаты;
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во сто рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тѣмъ узда дорога —
Царское жалованье,
Государево Величество,
А не льзя дескать,
Тое узды ни продать, ни промѣнять
И друга дарить,
Щелкана Дудентьевича.
Проговоритъ младъ Щелканъ
Младъ Дудентьевичъ:
„Гой еси, царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ!
Пожаловалъ ты молодцовъ
Любимыхъ шуриновъ,
Двухъ удалыхъ Борисовичевъ:

Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Пожалуй ты, царь Азвякъ,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичи.“
Проговоритъ Царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
„Гой еси, шуринъ мой,
Щелканъ Дудентьевичъ!
Заколит-ко ты сына своего,
Сына любимаго,
Крови ты чашу нацѣди,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячія;
И тогда я тебя пожалую —
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичи.“
Втапоры младъ Щелканъ
Сына своего заколол̆ъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
Крови горячія,
Выпилъ чашу тоя крови горячія;
И втапоры царь Азвякъ
За то его пожаловалъ
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двума братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичи.
И втѣпоры младъ Щелканъ
Онъ судьею насѣлъ

Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую;
А немного онъ судьею сидѣлъ:
И вдовы то безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики то старые,
Мужики то богатые,
Мужики посадскіе,
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ
Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли, съ честными подарками—
И понесли они честные подарки
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли его въ домѣ у себя
Щелкана Дудентьевича;
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Втапоры младъ Щелканъ
Зачванился онъ, загординился,
И они съ нимъ раздорили—
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалося.

Александръ Невскій.

Сгинь ты, туча-невзгодье ненастное!..
Выглянь, Божіе солнышко красное!

Вотъ сквозь тучу то солнце и глянуло,
Краснымъ золотомъ въ озеро кануло,
Что до самаго дна-недостаннаго,
Бѣлъ-горючими камнями стланнаго...
Только вѣдаютъ волны-разбойнички,
Да тонулые въ вёсну покойнички,
Каково его сердце сердитое,
О пороги и берегъ разбитое?
Вихремъ Ладога-озеро, бурей обвѣяно,
И волнами, что̀ хмѣлемъ бродливымъ, засѣяно.
Колыхается Ладога, все колыхается,
Верстъ на двѣсти, на триста оно разливается,
Со своею со зимней шубой прощается:
Волховъ съ праваго сняло оно рукава,
А на лѣво сама укатилась Нева,
Укатилась съ Ижорой она, на просторѣ,
Погулять на варяжскомъ, родимомъ ей морѣ.
И съ Ижорой въ обгонку несется Нева,
И глядятъ на побѣжку сестеръ острова,
И кудрями своими зелеными
Наклоняются по̀ вѣтру вслѣдъ имъ съ поклонами.
И бѣгутъ они вмѣстѣ, побѣжкою скорою, —
И бѣгутъ въ перегонку—Нева со Ижорою.

Али нѣтъ въ Новогородѣ парней такихъ удалыхъ,
Ктобъ до синяго моря не выслѣдилъ ихъ,
Не стоялъ бы всю ночь до зари на озёрной на стражѣ,
Какъ простоялъ не одну, а три ноченьки даже
Ижорянинъ крещеный Пелгусій? Его отъ купели
Принялъ князь Александръ Ярославичъ, на свѣтлой недѣлѣ,
А владыко Филиппомъ нарекъ...
Вотъ стоитъ онъ — стоитъ
И на устье Ижоры онъ зорко глядитъ.
Ну, и слышитъ онъ, раннею алой зорею:
Зашумѣла Ижора подъ дивной ладьею;
Подъ ладью опрокинулись всѣ небеса;
Надъ ладьею, что̀ крылья, взвились паруса,
И стояли въ ладьѣ двое юношей, въ ризахъ червленыхъ,
Преподобныя руки скрестивъ на могучихъ раменахъ;
На челѣ ихъ, что̀ солнце, сіяли вѣнцы,
И, окутаны мглою, сидѣли гребцы...
Словно два серафима спустилися съ яснаго неба...
И призналъ въ нихъ Пелгусій святаго Бориса и Глѣба.
Говорятъ межь собою:
„На эту на ночь
Александру, любезному брату, намъ надо помочь!
Похваляются всуе кичливые шведы,
Что возьмутъ Новградъ; да не вѣдать невѣрнымъ побѣды!
Ихъ ладьи и ихъ шнеки размечетъ Нева...“

И запомнилъ Пелгусій святыя слова.
И пришелъ съ поблѣднѣлымъ отъ ужаса ликомъ
Къ Александру онъ князю, въ смущеньи великомъ,
И повѣдалъ видѣнье свое онъ въ ночи.
И сказалъ ему князь Александръ:
„Помолчи!“

А была наканунѣ за полночь у князь Александра бесѣда,
Потому бы, что въ Новгородъ прибыли три сановитые шведа,

Три посланника-прямо отъ Магнуса, ихъ короля,
И такой ихъ извѣтъ:
„Весь вашъ Новгородъ—отчая наша земля!...
И теперь ополчаемся мы, королевскою силою:
Али дайте намъ дань, али будетъ вашъ городъ—могилою...
А для стольнаго вашего князя съ дружиною мы припасли
То цѣпей и верёвокъ, что̀ вотъ только бы шнеки снесли...“

— Ну!...—Ратмиръ говоритъ—Честь и слава заморской ихъ мочи,
Только мы до цѣпей и верёвокъ небольно охочи!...
Не слыхать, чтобы Новгородъ цѣпь перенесъ!..“

— На цѣпи въ Новѣгородѣ — развѣ что песъ!
— Да и то, коли лютъ, подсказалъ ему Миша.

— Три корабля трупьемъ своимъ навалиша,
Яковъ Ловчій промолвилъ.
— И Господу Силъ
Слава въ вышнихъ! отъ юныхъ по имени — Савва твердилъ.
А Гаврило Олексичъ:
Да что̀ тутъ! А спросту
Я по озеру къ нимъ доберуся безъ мосту!!!“

Всталъ князь съ лавки — и всѣ позабыли Олексичій мостъ,
Что за станъ, и плечи, и ростъ!...
Знать не даромъ въ Орду его ханы къ себѣ зазывали,
Знать не даромъ же Кесарь и шведскій король его братомъ назвали!

. . . .

А ордынки — у нихъ весь улусъ ошалѣлъ...
Только князь Александръ Благовѣрный на нихъ и глядѣть не хотѣлъ.
Да и правду сказать: благолѣпнѣе не было въ мірѣ лица,
Да и не было также нигдѣ удальца
Супротивъ Александра... Родился онъ-самъ съ себя скинулъ сорочку,
А подросъ, такъ съ медвѣдемъ боролся потомъ въ одиночку,
И коня не сѣдлалъ: безъ сѣдла и узды,
Мчался вихремъ онъ съ нимъ, отъ звѣзды до звѣзды.

Да и вышелъ же конь: сквозь огонь, черезъ воду,
Князя вынесетъ онъ, не спросившися броду,
А на вѣчѣ-то княжескій голосъ—то сила, то страсть, то мольба,
То—архангела страшнаго смерти труба...

—Собирайтеся,—молвилъ дружинникамъ князь, со святой благостынею—
И пошелъ попроститься съ своей благовѣрной княгинею,
И въ Софійскій соборъ поклониться пошелъ онъ потомъ,
Воздыхая и плача предъ ликомъ пресвѣтлымъ Софіи, а тоже
Возглашая псаломъ пѣснопѣвца:
„О, Господи Боже,
О, Великій и Крѣпкій, и Праведный, насъ со врагомъ разсуди,
И да будетъ Твой судъ правовѣрный щитомъ впереди!“

Собралися дружинники князя — кто пѣше, кто конно...
Александръ Ярославичъ повелъ съ ними рѣчь неуклонно:
— Други-братья, помянемъ—не кровь и не плоть,
А слова, что: *не въ силѣ, а въ правдѣ Господь!*“
И дружинники всѣ оградились крестомъ передъ битвою,
И за князь-Александръ-Ярославичемъ двинулись въ поле съ молитвою.

Воевода-то шведскій ихъ, Бюргеръ, куда былъ хитеръ:
На сто саженъ кругомъ онъ раскинулъ шатеръ,
И подперъ его столпнякомъ, глаженнымъ, струженнымъ, точеннымъ,
Сквозь огонь главнымъ розмысломъ шведскимъ золоченнымъ.
И пируютъ въ шатрѣ горделиво и весело шведы,
Новгородскія деньги и гривны считая...
И было бесѣды
За полночь у нихъ... И рѣшили они межъ собой:
Доски бросить на берегъ со шнекъ, потому что весь берегъ крутой,
И пристать неудобно, и весь онъ обсѣлся глухими кустами...
Порѣшили — и доски со шнекъ протянули на берегъ мостами...
Конченъ пиръ: провели Спиридона, епископа ихъ по мостамъ,
Только Бюргеръ на шнеку безъ помочи выбрался самъ...
И пора бы: не было бы русской тяжелой погони,
Да и князь Александра...
Заржали ретивые кони—

И Гаврило Олексичъ, сквозь темныхъ кустовъ,
Сѣрой рысью прыгнулъ на ошалѣлыхъ враговъ,
И сдержалъ свое слово: добрался онъ, съ просту
По доскамъ, до епископской шнеки безъ мосту.
И учалъ онъ направо и лѣво рубить все и сѣчь,
Словно въ жгучія искры о вражьи шеломы разсыпался мечъ.
Образумились шведы въ ту пору, и вскорѣ
Сотней рукъ они витязя вмѣстѣ съ конемъ опрокинули въ море.
Да Гаврило Олексичъ куда былъ силенъ и строптивъ,
Да и конь его Воронъ куда былъ сердитъ и ретивъ...
Окунулися въ море — да мигомъ на шнеки опять они оба,
И въ обоихъ ключемъ закипѣла нещадная злоба:
И желѣзной подковой, и тяжкимъ каленымъ мечемъ сокрушенъ,
Утонулъ воевода-епископъ и рыцарь ихъ, самъ Спиридонъ.
А Збыславъ Якуновичъ, тотъ сѣкъ эту чудь, съ позевкомъ, и съ плеча,
И проѣхалъ сквозь полкъ ихъ, и даже подкладомъ не вытеръ меча;
Хоть вернулся къ дружинѣ, весь красный, и спереди онъ, да и сзади,
И его Александръ похвалилъ молодечества буйнаго ради...
А Ратміръ не вернулся, и только ужъ други смогли
Вырвать трупъ для схорона на лонѣ родимой земли.
— Три корабля труньемъ своимъ наволиша!
Крикнулъ ловчій у князь Александра, а Миша,
Стремянной, говоритъ:—Хоть пасли мы заморскихъ гусей ихъ, пасли,
Да гусынь ихъ любезныхъ трехъ шнекъ, почитай, не спасли!"
Балагуръ былъ. А Савва отрокъ досмысленный былъ
И у Бюргера въ ставкѣ онъ столбъ золотой подрубилъ.
Да и вороговъ всѣхъ, что попалися подъ руку, тоже
Топоромъ изрубилъ онъ въ капусту...
А князь-то!... О Господи Боже!..
Какъ наѣхалъ на Бюргера, ихъ воеводу, любимымъ конемъ,
Размахнулся съ плеча, и печать кровяную булатнымъ копьемъ,
Положилъ межъ бровей хвастуну окаянному — шведу...

Затрубили рога благовѣрному князь-Александру побѣду,
И со страхомъ бѣжали всѣ шведы, гдѣ сушью, а гдѣ по водѣ;
Но настигла ихъ быстро Господняя кара вездѣ;

Ужъ не князь Александръ ихъ настигъ со своей удалою дружиной,
А другой Судія на крамольниковъ, вѣчно—Единый...

И валилися шведы валежникомъ хрупкимъ, со смертной тревогой
Убѣгая отъ божіей страшной грозы, не путемъ, не дорогой:
По лѣсамъ и оврагамъ костями они полегли,
Тамъ, гдѣ даже дружинники князя за ними погоней не шли...
На зарѣ, крѣпкой тайной, съ дружиною близился князь
Къ Новугороду; только была имъ нежданная встрѣча:
Застоналъ благовѣстникъ, и громкіе крики раздалися съ вѣча,
И по Волхову къ князю молебная пѣснь донеслась,
И въ посадѣ встрѣчали съ цвѣтами его новгородки —
И княгиня, и красныя дѣвки, и всѣ молодыя—молодки,
Въ сарафанахъ цвѣтныхъ и въ жемчужныхъ повязкахъ, и съ лентой
въ косѣ.
И бросались онѣ на колѣни предъ княземъ возлюбленнымъ всѣ,
А епископъ и клиръ ужъ стояли давно предъ Софійскимъ соборомъ,
И ужъ пѣли молебенъ напутственный, князю съ дружиною хоромъ,
И успѣлъ по поднебесью вѣтеръ развѣять побѣдную вѣсть:
„*Князю Невскому* слава съ дружиной, и многія лѣта, и честь!"

Много лѣтъ прожилъ князь Александръ... Не бывало на свѣтѣ
Преподобнаго князя мудрѣе—въ миру, и въ войнѣ, и въ совѣтѣ,
И хоругвью божьею онъ осѣнялъ княженецкій свой санъ;
А затѣмъ и пословъ ему слали и кесарь, и папа, и ханъ,
И на письмахъ съ нимъ крѣпко любовь и согласье они заручали;
А король шведскій Магнусъ потомкамъ своимъ завѣщалъ,
Чтобъ никто ополчаться на Русь, на святую изъ нихъ не дерзалъ...
Да и князь бы отъ миру со шведомъ не прочь... Только годы
уплыли, —
И преставился князь...
И рыдали, рыдали, рыдали
Надъ усопшимъ и старцы, и малыя дѣти съ великой печали
Въ Новѣгородѣ... Господи! Кто же тогда бы зеницъ
Въ княжій гробъ не сронилъ изъ подъ слезныхъ рѣсницъ?

Князь преставился...

Лѣтопись молвитъ: „Почилъ безъ страданья
и муки,
И безгрѣшную душу онъ ангеламъ передалъ въ свѣтлыя руки.
А когда отпѣвали его, въ несказанной печали-тоскѣ,
Вся святая жизнь князя въ очью предъ людьми объявилась,
Потому что для грамоты смертной у князя десница раскрылась.
И понынѣ душевную грамоту крѣпко онъ держитъ въ рукѣ!“

И почіетъ нашъ князь Александръ Благовѣрный надъ синей Невою,
И поютъ ему вѣчную память волна за волною,
И поютъ память вѣчную всѣ побережья ему...
Да душевную грамоту онъ передастъ-ли кому?
Передастъ! И крестомъ осѣнилъ чьи-то мощныя плечи,
И прійдется кому-то услышать святыя, загробныя рѣчи!...

Сгинь ты, туча невзгодье ненастное!...
Выглянь, божіе солнышко красное!...

Л. Мей.

Ермакъ.

Какое зрѣлище предъ очи
Представила ты, древность, мнѣ?
Подъ ризою угрюмой ночи,
При блѣдной въ ὀблакахъ лунѣ,
Я зрю Иртышъ: крутитъ, сверкаетъ,
Шумитъ и пѣной подымаетъ
Высокій берегъ и крутой.
На немъ два мужа изнуренны,
Какъ тѣни въ адѣ заключенны,
Сидятъ, склонясь на длань главой.
Единый младъ, другой съ брадой
Сѣдою и до чреслъ висящей.
На каждомъ вижу я нарядъ,
Во ужасъ сердце приводящій.
Въ булатныхъ шлемахъ ихъ висятъ
Со всѣхъ сторонъ хвосты змѣины
И вѣютъ крылія совины;
Одежда изъ звѣриныхъ кожъ;
Вся грудь обвѣшана ремнями,
Желѣзомъ ржавымъ и кремнями;
На поясѣ широкій ножъ;
А при стопахъ ихъ два тимпана
И два повержены копья.
То два сибирскіе шамана—
И ихъ словамъ внимаю я.

Старецъ.

Шуми, Иртышъ, реви ты съ нами
И вторь плачевнымъ голосамъ!
Навѣкъ отвержены богами!...
О, горе намъ!

Младой.

О, горе намъ!
О, страшная для насъ невзгода!

Старецъ.

О, ты, которыя вѣнецъ
Поддерживали три народа,
Гремѣвши міра по конецъ!
О, сильна, древняя держава!
О, матерь нѣсколькихъ племенъ!
Прошла твоя, исчезла слава!
Сибирь — и ты познала плѣнъ!

Младой.

Твои народы расточенны,
Какъ вихремъ возмятенный прахъ,
И самъ Кучумъ, гроза вселенны,
Твой царь, погибъ въ чужихъ пескахъ!

Старецъ.

Священные твои шаманы
Скитаются въ глуши лѣсовъ.
На то ль судили вы, шайтаны,
Достигнуть бѣлыхъ мнѣ власовъ,
Чтобъ я, столѣтній вашъ служитель,
Стеналъ во прахѣ, бывши зритель
Паденья тысячъ вашихъ чадъ?

Младой.

И отъ кого жъ, о боги, пали?

Старецъ.

Отъ горсти русскихъ! Моръ и гладъ!
Почто Сибирь вы не пожрали?
Ахъ, лучше бъ трусъ, потопъ, илъ громъ
Всемощны на нее послали,
Чѣмъ быть попранной Ермакомъ!

Младой.

Бичемъ и ужасомъ природы!
Кляните вы его всякъ часъ,
Сибирски горы, холмы, воды:
Онъ вѣчный мракъ простеръ на васъ!

Старецъ.

Онъ шелъ, какъ столпъ, огнемъ палящій,
Какъ лютый мракъ, все вкругъ мертвящій:
Куда стрѣлу ни посылалъ —
Повсюду жизнь предъ нимъ блѣднѣла
И страшна смерть вослѣдъ летѣла.

Младой.

И царскій братъ предъ нимъ упалъ.

Старецъ.

Я зрѣлъ съ нимъ бой Мегмета-Кула,
Сибирскихъ странъ богатыря:
Разсыпавъ стрѣлы всѣ изъ тула
И вящимъ жаромъ возгоря,
Извлекъ онъ саблю смертоносну.
„Дай лучше смерть, чѣмъ жизнь поносну
Влачить мнѣ въ плѣнѣ!“ онъ сказалъ —
И вмигъ на Ермака напалъ.

Ужасный видъ! Они сразились:
Ихъ сабли молніей блестятъ,
Удары тяжкіе творятъ—
И обѣ разомъ сокрушились,
Они въ ручной вступили бой:
Грудь съ грудью и рука съ рукой.
Отъ вопля ихъ дубравы воютъ;
Они стопами землю роютъ.
Уже съ нихъ сыплетъ потъ, какъ градъ,
Уже въ нихъ сердце страшно бьется
И ребра обоихъ трещатъ;
То сей, то оный на бокъ гнется,
Крутятся — и Ермакъ сломилъ.
„Ты мой теперь!—онъ возопилъ—
И все отнынѣ мнѣ подвластно!“

Младой.

Сбылось пророчество ужасно;
Плѣнилъ, попралъ Сибирь Ермакъ!
Но что! ужели стонъ сердечный
Гонимыхъ будетъ...

Старецъ.

Вѣчный, вѣчный!
Внемли, мой сынъ: вчера во мракъ
Глухихъ лѣсовъ я углубился
И тамо съ пламенной душой
Надъ жертвою богамъ молился.
Вдругъ вѣтръ возсталъ и поднялъ вой:
Съ деревьевъ листья полетѣли,
Столѣтни кедры заскрипѣли
И вихрь закланныхъ сернъ унесъ.
Я палъ и слышу гласъ съ небесъ:
„Неукротимъ, ужасенъ Рача,
Когда казнивъ вселенну онъ!

Сибирь отвергла мой законъ:
Пребудь вовѣкъ, стоная, плача,
Рабыней *бѣлаго царя!*
Да свѣтлая тебя заря
И чорна ночь въ цѣпяхъ застанетъ,
И слава грозна Ермака
И чадъ его во-вѣкъ не вянетъ
И будетъ подъ луной громка!“
Умолкнулъ гласъ — и громъ трикратно
Протекъ по бурнымъ небесамъ.
Увы, погибли невозвратно!
О, горе намъ!

Младой.

О, горе намъ!

Потомъ съ глубокимъ сердца вздохомъ,
Возставъ съ камней, обросшихъ мохомъ,
И взявъ оружіе съ земли,
Они вдоль брега потекли —
И вскорѣ скрылися въ туманѣ.
Миръ праху твоему, Ермакъ!
Да увѣнчаютъ россіяне
Изъ злата вылитый твой зракъ,
Изъ ребръ Сибири источенна
Твоимъ булатнымъ копіемъ.
Но чтò я рекъ, о тѣнь забвенна!
Чтò рекъ въ усердіи моемъ?
Гдѣ обелискъ твой? Мы не знаемъ,
Гдѣ даже прахъ твой былъ зарытъ.
Увы! Онъ вепремъ попираемъ,
Или остякъ по немъ бѣжитъ
За ланью быстрой и рогатой,
Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернатой.
Но будь утѣшенъ ты, герой!
Парящій стихотворства геній

Всякъ день съ Авророю златой,
Въ часы божественныхъ явленій,
Надъ прахомъ плаваетъ твоимъ
И сладку вѣсть гласитъ надъ нимъ:

Великій, гдѣ бъ ты ни родился,
Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ,
Твой подвигъ жизни совершился!
Хотя бь исчезъ твой самый прахъ,
Хотя бь сыны твои потомки,
Забывъ дѣянья предка громки,
Скитались въ дебряхъ и лѣсахъ
И жили съ алчными волками,—
Но ты, великій человѣкъ,
Пойдешь въ ряду съ полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ!
И славы лучъ твоей затмится,
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Со трескомъ небо развалится,
И время на косу падетъ!

И. Дмитріевъ.

Ермакъ.

Народная Пѣсня.

Во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани,
Противъ пристани матки Волги рѣки,
Сходилися тутъ удалы-добры молодцы,
Донскіе славны атаманы козачіе,
Ермакъ Тимоѳеевичъ, Самбуръ Андреевичъ,
Самбуръ Андреевичъ и Анофрій Степановичъ.
И стали они во единой кругъ,
Какъ думати думушку за единое,
Со крѣпка ума, съ полна — разума.
Атаманъ говорилъ Донскимъ козакамъ,
По имени Ермакъ Тимоѳеевичъ:
— А и вы гай еси, братцы, атаманы козачіе!
Некорыстна у насъ шутка зашучена!
Гуляли мы по морю синему
И стояли на протокѣ на Ахтубѣ,
Убили мы посла персидскаго
Со всѣми его солдатами и матросами,
И всѣмъ животомъ его покорыстовались;
И какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать?
Въ Астрахани — жить нельзя,
На Волгѣ жить — ворами слыть,
На Яикъ идти — переходъ великъ,
Въ Казань идти — Грозенъ царь стоитъ,
Грозенъ царь государь Иванъ Васильевичъ;

Въ Москву идти — перехватаннымъ быть,
По разнымъ городамъ разосланнымъ
И по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ.
Пойдемте мы въ Усолья ко Строгоновымъ,
Ко тому Григорью Григорьевичу,
Къ тѣмъ господамъ Вороновымъ:
Возьмемъ мы много свинцу-пороху и запасу хлѣбнаго.

И будутъ они въ Усольѣ у Строгонова,
Взяли запасы хлѣбные, много свинцу-пороху,
И пошли вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
Гдѣ бы Ермаку зимы зимовать.
И нашли они пещеру каменну,
На той Чусовой рѣкѣ, на висячемъ большомъ каменю;
И зашли они сверхъ того каменю,
Опущалися въ ту пещеру козаки,
Много не мало двѣсти человѣкъ;
А которые остались люди похужѣе, на другой сторонѣ,
Въ такую же они пещеру убиралися,
И тутъ имъ было хорошо зиму зимовать.

Та зима проходитъ, весна наступаетъ:
Гдѣ Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебряной рѣкѣ;
Сталъ Ермакъ убиратися со своими товарищами.
По Серебреной пошли, до Жоровля дошли,
Оставили они тутъ лодки коломенки:
На той Баранченской переволокѣ,
Одну тащили, да надсѣлися, тамъ ее и покинули.
И въ то время увидѣли Баранчу рѣку — обрадовались.
Подѣлали боты сосновые и лодки набойницы,
Поплыли по той Баранчѣ рѣкѣ.
И скоро они выплыли на Тагиль-рѣку,
У того Медвѣдя камня, у Магницкаю горы, становилися;
А на другой сторонѣ было у нихъ плотбище;
Дѣлали большія коломенки,

Чтобъ можно имъ совсѣмъ убратися.
Жили они тутъ, козаки, съ весны до Троицева дня,
И были у нихъ промыслы рыбные,
Тѣмъ они и кормилися.

И какъ имъ путь надлежалъ,
Совсѣмъ въ коломенки убиралися,
И поплыли по Тагиль-рѣкѣ;
А и выплыли на Туру рѣку,
И поплыли по той Турѣ рѣкѣ въ Епанчу рѣку:
И тутъ они жили до Петрова дня.
Еще они тутъ управлялися,
Подѣлали людей соломенныхъ
И нашили на нихъ платье цвѣтное;
Было у Ермака дружины триста человѣкъ,
А стало уже со тѣми больше тысячи.

Поплыли по Тоболь-рѣкѣ,
Въ Мяденски юрты поплыли:
Тутъ они князька полонили небольшаго,
Дабы показалъ имъ путь по Тоболь-рѣкѣ.
Во тѣхъ устьяхъ Тобольскiихъ,
На изюловѣ становилися,
И собиралися во единый кругъ,
И думали думушку за едино:
Какъ бы имъ приплыть къ горѣ Тобольской той?
Самъ онъ, Ермакъ, пошелъ устьемъ верхнiимъ,
Самбуръ Андреевичъ устьемъ среднiимъ,
Анофрiй Степановичъ устьемъ нижнiимъ,
Которое устье впало противъ самой горы Тобольскiя.
И выплыли два атамана козачiе,
Самбуръ Андреевичъ и Анофрiй Степановичъ,
Со своими товарищами на Иртышъ-рѣку,
Подъ саму высоку гору Тобольскую.
И тутъ у нихъ стала баталiя великая
Со тѣми татары Котовскими:

Татары въ нихъ бьютъ со крутой горы,
Стрѣлы летятъ, какъ часты дожди,
А козакамъ взять не можно ихъ.
И была баталія цѣлый день,
Прибили козаки тѣхъ татаръ не мало число.
И тому татары дивовалися —
Каковы русски люди крѣпкіе,
Что ни единаго убить не могутъ ихъ;
Каленыхъ стрѣлъ въ нихъ, какъ въ снопики налѣплено,
Только козаки тѣ невредимы стоятъ;
И тому татары дивуются наипаче того.
Въ то же время пришелъ атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ,
Со своею дружиною, тою лукою Соуксанскою;
Дошелъ до устья Сибирки рѣки
И въ то время полонилъ Кучума царя татарскаго;
А перваго князька, поиманнаго,
Отпустилъ со извѣстіемъ,
Ко тѣмъ татарамъ Коговскіимъ,
Чтобы они въ дракѣ съ козаками помирилися:
„Ужъ, де, царя вашего во полонъ взяли
„Тѣмъ атаманомъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ.“
И таковы слова услыша, татары сокротилися,
И пошли къ нему Ермаку, съ подарочками,
Понесли казну соболиную и бурыхъ лисицъ сибирскихъ;
И принималъ Ермакъ у нихъ, не отсылаючи;
А на мѣсто Кучума царя утвердилъ Сабанака Татарина,
И далъ ему полномочіе владѣть ими.
И жилъ тамъ Ермакъ съ Покрова
До зимняго Николина дня:
Втапоры Ермакъ шилъ шубы соболиныя,
Нахтармами вмѣстѣ сшивалъ,
А теплые мѣхи на верхъ обоихъ сторонъ;
Таковымъ манеромъ и шапки шилъ.

И убравши Ермакъ со всѣми козаками,
Отъѣзжалъ въ каменну Москву,

Ко Грозному царю Ивану Васильевичу.
И какъ будетъ Ермакъ въ каменной Москвѣ,
Наканунѣ праздника Христова дня,
Втапоры подкупилъ въ Москвѣ
Большаго боярина Никиту Романовича,
Чтобы доложилъ объ немъ Царю Грозному.
На самый праздникъ — Христовъ день,
Какъ изволилъ царь-государь идти отъ заутрени,
Втапоры доложилъ объ нихъ Никита Романовичъ:
„Что, де, атаманы козачіе,
Ермакъ Тимоѳеевичъ съ товарищи,
Къ твоему Царскому Величеству съ повинностью пришли
И стоятъ на Красной площади.“
И тогда царь государь
Тотчасъ велѣлъ предъ себя привести
Того атамана Ермака Тимоѳеева,
Съ тѣми его товарищи.
Тотчасъ ихъ къ царю представили
Въ тѣхъ шубахъ соболиныхъ;
И тому царь удивляется,
И не сталъ больше спрашивати,
Велѣлъ ихъ разослать по квартирамъ,
До того часу, когда спросятся.
Втапоры царю праздникъ радошенъ былъ,
И было пированіе почетное,
На великихъ на радостяхъ,
Что полонилъ Ермакъ Кучума, царя татарскаго,
И вся сила покорилася тому Царю Грозному,
Царю Ивану Васильевичу.
По прошествіи того праздника,
Приказалъ царь-государь
Того Ермака предъ себя привести.
Тотчасъ ихъ собрали
И ко царю представили.
Вопрошаетъ ихъ тутъ царь-государь:
— Гой ты еси, Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ!

Гдѣ ты бывалъ, сколько по волѣ гулялъ
И напрасныхъ душъ губилъ,
И какимъ случаемъ татарскаго
Кучума царя полонилъ,
И всю его татарскую силу
Подъ мою власть покорилъ?“

Втапоры Ермакъ предъ Грознымъ Царемъ на колѣни палъ,
И при томъ говорилъ таковыя слова:
— Гой еси, вольный царь, царь Иванъ Васильевичъ!
Приношу тебѣ, осударь, повинность свою:
Гуляли мы козаки по морю синему,
И стояли на протокѣ на Ахтубѣ;
И въ то время годилося мимо идти послу персидскому,
Коромышеву Семену Константиновичу,
Со своими солдатами и матросами;
И они напали на насъ своею волею,
И хотѣли отъ насъ наживитися;
Козаки наши были пьяные, а солдаты упрямые,
И тутъ персидскаго посла устукали
Съ тѣми его солдатами и матросами.“
И на то царь-государь не прогнѣвался,
Приказалъ Ермака пожаловати.

И послалъ его въ ту сторону сибирскую,
Ко тѣмъ татарамъ Котовскимъ,
Брать съ нихъ дани выходы въ казну государеву.
И по тому приказу государеву,
Поѣхалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ
Со своими козаками въ ту сторону Сибирскую.
И будетъ онъ у тѣхъ татаръ Котовскiихъ,
Сталъ онъ ихъ наибольше
Подъ власть государеву покоряти,
Дани-выходы безъ запущенiя выбирати.

И годъ-другой тому времени поизойдучи,
Тѣ татары взбунтовалися,

На Ермака Тимоѳеева напущалися,
На той большой Енисеѣ-рѣкѣ.
Втапоры у Ермака были козаки разосланы
По разнымъ дальнимъ сторонамъ,
По разнымъ дальнимъ странамъ;
А при немъ только было козаковъ —
На дву коломенкахъ.
И билися-дралися съ татарами время не малое.
И для помощи своихъ товарищевъ,
Онъ, Ермакъ похотѣлъ перескочити
На другую свою коломенку,
И ступилъ на переходню обманчивую,
Правою ногою поскользнился онъ,
И та переходня съ конца верхняго
Подымалася и на его опущалася,
Расшибла ему буйну голову
И бросила его въ тое Енисей быстру-рѣку:
Тутъ Ермаку такова смерть случилась.

Князь Михайло Репнинъ.

Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалой
Иванъ Васильичъ Грозный подъ матушкой Москвой.

Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,
Разгульные за ними опричники сидятъ.

Съ вечерни льются вины на царскіе ковры,
Поютъ ему съ полночи лихіе гусляры;

Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

Но голосъ прежней славы царя не веселитъ,
Подать себѣ личину онъ кравчему велитъ

— Да здравствуютъ тіуны, опричники мои!
Вы жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!

„Себѣ личину, други, пусть каждый изберетъ—
Я первый открываю веселый хороводъ!

За мной, мои тіуны, опричники мои!
Вы жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!“

И всѣ подняли кубки. Не поднялъ лишь одинъ,
Одинъ не поднялъ кубка, Михайло князь Репнинъ.

— О, царь, забылъ ты Бога! Свой санъ, ты царь, забылъ!
Опричниной на горе престолъ свой окружилъ!

„Разсыпь державнымъ словомъ дѣтей бѣсовскихъ рать!
Тебѣ ли, властелину, здѣсь въ мáшкарѣ плясать!“

Но царь, нахмуря брови: — Въ умѣ ты, знать, ослабъ,
Или хмѣленъ не въ мѣру? Молчи, строптивый рабъ!

„Не возражай ни слова и мáшкару надѣнь —
Или клянусь, что прожилъ ты свой послѣдній день!“

Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Репнинъ, правдивый князь:
— Опричнина да згинетъ!—онъ рекъ, перекрестясь,—

„Да здравствуетъ вовѣки нашъ православный царь!
Да правитъ человѣки, какъ правилъ ими встарь!

„Да презритъ, какъ измѣну, безстыдной лести гласъ!
Личины жъ не надѣну я въ мой послѣдній часъ!“

Онъ молвилъ, и ногами личину растопталъ,
Изъ рукъ его на землю звенящій кубокъ палъ...

„Умри же, дерзновенный!“ царь вскрикнулъ, разъярясь—
И палъ, жезломъ пронзенный, Репнинъ, правдивый князь.

И вновь подъяты кубки, ковши опять звучатъ,
За длинными столами опричники шумятъ,

И смѣхъ ихъ раздается, и пиръ опять кипитъ—
Но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ:

— Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
Вкушать веселье нынѣ я болѣ не могу!“

Напрасно льются вина на царскіе ковры,
Поютъ царю напрасно лихіе гусляры,

Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

Гр. А. Толстой.

Василій Шибановъ.

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
Съ нимъ Васька Шибановъ, стремянный.
Дороденъ былъ князь, конь измученный палъ —
Какъ быть среди ночи туманной?
Но рабскую вѣрность Шибановъ храня,
Свого отдаетъ воеводѣ коня:
— Скачи, князь, до вражьяго стану,
Авось я пѣшой не отстану!

И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ
Опальный сидитъ воевода;
Стоятъ въ изумленьи литовцы кругомъ,
Безъ шапокъ толпятся у входа,
Всякъ русскому витязю честь воздаетъ,
Не даромъ дивится литовскій народъ,
И ходятъ ихъ головы кругомъ
„Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ!“

Но князя не радуетъ новая честь,
Исполненъ онъ желчи и злобы;
Готовится Курбскій царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
„Что долго въ себѣ я таю и ношу,
Все то я пространно къ царю напишу,
Скажу напрямикъ, безъ изгиба,
За всѣ его ласки спасибо!“

И пишетъ бояринъ всю ночь напролетъ,
Перо его местію дышетъ;
Прочтетъ, улыбнется, и снова прочтетъ,
И снова безъ отдыха пишетъ;
И злыми словами язвитъ онъ царя;
И вотъ ужъ когда занялася заря,
Поспѣло ему на отраду
Посланіе, полное яду.

Но кто жъ дерзновенныя князя слова
Отвезть Іоанну возьмется?
Кому не люба на плечахъ голова,
Чье сердце въ груди не сожмется?
Невольно сомнѣнья на князя нашли...
Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и въ пыли:
— Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!

И въ радости князь посылаетъ раба,
Торопитъ его въ нетерпѣньи:
— Ты тѣломъ здоровъ, и душа не слаба,
А вотъ и рубли въ награжденье!
Шибановъ въ отвѣтъ господину: — Добро!
Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро,
А я передамъ и за муки
Письмо твое въ царскія руки!

Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой,
Царь въ смирной одеждѣ, трезвонитъ:
Зоветъ ли обратно онъ прежній покой,
Иль совѣсть навѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьетъ,
И звону внимаетъ московскій народъ,
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.

Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,

Звонитъ всей опричнины кромѣшная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тутъ же, гордяся своею красой,
Съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душей,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ,
Отверженный Богомъ Басмановъ.

Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ
И съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье.
Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигаетъ народъ,
Надъ шапкою держитъ посланье.
И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой,
Къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
И молвитъ ему, не блѣднѣя:
„Отъ Курбскаго, князя Андрея!“

И очи царя загорѣлися вдругъ:
—Ко мнѣ! Отъ злодѣя лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ
Посланье отъ слова до слова!
Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!“
И въ ногу Шибанова острый конецъ
Жезла своего онъ вонзаетъ,
Налегъ на костыль—и внимаетъ:

„Царю, прославляему древле отъ всѣхъ,
Но тонущу въ сквернахъ обильныхъ!
Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
Побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?
Отвѣтствуй, не ими ль, средь тяжкой войны,
Безъ счета твердыни враговъ сражены?
Не ихъ ли ты мужествомъ славенъ?
И кто имъ бысть вѣрностью равенъ?

„Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ,
Въ небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Пріидетъ возмездія часъ,

Писаніемъ намъ предреченный,
И азъ, иже кровь, въ непрестанныхъ бояхъ,
За тя, аки воду, ліяхъ и ліяхъ,
Съ тобой предъ Судьею предстану!“
Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну.

Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
Кровь алымъ струилася токомъ,
И царь на спокойное око слуги
Взиралъ испытующимъ окомъ.
Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ,
Былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
Какъ будто исполненъ печали,
И всѣ въ ожиданьи молчали.

И молвилъ такъ царь: —Да, бояринъ твой правъ,
И нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной!
Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
Я песъ, недостойный и смрадный!
Гонецъ, ты не рабъ, но товарищъ и другъ,
И много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
Что выдалъ тебя за безцѣнокъ!
Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ!“

Пытаютъ и мучатъ юнца палачи,
Другъ къ другу приходятъ на смѣну:
„Товарищей Курбскаго ты уличи,
„Открой ихъ собачью измѣну!“
И царь вопрошаетъ: —Ну, что же гонецъ?
Назвалъ ли онъ вора друзей наконецъ?
—Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ,
Но слово его все едино:
Онъ славитъ своего господина!

О князь, ты, который предать меня могъ,
За сладостный мигъ укоризны,
О, князь, я молю, да проститъ тебѣ Богъ

Измѣну твою предъ отчизной!
Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
Языкъ мой нѣмѣетъ, и взоръ мой угасъ,
Но въ сердцѣ любовь и прощенье —
Помилуй мои прегрѣшенья!“

Услышь, меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
Прости моего господина!
Языкъ мой нѣмѣетъ, и взоръ мой угасъ,
Но слово мое все едино:
За грознаго, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь—
И твердо жду смерти желанной!“
Такъ умеръ Шибановъ, стремянный.

Гр. А. Толстой.

ИЗЪ ДРАМЫ:

Псковитянка.

Торговая площадь въ Псковскомъ Кремлѣ. На заднемъ планѣ Довмонтова стѣна, съ храмомъ св. Аѳанасья посрединѣ и съ двумя всходами; по угламъ Гремацкая и Кутная башня. Направо храмы Живоначальной Троицы, св. Спаса и Бориса и Глѣба; за ними новая стѣна съ Бурковской и Снѣтовою башнями; Святыя и Покровскія ворота; налѣво княжній дворъ, Владыченъ дворъ и Красный дворъ; старая стѣна съ всходомъ и тремя воротами: Княжими, Михайловскими и Смердьими. Посреди вѣчевое мѣсто съ нѣсколькими ступеньками, крытое алымъ сукномъ. На площади разложены костры. На троицкой колокольнѣ гудитъ колоколъ. Во всѣ ворота поспѣшно входятъ на площадь толпы народа. Мѣсячная ночь.

Юшко Велебинъ, *гонецъ, стоитъ у нижней ступеньки вѣча. Около него кружокъ псковичей*: Иванко Тòргоша; Ѳедосъ Говоля, *мясникъ*; Клементій Сесториковъ, *кузнецъ*; Иванко Подкурской, Исакъ Шестникъ; Демешка, *мыльникъ*; Ѳедорко-царскій сынъ; Колтырь Раковъ; Василій Луковица, *суконникъ*; Кирей Шемѣтовъ; Яковъ Желѣзовъ. *Народъ постепенно прибываетъ. Смутный говоръ.*

Иванко Тòргоша (*Велебину*).

Оглохъ ты, Юшко? Али закичился
И отвѣчать не хочешь? (*Велебинъ молчитъ*).

Кирей Шемётовъ. (*Tóргошѣ*).

Экой олухъ!
Ну, что̀ присталъ-то? Знаемо—гонецъ
Къ степенному посаднику, и скажетъ...
А ты-то что̀?

Иванко Тòргоша.

Эхъ ты, Кирей Шемётовъ!

Ѳедосъ Гобòля.

Слышь, Тóргоша не балуй языкомъ
Съ похмѣлья то... (*Бьетъ его по плечу*).

Иванко Тòргоша (*вскрикиваетъ.*)

Охъ!.. (*Оборачивается.*)
Онъ и есть—Гобòля!
(*Третъ себѣ плечо.*)
Да какъ же?.. Впрямь мясницкая рука!..
Да какъ же, дѣдко? Сходку созвонили,
А вѣсти нѣтъ—по что̀ и про кого?..

Ѳедосъ Гоболя.

А ты дождаться нàбольшихъ не хочешь?

Иванко Тòргоша.

А что̀ ихъ ждать?

Голоса въ толпѣ.

Ребята! Сотскій, сотскій!

Тѣ-же *и* Дмитро Патракѣевичъ, *сотскій, пробирается къ вѣчевому мосту.*

Дмитро Патракѣевичъ (*приподнимаетъ шапку*).

Здорово, людъ честной!
(*Народъ также приподнимаетъ шапки*).

Нѣсколько голосовъ.

Тебѣ во здравье!

Дмитро Патракѣевичъ.

Что̀, есть со всѣхъ концовъ по сотнѣ?

Голоса.

Надо-ть быть.

Ѳедосъ Гоболя.

Побольше будетъ, Дмитро Патракѣичъ!

Дмитро Патракѣевичъ.

Очередныхъ подняли?

Голоса.

Туто всѣ.

(*Народъ продолжаетъ сходиться; колоколъ не умолкаетъ; въ толпѣ шумъ и крики*).

Дмитро Патракѣевичъ (*во весь голосъ.*)

По пошлинѣ, честные господа,
По старинѣ мірской и по порядку!

Голоса.

Повольте слушать сотскаго!
Повольте!
Очереднòй... повольте, осудари!
Не поперечьте!

Голосъ.

Тише, чтобъ васъ тамъ!...

. . . .

Дмитро Патракѣевичъ.

. . . . Осудари псковичи!
Присудите: быть сходкѣ, аль не надо?...
Идутъ бояре съ тысяцкимъ, съ судьею,
И со дьякомъ царёвымъ, и съ подъячимъ,..
И князь-намѣстникъ выйти соизволилъ...

Народъ.

Быть сходкѣ! быть! На всей на псковской волѣ!

Изъ Княжихъ Воротъ входятъ на площадь: князь Юрій Токмаковъ, *тысяцкій* Никита Насоновъ; *бояре*: И. Теншинъ, Я. Кротовъ, *кн.* С. Дябренскій, Г. Умылъ-Бородинъ, Н. Матута, Андрей Коза, *царскій дьякъ*; Ортюша, *подъячій;* Сидоръ Оданья, *судья*; *московскіе стрѣльцы. Вслѣдъ за ними посадники*: Иванъ Гохоновичъ, Григорій Силычъ Хрустоловъ, Юрій Коцылъ, Михайло Помазовъ, *псковскіе ратные люди и новыя толпы народа входятъ изъ Святыхъ Воротъ.*

Князь Токмаковъ (*идётъ къ мѣсту; толпа передъ нимъ разступается*).

Кто созвонилъ?

Голоса.

Гонецъ Велебинъ Юшко.

Юшко Велебинъ (*выступаетъ впередъ и кланяется.*)

Я, осударь, пригнанъ со спѣшной вѣстью:
Вели держать ко Пскову речь.

Князь Токмаковъ.

Держи.

Юшко Велебинъ (*всходитъ на мѣсто, снимаетъ шапку, крестится на церкви и кланяется на три стороны.*)

Поклонъ и слово Новгорода:
„Братья
Молодшая, всѣ мужи псковичи!
Вамъ кланялся де Новгородъ-Великій,
Чтобъ помогли вы супротивъ Москвы,
И вы-де брату вашему старшо̀му
Не дали помочь ниже ни́какую,
И цѣлованье крёстное забыли:
Ино на то вся ваша власть и воля,
И помоги вамъ Троица святая!
А братъ-де вамъ старшой открасовался
И наказалъ вамъ долго жить, да править
По нёмъ поминки...“

(*Кланяется и надѣваетъ шапку. Въ толпѣ поднимается шумъ.*)

Голоса.

Новгородъ Великій!
Родимый нашъ!
Уже ли и взаправду
Конецъ ему?
Прійдетъ конецъ и Пскову —
И подѣло̀мъ: сидѣли, склавши руки!
Чужой бѣдѣ порадовались!
Тише!
Пущай гонецъ все скажетъ...
Говори
Всю правду, Юшко!
Али всей не скажетъ?
Ужъ разомъ слушать!
Ка̀зниться, такъ вдо̀сталь.
Молчите жъ!

Юшко Велебинъ (*опять снимаетъ шапку и кланяется на три стороны*).

Осударь Великій Псковъ!...

Тѣ-же Михайло Туча, Четвёртка Терпигоревъ, Богданъ Ковыринъ, Василій Борбошинъ *и псковская вольница входятъ въ Смердьи Ворота и пробиваются сквозь толпу къ вѣчевому мѣсту. Опять шумъ. Колоколъ смолкаетъ.*

Голоса.

Ну, привалили!
Вольница!
Буяны!
Ори пошибче—знать глаза-то пропилъ:
Вишь, сыновья посадничьи!
Да чтò жъ я?
Я только...

Юшко Велебинъ (*громче.*)

Осударь Великій Псковъ!
(*Говоръ утихаетъ.*)
Пусть Богъ меня не милуетъ на страшномъ
Судилищѣ Христовомъ, коль пролгуся
Въ единомъ словѣ: чтò завѣрно слышалъ,
А чтò и самъ сквозь слезы доглядѣлъ...
(*Мертвая тишина*).
Попрежъ всего, подъ Новгородъ Великій
Пришелъ съ Москвы передній полкъ, изгономъ:
Бояре, и князья, и воеводы,
Съ дворянами, съ боярскими дѣтьми—
И всякимъ ратнымъ людомъ—туча-тучей...
Которые поставили заставы
Вкругъ города, а кто въ монастыри—
Казну печатать, иноковъ и старцевъ
Вязать, да въ станъ съ собою, на правёжъ,

До царскаго пріѣзда... Да собрали
Со всѣхъ церквей новогородскихъ причетъ,
За приставовъ роздали по десятку,
И тожъ, до государева пріѣзда,
Велѣли ставить на правёжъ и бить
До искупа, всякъ Божій день, безщадно...
А правили до двадцати рублёвъ
Новогородскихъ съ каждаго...

Голоса.

Злодѣи!
Опричина кромѣшная!

Юшко Велебинъ.

Пождите:
Цвѣточки только—ягодки-то будутъ...
Дѣтей боярскихъ отрядили въ городъ—
Ловить гостей, приказныхъ именитыхъ,
И всѣхъ—въ желѣза, до̀мы и имѣнье—
Все запечатать, а дѣтей и женъ
Блюсти подъ стражей твердо...

Ѳедосъ Говоля.

Юшко, врешь ты!
Аль дѣти-то, младенцы-то повинны
Въ чемъ ни на есть?

Юшко Велебинъ.

А вру—казни Господь!
Постой—еще!... Прошло Богоявленье—
Прошла и поголовная бѣда:
Самъ государь пріѣхалъ... Разобрали—
Кто правый, кто виновный?..
Ну... неможно
Сказать: была ль доподлинно измѣна,

Аль наказалъ Господь новогородцевъ
За ихъ грѣхи... А только былъ разгромъ
И городу, и всѣмъ его пятѝнамъ,
И выселкамъ, за двѣсти верстъ, и больше...
Про это слышалъ...
А глазами видѣлъ
Такую кару грозную и казнь—
Не приведи Господь и лиходѣю...
Охъ! больно грозенъ царь Иванъ Васильичъ!...
Коль прогнѣвятъ, такъ что̀ твой громъ небесный!...
А тутъ ему лихое подшепнули—
Разгнѣвался на Пимена-владыку:
Не подошелъ и ко кресту святому,
„Ты—говоритъ—не Крестъ Животворящій
Въ десницѣ держишь, а на насъ оружье;
Ты наше сердце царское замыслилъ
Злотворною измѣной уязвить:
Богохранимый Новгородъ Великій
Державы нашей вотчину, ты хочешь,
Со всѣмъ единомысленнымъ синклитомъ,
Предать Литвѣ, Жигмонту королю!...
Отселѣ наречешься ты не пастырь,
Не сопрестольникъ всесоборной церкви
Премудрости Господніей Софіи,
А хищный волкъ, измѣнникъ и губитель,
И досадитель нашей багряницѣ
И нашему престольному вѣнцу!“
Какъ вымолвилъ—такъ Новгородъ—и полно!...
Вотъ цѣлый мѣсяцъ съ Волховскаго моста
Въ кипучій омутъ мученыхъ бросаютъ:
Сначала стянутъ локти бечевою,
И ноги свяжутъ, а потомъ пытаютъ
Составомъ этимъ огненнымъ, *поджаромъ*,
Да такъ въ огнѣ и мечутъ съ моста въ воду...
А кто всплыветъ наверхъ, того зацѣпятъ
Баграми и рогатиной приколятъ,

Аль топоромъ снесутъ ему макушку...
Младенцевъ вяжутъ къ матерямъ веревкой—
И тоже въ воду.

Князь Токмаковъ (*поднимаетъ руки къ небу.*)

Господи, мой Боже!
Не можетъ быть, чтобъ царь Иванъ Васильичъ
Казнилъ такъ крѣпко!

Юшко Велебинъ.

Царь на Городищѣ
Всѣмъ станомъ сталъ, а это безъ него
Опричники злодѣйствуютъ...

Ѳедосъ Гоболя.

Да что̀ же?
Когда жъ конецъ-то будетъ?

Кирей Шемётовъ.

Нѣтъ управы,
И нѣтъ суда на этихъ окаянныхъ.

Голоса.

Вѣстимо нѣтъ!
А мы-то, псковичи,
Положимъ также голову на плаху?
Подшепчутъ что̀—тю-тю! не погнѣвися!
Нѣтъ!... какъ же такъ?
Аль стѣны развалились?
Аль у воротъ заржавѣли замки?
Не выдавай, ребята, Псковъ-Великій!
А щитъ—такъ щитъ!
И въ правду, что мы дремлемъ?
Звоните вѣче!

У Святаго Спаса!

У Троицы!

За осударя, Псковъ!

За пошлину мірскую и за вѣче!

Рубись, ребята!

Съ улицы, аль съ дома?

Рубися съ дома!

Сельскіе съ сохи!

Звоните вѣче!

Любо!

Вѣче! вѣче!

(*За сценой звукъ колокольчика.*)

Тѣ-же. Въ Петровскія ворота въѣзжаетъ взмыленная тройка. *Изъ тележки выскакиваетъ псковскій гость* Семенъ Ивановъ Бороусовъ. *Онъ запыхался и еле переводитъ духъ.*

Кирей Шемётовъ.

Никакъ еще намъ вѣсти?

Юшко Велебинъ.

Не къ добру!

Голоса.

Съ вѣстями гость!

Раздайся!

Пропустите!

Семенъ Бороусовъ (*прерывающимся голосомъ.*)

Бѣда!... бѣда намъ, мужи-псковичи!

На Псковъ идутъ!...

(*Пробивается къ вѣчу и нѣсколько времени не можетъ выговорить слова.*)

Иванко Тòргоша.

Еще какіе гости?

Литва?

(*Семенъ Бороусовъ машетъ рукою.*)

Кирей Шемётовъ.

Шальные нѣмцы?

Семенъ Бороусовъ (*переводитъ духъ*).

Самъ идетъ.

Татары изъ полку передоваго

Пригнали ужъ въ Невадичи... насилу

Уѣхалъ...

Иванко Тòргоша (*кричитъ.*)

Ой, голубчики, пропали!...

Юшко Велебинъ (*сбѣгаетъ съ вѣча*).

Прости—прощай, головушка!

Голоса.

Пропали!..

Пропали мы!...

Идетъ!...

Идетъ изгономъ!...

Охъ, батюшки, ворота завалите!

Посады жечь!

Добро-то гдѣ намъ спрятать?

Звоните вѣче!...

(*Общая суматоха; снова раздаются удары колокола.*)

Никита Матута (*тихо князю Юрію Токмакову.*)

Вотъ теперь за дѣло!

Струхнули скоро... Вразуми безумцевъ...

(*Князь Токмаковъ всходитъ на вѣчевое мѣсто.*)

Тысяцкій (*кричитъ:*)

Потише, люди вольные, потише!
Степенный нашъ посадникъ держитъ слово!

Сотскій (*бѣгаетъ въ толпѣ*).

Повольте, осудари-псковичи!
Самъ князь намѣстникъ говорить желаетъ.

(*Вѣчевое мѣсто обступаютъ посадники, бояре, царскій дьякъ, подъячій, судья и московскіе стрѣльцы. Въ первыхъ рядахъ Михайло Туча, Четверка Терпигоревъ и Ѳедосъ Гоболя. Тишина.*)

Князь Юрій Токмаковъ (*снимаетъ шапку, крестится на соборы и кланяется народу*).

Отцы и братья мужи-псковичи,
Великая держава государя,
И отчина и дѣдина его —
Всѣ люди добровольные!
Къ вамъ слово!

Народъ.

Изволь повѣдать, осударь намѣстникъ!
. . . .

Князь Юрій Токмаковъ.

Великій Псковъ! Кого вы испугались?
Законнаго державца и владыки!..
Отца роднаго испугались дѣти!..
Что государь идетъ псковской святынѣ,
Живоначальной Троицѣ и Спасу,
Со страхомъ и молитвой поклониться,
Такъ вы тотчасъ за шестоперъ и бердышъ
Что ворога встрѣчаете...
А, можетъ,

Насъ государь пожалуетъ и льготой:
Вѣдь мы—не ваша братья, новгородцы:
Съ Литвой и съ Мистромъ перевѣтъ не держимъ,
Обѣльное и всѣ подъѣзды правимъ;
Посошной ратью завсегда готовы!
А буде нуженъ человѣкъ охочій—
Да только кликни царь и государь—
Весь Псковъ всѣлъ на̀ конь!...
Такъ ли, осудари?

Голоса.

Оно все такъ...
Вѣстимо: молодцы
У насъ охочи...
Что̀ и не срубиться?
Навыкнуть дѣлу надо молодымъ-то...

Князь Юрій Токмаковъ.

Вотъ видите!... За что̀ же государю
Прогнѣваться на отчину свою?...
А нѐ за что!... Нѣтъ, царь Иванъ Васильичъ,
Ка̀къ сѣлъ на мѣсто царское свое,
Печаловался Псковомъ, да и нонѣ
Жалѣетъ Псковъ...

Четвертка Терпигоревъ.

Жалѣлъ и волкъ кобылу—
Оставилъ хвостъ да гриву!

Ѳедосъ Говоля.

Такъ-то, такъ!
А Новгородъ-то какъ же? Не̇што вправду
Владыка Пименъ перевѣтъ держалъ
Съ Литвою, али съ нѣмцами?

Звѣзда подвосточная!
...ся Грозный царь Иванъ Васильевичъ
... на царскія на сѣмена,
На своего на сына любезнаго,
На Өедора Ивановича,
Приказалъ его отвезти на то болото на Житное,
На ту на плаху дубовую,
Какъ повезъ его Малюта воръ Скурлатовъ сынъ."
Она вставала на рѣзвы ноги,
Какъ надѣвала на ноги
Однѣ тоненьки чулочки безъ чоботовъ,
На плеча надѣвала одинъ дорогой накидничекъ,
Подвязалася она платкомъ шелковымъ,
Побѣжала она по матушкѣ каменной Москвѣ,
Къ старому братцу Никиты Романовичу.
Бѣжитъ она по матушкѣ каменной Москвѣ,
Кричитъ да громкимъ голосомъ:
„Разодвинься, народъ православный,
Дайте мѣстечка немножко царицѣ благовѣрныя!"
А народъ то волнуется-дивуется:
„Куда бѣжитъ царица благовѣрная?"
Какъ прибѣжала она къ братцу родимому,
Никитѣ Романовичу,
Приходила въ его палаты бѣлокаменныя,
Господу Богу не молилася,
На всѣ стороны да не клонилася,
Сама говорила таковы слова
Братцу родимому Никитѣ Романовичу:
„Ай же ты, сѣдатый песъ!
Пьешь-ѣшь-кушаешь и прохлаждаешься,
Надъ собой невзгоды не чаешься!"
„Ай же, сестрица родимая,
Благовѣрная царица Настасья Романовна!
Чѣмъ тебя пріобидѣлъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ?
Что я захочу, то и сдѣлаю:

Потому — у меня сидитъ тридцать россійскихъ могучихъ богат
И сидитъ у меня дружина хоробрая."
Она говоритъ таковы рѣчи:
„Какъ васпалился Грозный царь Иванъ Васильевичъ
На свои то на сѣмена на царскія,
На Ѳедора Ивановича,
Повезъ его Малюта-Стенька воръ Скурлатовъ сынъ
На то болото на Житное,
На ту на плаху дубовую."

Какъ вставалъ старый Никита Романовичъ на рѣзвы ноги,
Говорилъ онъ самъ таковы слова:
„Ай же, любезный конюхъ мой!
Ступай-ка ты скорымъ-скоро, скорымъ нà скоро,
Ступай на стойлы конинныя,
Бери-ка ты моего добра коня,
Не сѣдлай, не уздай ты добра коня,
Выводи-ка ты на широкій дворъ."
Какъ самъ онъ надѣвалъ шубу на одно плечо,
Какъ кладывалъ онъ шляпу на одно ухо,
Бралъ немилаго постельника подъ полу подъ правую,
Выбѣжалъ онъ скоро на широкъ на дворъ,
Самъ садился скоро на добра коня,
Поѣхалъ скоро по матушкѣ, по славной каменной Москвѣ,
Самъ шляпой машетъ и голосомъ кричитъ:
„Разодвиньтесь-ка, народъ православныій,
Дайте мнѣ мѣстечка немножечко,
Проѣхать старому Никитѣ Романовичу,
По матушкѣ славной каменной Москвѣ!"

Какъ сталъ подъѣзжать къ болоту ко Житному,
Увидѣлъ, какъ поваленъ племничекъ да кресничекъ
На тую плаху на дубовую;
У Малюты вора сына Скурлатова
Заздынута рука правая, здынута сабля кровавая.
Спрашивалъ у Ѳедора Ивановича:

„На кого ты оставишь молоду жену,
Кому оставишь несчетну золоту казну?“
Какъ тутъ закричалъ старый Никита Романовичъ,
Громкимъ голосомъ во всю голову:
„Съѣшь волкъ пса, такъ и выгалкнешь!“
Какъ увидѣлъ тутъ Малюта
Стенька воръ Скурлатовъ сынъ,
Увидѣлъ ѣдучись стараго Никиту Романовича на добромъ конѣ,
Не смѣлъ спустить руки правыя, сабли кровавыя,
Отсѣчь буйныя головы.
Тутъ наѣхалъ старый Никита Романовичъ,
Соскочилъ онъ со добра коня,
Какъ взималъ онъ племничка да крестничка,
Взнималъ со плахи съ дубовыя,
Кидалъ немилаго постельничка
На плаху на дубовую,
И отсѣкли ему буйную голову,
Окровавили саблю кровавую.
Тутъ говорилъ Ѳедоръ Ивановичъ,
Говорилъ крестному батюшку:
„Ай же ты, крестный мой батюшка,
Никита Романовичъ!
Что же намъ будетъ отъ батюшка
Грознаго царя Ивана Васильевича?“
Говоритъ тутъ Никита Романовичъ:
„Ай же ты, любезный мой крестничекъ!
Что будетъ — надъ моей-то головкой надъ старою,
Моя головка при старости,
А твоя головка при младости!“
Тутъ поѣхали во матушку во славну каменну Москву.
Какъ тутъ Малюта Стенька воръ Скурлатовъ сынъ,
Представилъ онъ предъ царскими окошками
Свою-то саблю кровавую;
Какъ увидѣлъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Повѣшану саблю кровавую,
Самъ какъ говорилъ да таковы слова:

„По ворахъ, по разбойникахъ есть заступники,
Есть заступники-помошники крѣпкіе,
А по насъ, по сѣменахъ царскіихъ, не находится!“
Посылалъ онъ указы строгіе
По матушкѣ каменной Москвѣ,
Приказалъ завѣсить окна сукномъ чернымъ,
А по церквамъ велѣлъ служить онъ,
Служить обѣдни по печальному.

У собора Успенскаго, у Ивана Великаго,
Зазвонили обѣдни воскресенскія.
Тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Всѣмъ велѣлъ надѣть онъ платья черныя,
Платья черныя все печальныя.
Старый Никита Романовичъ
Надѣвалъ шубу—которой лучше нѣтъ,
Племничку и крестничку тоже надѣвалъ
Платья, которыхъ лучше нѣтъ;
Пошли они къ обѣдни воскресенскія.
Приходили въ соборъ да въ Успенскій.
Тутъ старый Никита Романовичъ
Становился онъ подлѣ Грознаго царя Ивана Васильевича,
Племничка-крестничка бралъ подъ полу подъ правую,
Самъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Кланяется на всѣ четыре стороны,
Грозному царю Ивану Васильевичу въ особину
Съ царицей Настасьей Романовной:
„Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Со своей царицей благовѣрною,
Со своими со царскими со сѣменами!“
Какъ тутъ говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ,
Говоритъ таковы слова:
„Ай же ты, сѣдатый песъ!
Развѣ ты про невзгоду не знаешь и не вѣдаешь?
Развѣ тебѣ да неизвѣстно было?

Аль ты да надо мной да насмѣхаешься?
Выду отъ обѣдни воскресенскія,
Пошлю я указы да строгіе,
Съ господъ со всѣхъ и князей
Со живыхъ шкуры сдеру,
А съ тебя шкуру сдеру и на свѣтъ не выпущу!“
Второй наконъ онъ опять проздраствовалъ:
„Здраствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Со своей царицей благовѣрною,
Со всѣми со царскими со сѣменами!“
Какъ тутъ говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Говоритъ таковы слова:
„Ай же ты, сѣдатый песъ!
Развѣ ты про невзгоду не знаешь и не вѣдаешь?
Развѣ тебѣ да неизвѣстно было?
Аль ты надо мною насмѣхаешься?
Выйду отъ обѣдни воскресенскія,
Пошлю я указы все строгіе,
Что со всѣхъ господъ, со всѣхъ князей
Со живыхъ шкуры сдеру,
А съ тебя шкуру сдеру и въ волчью зашью!“
Опять поздравствовалъ онъ и въ третій наконъ:
„Ты здраствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Со своей царицей благовѣрною,
Со всѣми со царскими со сѣменами
И съ Ѳедоромъ Ивановичемъ!“
Тутъ онъ выпущалъ изъ-подъ полы изъ-подъ правыя,
Становилъ передъ Грознаго царя Ивана Васильевича.

Тутъ говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
„Ай же, шуринъ мой любезный,
Старый Никита Романовичъ!
Не знаю я, чѣмъ тебя жаловать?
Аль тебя жаловать селы съ приселами,
Города съ пригородками,
Улицы съ переулками,

Аль тебя несчетной золотой казной?“
Говоритъ Никита Романовичъ:
„Мнѣ не надобно селъ съ приселами,
Городовъ съ пригородками,
Улицъ съ переулками,
И мнѣ не надо несчетной золотой казны;
А дай ты мнѣ Никитину вотчину и улицу:
Кто голову убьетъ да коня уведетъ,
По той улицѣ уведетъ,
Того и Богъ проститъ.“
„Вотъ тебѣ, Никита, улица,
Своя тебѣ отчина пожалована!
А Ѳедора Ивановича вмѣсто себя,
Вмѣсто себя я царемъ постановлю!“

Тутъ простоялъ онъ обѣдню воскресенскую,
Бралъ Ѳедора Ивановича за бѣлы руки,
Повелъ въ свои палаты въ царскія,
А также вслѣдъ себя велъ
Стараго Никиту Романовича, шурина любезнаго;
Пришелъ онъ въ свои палаты въ царскія,
Тутъ собиралъ для нихъ столованье-почетный пиръ,
Многихъ сбиралъ онъ князей-бояръ,
Вельможъ, купцовъ богатыихъ, поляницъ удалыихъ
И россійскихъ могучихъ богатырей,
Для ради своего сына любезнаго,
Ѳедора Ивановича
И стараго Никиты Романовича.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ:

Смерть Іоанна Грознаго.

I.

Царская опочивальня, Іоаннъ, блѣдный изнуренный, одѣтый въ черную рясу, сидитъ въ креслахъ съ четками въ рукахъ. Возлѣ него, на столѣ, Мономахова шапка; съ другой стороны, на скамьѣ, полное царское облаченіе. Григорій Нагой подаетъ ему чару.

Нагой.

О, государь! Не, откажись хоть каплю
Вина испить! Вотъ, ужъ который день
Себя ты изнуряешь! Ничего ты
И въ ротъ не бралъ!

Іоаннъ.

Не надо пищи тѣлу,
Когда душа упитана тоской.
Отнынѣ мнѣ раскаяніе пища!

Нагой.

Великій государь! Ужели вправду
Ты насъ покинуть хочешь? Что же будетъ
Съ царицею? Съ царевичемъ твоимъ,
Съ Димитріемъ?

Іоаннъ.

Господь ихъ не оставитъ!

Нагой.

Но кто жъ съумѣетъ государствомъ править,
Опричь тебя?

Іоаннъ.

Острупился мой умъ;
Изныло сердце; руки неспособны
Держать бразды; ужъ за грѣхи мои
Господь послалъ поганымъ одолѣнье,
Мнѣ жъ указалъ престолъ мой уступить
Другому; беззаконія мои
Песка морскаго паче: сыроядецъ,
Мучитель, блудникъ, церкви оскорбитель—
Долготерпѣнья божьяго пучину
Послѣднимъ я злодѣйствомъ истощилъ!

Нагой.

О, государь! Ты въ мысли умножаешь
Невольный грѣхъ свой! Не хотѣлъ убить ты
Царевича! Нечаянно твой посохъ
Такой ударъ ему нанесъ.

Іоаннъ.

Неправда!
Нарочно я, съ намѣреніемъ, съ волей,
Его убилъ! Иль изъ ума я выжилъ,
Что ужъ и самъ не зналъ, куда кололъ?
Нѣтъ—я убилъ его нарочно! Навзничь
Упалъ онъ, кровью обливаясь; руки
Мнѣ лобызалъ и, умирая, грѣхъ мой
Великій отпустилъ мнѣ, но я самъ
Простить себѣ злодѣйства не хочу!

(*Таинственно*).

Сегодня ночью онъ являлся мнѣ,

Манилъ меня кровавою рукою,
И схиму мнѣ показывалъ, и звалъ
Меня съ собой, въ священную обитель
На Бѣломъ озерѣ, туда, гдѣ мощи
Покоятся Кирилла Чудотворца

Туда и прежде иногда любилъ я
Отъ треволненья міра удаляться;
Любилъ я тамъ, вдали отъ суеты,
О будущемъ покоѣ помышлять
И забывать людей неблагодарность
И злыя козни недруговъ моихъ!
И умилительно мнѣ было въ кельѣ
Отъ долгаго стоянья отдыхать,
Въ вечерній часъ слѣдить за облаками,
Лишь вѣтра шумъ, да чаекъ слышать крики,
Да озера однообразный плескъ.
Тамъ тишина! Тамъ всѣхъ страстей забвенье!
Тамъ схиму я пріиму и, можетъ быть,
Молитвою, пожизненнымъ постомъ
И долгимъ сокрушеньемъ заслужу я
Прощенье окаянству моему!

(*Помолчавъ*).

Поди, узнай, зачѣмъ такъ долго длится
Ихъ совѣщанье? Скоро ли они
Свой постановятъ приговоръ и съ новымъ
Царемъ пріидутъ, да возложу, не медля,
Я на него и бармы и вѣнецъ!

(*Нагой уходитъ*).

Все кончено! Такъ вотъ куда приводитъ
Меня величья длинная стезя!
Что встрѣтилъ я на ней? Одни страданья!
Отъ младости не вѣдая покоя,
То на конѣ, подъ свистомъ вражьихъ стрѣлъ,
Языцей покоряя, то въ синклитѣ,
Сражаяся съ боярскимъ мятежемъ,
Лишь длинный рядъ я вижу за собою

Ночей безсонныхъ и тревожныхъ дней!
Не кроткимъ былъ я властелиномъ. Нѣтъ!
Я не умѣлъ обуздывать себя!
Отецъ Сильвестръ, наставникъ добрый мой,
Мнѣ говорилъ: „Иване, берегись!
Въ тебя вселиться хочетъ сатана!
Не отверзай души ему, Иване!“
Но я былъ глухъ къ рѣчамъ святаго старца
И душу я діаволу отверзъ!
Я Каина злодѣйство превзошелъ!
Я прокаженъ душой и мыслью! Язвы
Сердечныя безчисленны мои!
О, Христе-Боже! Исцѣли меня!
Прости мнѣ, какъ разбойнику простилъ Ты!
Очисти мя отъ несказанныхъ скверней
И ко блаженныхъ лику сочетай!
(*Нагой поспѣшно возвращается*).

Нагой.

Великій государь! Сейчасъ отъ Пскова
Прибылъ гонецъ!

Іоаннъ.

Ужъ я не государь —
Пусть обратятся къ новому владыкѣ!

Нагой.

Онъ говоритъ, что съ радостною вѣстью
Его прислалъ князь Шуйскій!

Іоаннъ.

Пусть войдетъ.
(*Нагой впускаетъ гонца*).

Гонецъ.

Великій царь! Тебѣ твой воевода
Бояринъ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій

Съ сидѣльцами псковскими бьетъ челомъ!
Усердными молитвами твоими,
Предстательствомъ угодниковъ святыхъ
И силой честнаго креста — отбили
Мы приступъ ихъ. Несмѣтное число
Легло враговъ. За помощью въ Варшаву
Бѣжалъ король, а продолжать осаду
Онъ ближнимъ воеводамъ указалъ!

Іоаннъ.

Благословенъ Господь! Какъ было дѣло?

Гонецъ.

Ужъ пять недѣль они вели подкопы,
Копали борозды и неумолчно
Изъ пушекъ били по стѣнамъ! Князь Шуйскій
Навстрѣчу имъ подкопы рыть велѣлъ.
Сошлися подъ землею. Бой великій
Тамъ закипѣлъ; въ котлы пороховые
Успѣли наши бросить огнь — и разомъ
Взлетѣли съ ляхами на воздухъ. Много
Погибло нашихъ, но, хвала Творцу,
Всѣ вражьи взорваны работы.

Іоаннъ.

Дальше!

Гонецъ.

Подземныхъ ходовъ видя неудачу,
Они тогда свезли на ближній холмъ
Всѣ стѣнобойные снаряды вмѣстѣ,
И къ вечеру проломъ пробили. Тотчасъ
Къ нему мы подкотили пушки: *Барсу*
И *Трескотуху*, и когда они
Ужъ устремились съ криками къ пролому,

Мы встрѣтили ихъ крупнымъ чугуномъ
И натискъ ихъ отбили.

Іоаннъ.

Дальше!

Гонецъ.

Къ утру
Великій приступъ приказалъ король.
Мы жъ въ колоколъ ударили осадный,
Соборомъ всѣмъ, хоругви распустя,
Святыя мощи Всеволода князя
Вкругъ древнихъ стѣнъ съ молитвой обнесли
И ляховъ ждали. Гулъ такой раздался,
Какъ будто налетѣла непогода...
Мы встрѣтили напоръ со всѣхъ раскатовъ,
Съ костровъ, со стѣнъ, съ быковъ, съ обломовъ, съ башенъ,
Посыпались на нихъ кувшины зелья,
Каменья, бревна и горящій ленъ...
Уже они слабѣли—вдругъ король
Межъ нихъ явился, самъ повелъ дружины—
И, какъ вода шумящая, на стѣны
Ихъ сила снова полилась. Напрасно
Мы отбивались бердышами—башню
Свинарскую обсыпали литовцы;
Какъ муравьи полѣзли; на зубцахъ
Схватились съ нами; новыя ватаги
За ними лѣзли... долго мы держались —
Но, наконецъ...

Іоаннъ.

Ну?

Гонецъ.

Наконецъ, они
Сломали насъ и овладѣли башней!

Іоаннъ.

Такъ вотъ вы какъ сдержали цѣлованье?
Клятвопреступники! Христопродавцы!
Что дѣлалъ Шуйскій?

Гонецъ.

Князь Иванъ Петровичъ,
Увидя башню, полную враговъ,
Своей рукой схватилъ зажженый свѣточъ
И въ подземелье бросилъ. Съ громомъ башня
Взлетѣла вверхъ — и каменнымъ дождемъ
Далеко станъ засыпала литовскій.

Іоаннъ.

Насилу-то! Что дальше?

Гонецъ.

Этотъ приступъ
Послѣдній былъ — король ушелъ отъ Пскова,
Замойскому осаду передавъ.

Іоаннъ.

Хвала Творцу! Я вижу надо мною
Всесильный Промыслъ Божій... Ну, король!
Не мнилъ ли ты ужъ совладать со мною,
Со мною, божьей милостью владыкой,
Ты, милостію панскою король?
Посмотримъ, какъ ты о псковскія стѣны
Бодливый лобъ свой разшибешь! А сколько
Литовцевъ полегло?

Гонецъ.

Примѣрнымъ счетомъ,
Убитыхъ будетъ тысячь до пяти,
А раненыхъ и вдвое.

Іоаннъ.

Чтò, король!
Доволенъ ты уплатою моею
За Полоцкъ и Велижъ? А сколько ихнихъ
Съ начала обложенія убито?

Гонецъ.

Въ пять приступовъ убито тысячь съ двадцать,
Да нашихъ тысячь до семи.

Іоаннъ.

Довольно
Осталось васъ. Еще разъ на пять хватитъ!

II.

Престольная палата. Весь дворъ въ богатомъ убранствѣ входитъ и размѣщается вдоль стѣнъ. У дверей и вкругъ престола становятся рынды съ топорами на плечахъ. Трубы и колокола возвѣщаютъ приходъ Іоанна. Онъ входитъ изъ внутреннихъ покоевъ вмѣстѣ съ Захарьинымъ.

Іоаннъ (*къ Захарьину*).

Впустить посла! Но почестей ему
Не надо никакихъ. Я баловать
Уже Батура болѣ не намѣренъ!

(Захарьинъ уходитъ, Іоаннъ садится на престолъ. Черезъ пріемную дверь входитъ Гарабурда и съ низкимъ поклономъ останавливается передъ Іоанномъ).

Іоаннъ (*мѣря его глазами*).

Не въ первый разъ тебя я вижу, панъ
Гарáбурда, передъ моимъ престоломъ.

По смерти Жигимонта короля,
Ты съ порученіемъ ко мнѣ отъ сейма
Былъ присланъ?

ГАРАБУРДА.

Такъ, великій государь.

ІОАННЪ.

Мнѣ помнится, что польскіе паны
Корону предлагали мнѣ?

ГАРАБУРДА.

Такъ есть.

ІОАННЪ.

Но учиниться вашимъ королемъ,
Не сдѣлавъ власть мою наслѣдной властью,
За благо мнѣ не разсудилось. Вы же
Условья не изволили принять.

ГАРАБУРДА.

Великій царь, не можно было намъ
Республики нарушить привилегій!
У насъ законъ, чтобъ всякій разъ король
Отъ сейма выбранъ былъ.

ІОАННЪ.

Хорошъ законъ!
Достойнаго онъ въ Генрикѣ владыку
Доставилъ вамъ!

ГАРАБУРДА.

А бѣсъ его возьми!
То былъ совсѣмъ дрянной король! Когда
Отъ насъ утекъ онъ, мы рукой махнули
И выбрали другого.

Іоаннъ.

Да! Батура,
Того, который дань платилъ султану,
Когда былъ княземъ седмиградскимъ. Ну,
Чего онъ хочетъ? Съ чѣмъ тебя прислалъ онъ?

Гарабурда.

Пресвѣтлый мой великій господинъ,
Король на Польшѣ, седмиградскій князь,
Великій князь литовскій...

Іоаннъ.

Погоди-ка!
Ты православной вѣры. Мнѣ сказали,
Что ты ходилъ къ обѣднѣ въ нашъ соборъ?

Гарабурда.

Такъ, государь.

Іоаннъ.

Зачѣмъ же господиномъ
Схизматика латинскаго зовешь ты?

Гарабурда.

А потому, великій царь, что онъ
Всѣ вольности Украйны утвердилъ,
Святую церковь нашу чтитъ, и намъ
Ксендзовъ проклятыхъ далъ повыгонять.

Іоаннъ.

Всѣ вѣры для него равны, я слышалъ;
И басурмановъ также онъ честитъ.
Ну, говори, какое челобитье
Онъ намъ прислалъ? О чемъ просить изволитъ
Сосѣдъ Степанъ?

Гарабурда.

Онъ проситъ напередъ,
Чтобъ ты, панъ-царь, не звалъ его сосѣдомъ,
А воздавалъ и письменно, и устно,
Ему ту честь, названіе и титулъ,
И почести, которыя его
Пресвѣтлому довлѣютъ маестату!

Іоаннъ.

Ахъ, онъ шутникъ! Теперь? Въ тотъ самый часъ,
Когда домой бѣжалъ онъ изъ-подъ Пскова?
Недурно! Дальше!

Гарабурда.

Далѣ отъ тебя
Онъ требуетъ, чтобъ изъ земли ливонской,
Не медля, вывелъ ты свои полки
И навсегда бъ коронѣ польской отдалъ
Смоленскъ и Полоцкъ, Новгородъ и Псковъ.
(*Ропотъ въ собраніи*).
На этомъ миръ съ тобою заключить
Согласенъ онъ.

Іоаннъ.

Посолъ! ты много ль выпилъ
Ковшей вина? Какъ смѣлъ ты предо мною
Явиться пьяный?
(*Къ стольникамъ*).
Кто изъ васъ дерзнулъ
Нетрезваго впустить въ мои палаты?

Гарабурда.

Коли же милости твоей, панъ-царь,
Условія такія не смакуютъ,
Король Степанъ велѣлъ тебѣ сказать:

„Чѣмъ даромъ лить намъ кровь народовъ нашихъ,
Возсядемъ на коней и другъ со другомъ
Смертельный бой на сабляхъ учинимъ,
Какъ рыцарямъ прилично благороднымъ!“
И съ тѣмъ король тебѣ перчатку шлетъ.

(*Бросаетъ передъ Іоанномъ желѣзную перчатку*).

Іоаннъ.

Изъ васъ обоихъ кто сошелъ съ ума?
Ты иль король? Къ чему перчатка эта?
Не для того ль, чтобъ ею мнѣ тебя
Бить по лицу? Да ты забылъ, собака,
Что предъ тобой не избранный король?
Помазанника Божья смѣешь ты
На поле звать? Я поле дамъ тебѣ!
Зашитаго тебя въ медвѣжью шкуру
Велю я въ полѣ псами затравить!

Гарабурда.

Ни! Этого, панъ-царь, не можно.

Іоаннъ.

Что?
Да онъ не шутитъ ли со мной? Бояре,
Ужель забавнымъ я кажусь?

Гарабурда.

Ни, ни!
Посла никакъ зашить не можно въ шкуру.

Іоаннъ.

Вонъ съ глазъ моихъ! Плетьми его отсюда!
Плетьми прогнать обратно къ королю!
Вонъ изъ палаты! Вонъ, собака! Вонъ!
(*Хватаетъ у рынды топоръ и бросаетъ въ Гарабурду*).

Гарабурда (*отклоняя ударъ*).

Поторопился жъ ты, панъ-царь. Ты, видно,
И не слыхалъ еще того, панъ-царь,
Что изъ Варшавы прибылъ съ новымъ войскомъ
Король Степанъ? Что на границѣ онъ
Ужъ въ пухъ и прахъ разбилъ твои полки?
Ты видно не слыхалъ, что шведъ уже
Нарову взялъ? и вмѣстѣ съ королемъ
Готовится на Новгородъ идти?
Дрянные жъ воеводы у тебя,
Что не дали и знать тебѣ объ этомъ.

Іоаннъ (*вставая съ престола*).

Ты лжешь, злодѣй!

Гарабурда.

А, ей же Богу, такъ.
Зачѣмъ мнѣ лгать? Нѣтъ, лгать нехорошо.
Коли жъ, панъ-царь, ты выѣхать не хочешь
На честный бой съ пресвѣтлымъ королемъ,
Къ тебѣ король, пожалуй, на Москву
Пріѣдетъ самъ. Теперь же будь здоровъ!
(*Уходитъ. Общее смятеніе*).

Годуновъ (*вбѣгая*).

Великій Государь! Что̀ сдѣлалъ ты?
Ты оскорбилъ Батурова посла?

Іоаннъ.

Онъ лжетъ, какъ песъ!

Годуновъ.

Нѣтъ, государь! Все правда!
Сейчасъ гонцы отъ войска прискакали,
Я видѣлъ ихъ—Нарову взяли шведы,
Полки разбиты наши!

Іоаннъ.

Лгутъ гонцы!
Повѣсить ихъ! Смерть всякому, кто скажетъ,
Что я разбитъ! Не могутъ быть разбиты
Мои полки! Вѣсть о *моей* побѣдѣ
Должна придти! И нынѣ же молебны
Побѣдные служить по всѣмъ церквамъ!
(*Падаетъ въ изнеможеніи въ престольныя кресла.*)

Гр. А. Толстой.

Убіеніе царевича Димитрія.

(Народная Пѣсня).

Охъ, было у насъ, братцы, въ старые го̀ды въ давніе вѣ́ки,
Въ давніе вѣки, при старыихъ при царяхъ,
Было время злое, пагубное.
Ужъ настало то время злое при старомъ при царѣ Θедорѣ Ивановичѣ;
Какъ преставился-то нашъ царь Θедоръ Ивановичъ,
Такъ досталась-то Россеюшка злодѣйскимъ рукамъ,
Злодѣйскимъ рукамъ, боярамъ-господамъ.
Появилась-то изъ бояръ одна буйна голова,
Одна буйна голова, Борисъ Годуновъ сынъ;
Ужъ и этотъ Годунъ всѣхъ бояръ-народъ надулъ.
Ужъ и вздумалъ полоумный Россеюшкой управлять;
Завладѣлъ всею Русью, сталъ царствовать въ Москвѣ.
Ужъ досталъ онъ и царство смертію царя,
Смертію царя славнаго, святаго Дмитрія царевича.
Какъ собралъ-то себѣ разбойникъ Годуновъ сынъ,
Собралъ проклятыхъ людей, злыхъ разбойниковъ;
Собравши ихъ, прокляту рѣчь имъ взговорилъ:
„Вы, разбойнички, удалы́е молодцы́!
Вы подите, вы убейте Дмитрія царя!
Вы придите и скажите: убили ли царя?
Сослужите вы мнѣ эту службу, сослужу я вамъ златомъ-серебромъ.“
Ужъ пошли прокляты люди, злы разбойники,
Пошли во святое мѣсто, въ Угличъ славный градъ,
Ужъ убили тамъ младаго царевича Дмитрія святаго;
Ужъ пошли-то и сказали Борису Годуну:
Какъ услышалъ-то Борисъ, злу возрадовался.
Ужъ и царствовалъ Борисъ ровно пять годовъ;
Умертвилъ себя Борисъ съ горя ядомъ змѣйнымъ,
Ядомъ змѣйнымъ, кинжаломъ вострымъ.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ:

Борисъ Годуновъ.

I.

Келья въ Чудовомъ монастырѣ. Пименъ и Григорій Отрепьевъ.

Григорій.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.

Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь—игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
„Отцы мои, желанный день придетъ—
Предстану здѣсь алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный:
Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши“.
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ

Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Өеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью;
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась, а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ, необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Өеодоръ
И называть великимъ патріархомъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый владыка предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его, какъ солнце, просіялъ.
Ужъ не видать такаго намъ царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Григорій.

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія царевича: въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ.

Охъ, помню!

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда жъ—а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ
Является Іуда-Битяговскій.
„Вотъ, вотъ злодѣй!"—раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо—вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
„Покайтеся!" — народъ имъ завопилъ,
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса.

Григорій.

Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

Пименъ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было—
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше.
Двѣнадцать лѣтъ)—онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,

Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны —
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!... Подай костыль, Григорій. (*Уходитъ.*)

Григорій.

Борисъ, Борисъ! Все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца!
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ,
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ божьяго суда.

II.

Царскія Палаты.

Царь Борисъ (*одинъ*).

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужь годъ я царствую спокойно.
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужъ, охладѣвъ, скучаемъ и томимся!..
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной—
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;

Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ... Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать—
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ,
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы—
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища—
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ—
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!..
Кто ни умретъ — я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть!
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой

Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... Ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.

А. Пушкинъ.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ:

Царь Борисъ.

Покой во дворцѣ съ низкимъ сводомъ и рѣшетчатымъ окномъ. Вдовая царица Марія Нагая, во иночествѣ Мареа, одна.

Мареа.

Четырнадцать минуло долгихъ лѣтъ
Со дня какъ ты, мой сынъ, мой ангелъ божій,
Димитрій мой, упалъ, окровавленный,
И на моихъ рукахъ послѣдній вздохъ
Свой испустилъ, какъ голубь трепеща!
Четырнадцать я лѣтъ все плачу, плачу,
И выплакать горючихъ слезъ моихъ
Я не могу. Дитя мое, Димитрій!
Доколь дышу, все плакать, плакать буду
И клясть убійцу твоего! Онъ ждетъ,
Чтобъ крестнымъ цѣлованьемъ смерть твою
Я предъ народомъ русскимъ утвердила—
Но кто бъ ни былъ невѣдомый твой мститель,
Идущій на Бориса — да хранитъ
Его Господь! Я ни единымъ словомъ
Не обличу его! Лгать буду я!
Моимъ его я сыномъ буду звать!
Кто бъ ни былъ онъ — онъ врагъ тебѣ, убійца —
Онъ мнѣ союзникъ будетъ! Торжество
Небесныя ему пошлите силы,

Его полки ведите на Москву!
Иди, иди, каратель Годунова!
Сорви съ него украденный вѣнецъ!
Низринь его! Попри его ногами!
Чтобъ онъ, какъ звѣрь, во прахѣ издыхая,
Тотъ вспомнилъ день, когда въ мое дитя
Онъ ножъ вонзилъ! Но слышатся шаги —
Идутъ! Меня забила дрожь, и холодъ
Проникнулъ въ мозгъ моихъ костей — то онъ!
Убійца тутъ — онъ близко... Матерь Божья!
Дай мнѣ владѣть собой! Притворствомъ сердце
Исполни мнѣ; изгладь печаль съ лица;
Перероди меня; содѣлай схожей
Коварствомъ съ нимъ, чтобъ на моихъ чертахъ
Изобразить съумѣла бы я радость
О мнимомъ сынѣ, возвращенномъ мнѣ!

(*Входитъ* Борисъ *со свѣчей, которую ставитъ на столъ.*)

Борисъ (*съ поклономъ*).

Царица, Марья Ѳедоровна, бью
Тебѣ челомъ.

Марѳа.

Пострижена царица
По твоему указу. Предъ тобой
Лишь инокиня Марѳа.

Борисъ.

Твой обѣтъ
Не умаляетъ званья твоего.
Я предъ тобой благоговѣю нынѣ,
Какъ нѣкогда благоговѣлъ, когда
Сидѣла ты съ царемъ Иваномъ рядомъ.

Марѳа.

Благодарю.

Борисъ.

Царица, до тебя
Ужъ вѣсть дошла...

Марѳа.

Что сынъ мой отыскался?
Дошла, дошла! Благословенъ Господь!
Когда его увижу я?

Борисъ.

Царица,
Въ умѣ ли ты? Твой сынъ, сама ты знаешь,
Четырнадцать ужъ лѣтъ тому, въ недугѣ
Упалъ на ножъ...

Марѳа.

Зарѣзанъ былъ. Ты то ли
Хотѣлъ сказать? Но я лишилась чувствъ
Когда та вѣсть достигла до меня —
Его я мертвымъ не видала!

Борисъ.

Но
Онъ мертвъ, царица; онъ убился — въ томъ
Сомнѣній нѣтъ.

Марѳа.

Такъ мнила я сама.

Борисъ.

Его весь Угличъ мертвымъ видѣлъ.

Марѳа.

Я
Не видѣла его!

Борисъ.

На панихидѣ
Ты у его молилась трупа...

Мароа.

Слезы
Мои глаза мрачили: я другаго
За сына приняла. Теперь я знаю—
Димитрій живъ! Примѣты мнѣ его
Всѣ сказаны — онъ живъ, онъ живъ мой Дмитрій!
Онъ живъ, мой сынъ!

Борисъ.

Возможно ль? Радость блещетъ
Въ твоихъ очахъ? Ужель ты вправду вѣришь,
Что живъ твой сынъ? Ужель мнѣ сомнѣваться?
Ужели былъ и Клешнинымъ, и Шуйскимъ
Обманутъ я?
(*Входитъ* царица Марья Григорьевна.)

Царица.

Не прогнѣвись, Борисъ
Өеодорычъ. Твой разговоръ съ царицей
Я слышала за дверью. Не въ терпежъ,
Свѣтъ-государь, мнѣ стало: поклониться
Царицѣ Мароѣ захотѣлось. (*Кланяется.*)
Земно
Тебѣ я матушка царица Мароа
Өеодоровна, кланяюсь. Я слышу:
Царевича ты мертвымъ не считаешь?
Такъ, стало, тотъ, кто въ Угличѣ убился,
Тебѣ не сынъ?

Мароа.

Не знаю, кто убился —
Димитрій живъ! Отъ вашихъ рукъ онъ божьимъ

Невѣдомо былъ Промысломъ спасенъ!
Хвала Творцу и матери Пречистой—
Мой сынъ спасенъ!

Борисъ.

Царица — если вѣришь
Ты истинно тому, чтò говоришь —
Повѣдай мнѣ: кто подмѣнилъ его?
Кѣмъ онъ и какъ изъ Углича похищенъ?
Гдѣ онъ досель скрывался? Чтобы вѣру
Тебѣ я далъ, я долженъ вѣдать все!

Марѳа.

Какое дѣло мнѣ, ты вѣришь, нѣтъ ли?
Вѣрь, или нѣтъ — довольно: живъ мой сынъ,
Не удалось твое злодѣйство!

Борисъ.

Нѣтъ!
Не можетъ быть! Неправда! Быть не можетъ!
Какъ спасся онъ?

Марѳа.

Дрожишь ты наконецъ!

Борисъ.

Какъ спасся онъ? Царица, берегися —
Тебя могу заставить я сказать
Всю правду мнѣ!

Царица.

Свѣтъ-государь, Борисъ
Ѳеодорычъ, быть можетъ, обойдемся
Безъ пытки мы! Ты, матушка-царица,
Его убитымъ не видала?

Тобою купленная мамка сына
Убійцамъ въ руки предала?

Борисъ.

Клянусь,
Я не приказывалъ того!

Марѳа.

Мой сынъ
Тобой убитъ. Судьба другаго сына
Послала мнѣ — его я принимаю!
Димитріемъ его зову! Приди,
Приди ко мнѣ, воскресшій мой Димитрій!
Приди убійцу свергнуть твоего!
Да, онъ придетъ! Онъ близко, близко... вижу—
Побѣдные его ужъ блещутъ стяги...
Онъ подъ Москвой... предъ именемъ его
Отверзлися Кремлевскія ворота...
Безъ бою онъ вступаетъ въ городъ свой...
Народный плескъ я слышу... льются слезы...
Димитрій царь! И къ конскому хвосту
Примкнутаго тебя, его убійцу,
Влекутъ на казнь!

Царица.

Пророчитъ гибель намъ
Твоя гортань?

(*Схватываетъ зажженную свѣчу и бросается съ нею на Марѳу.*)

Такъ подавись же, сука!

Борисъ (*удерживая ее, къ Марѳѣ*).

Отчаянью прощаю твоему.
Размыслишь ты, что месть твоя не можетъ

Царевича вернуть, но что въ твоей,
Царица, власти помѣшать потокамъ
Кровавымъ течь, и брату встать на брата.
Не мысли ты, что до Москвы безъ боя
Дойдетъ тотъ воръ! Нѣтъ, онъ лишь чужеземцевъ
Къ намъ приведетъ! Раздоръ лишь воспалитъ онъ!
Утраченный тебѣ твой дорогъ сынъ;
Но менѣе ль тебѣ, царица, дорогъ
Покой земли? Молчаніемъ своимъ
Усобицѣ откроешь ты затворы;
Тьма бѣдъ, царица, по твоей винѣ,
Падетъ на Русь! За нихъ предъ Богомъ будешь
Ты отвѣчать..О томъ раздумать время
Даю тебѣ... Прости! Свѣти мнѣ, Марья! (*Уходитъ съ царицей.*)

Марѳа (*одна*).

Ушли—и жало жгучее уносятъ
Въ своихъ сердцахъ. Я ранила ихъ на̀ смерть,
Я, Дмитріева мать! Теперь ихъ дни
Отравлены! Безъ сна ихъ будутъ ночи!
Лишь отъ меня спасенія онъ ждалъ —
Я не спасу его! Пусть занесенный
Топоръ падетъ на голову ему!
Прости, мой сынъ, что именемъ твоимъ
Я буду звать безвѣстнаго бродягу!
Чтобъ отомстить злодѣю твоему,
На твой престолъ онъ долженъ сѣсть; вѣнецъ твой
Надѣнетъ онъ; въ твой теремъ онъ войдетъ;
Нарядится онъ въ золото и жемчугъ —
А ты, мой сынъ, дитя мое, межъ тѣмъ,
Въ сырой землѣ ждать будешь воскресенья,
Во гробикѣ! О, Господи! Послѣдній
Ребенокъ нищаго на божьемъ солнцѣ
Волёнъ играть—ты жъ, для вѣнца рожденный,
Лежишь во тьмѣ и въ холодѣ!.. Не время

Твои пресѣкло дни! Ты могъ бы жить!
Ты выросъ бы! На славу всей землѣ
Ты бъ царствовалъ теперь! Но ты убитъ!
Убитъ мой сынъ! Убитъ, убитъ мой Димитрій!

(Падаетъ на землю и рыдаетъ.)

Гр. А. Толстой.

Гришка Отрепьевъ.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Владыко Царю Вседержителю!
Да за что Ты на насъ, Господи, прогнѣвался,
Послалъ намъ, Господи, прелесника,
Тово ли Гришку Отрепьева?
Не успѣлъ онъ, собака, воцаритися,
Захотѣлъ, собака, женитися:
Не у насъ-та онъ, братцы, беретъ въ каменной Москвѣ,
Онъ беретъ же, братцы, въ проклятой Литвѣ,
У тово ли у Юрья пана Сендофорскаго,
Ту ли Маринку дочь Юрову.
Онъ и дѣлаетъ свадьбу не въ удобный день:
На тотъ ли на праздникъ на Николинъ день:
Всѣ князья-бояря къ заутренѣ пошли,
А Гришка съ Маринкой въ баню пошелъ;
Всѣ князья-бояря отъ заутрени идутъ,
А Гришка съ Маринкой изъ бани идутъ;
На Гришкѣ одежа чернаго соболя,
На Маринкѣ одежа рытаго бархата.
Онъ восходитъ, собака, на Красенъ Крылецъ,
Онъ воскрикнетъ, собака, громкимъ голосомъ:
„Ишше есь ли у меня кýхари и пòвары!
Стряпали бы постно и скоромное:
Прiѣдетъ ко мнѣ названый гость,
Названый гость, любимый тесть!“

Всѣ князья и бояря испужалися,
Въ Чудовъ монастырь набросалися
Къ той ли нашей государынѣ:
„Ужъ ты, матушка наша государыня,
Православная Елена Михайловна!
Твоя-тъ сынъ на царство сѣлъ:
А ведетъ сея не по царскому“.
Тутъ заплакала государыня горючи́ слезы́:
„Ужъ вы глупые бояря—неразумные!
Моя-тъ сынъ на Угличѣ убитъ,
Лежатъ его мошши въ каменной Москвѣ,
Въ тѣмъ ли соборѣ Михайла Архангела.“

ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ:

Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій.

I.

Золотая Палата. Дмитрій и Басмановъ (*входятъ*).

Дмитрій.

Такъ, вотъ она — палата крѣпкой власти
И грозныхъ думъ, святой и неприступный
Пріютъ царей!... По золотому полю
Тяжелое и строгое письмо...
Такъ прочно все, такое вѣковое!
Вотъ старый тронъ, на немъ мой братъ Ѳеодоръ
Сидѣлъ въ мечтахъ о житіи небесномъ,
О царственныхъ заботахъ не радѣя.
Отецъ Иванъ для буйствъ своихъ татарскихъ
Святую тишь палаты покидалъ
И въ слободѣ кромѣшной запирался;
А здѣсь сидѣлъ, посаженный для смѣха,
Крещеный царь татарскій, богомольный,
Судилъ народъ и жилъ благочестиво...
Гдѣ онъ теперь?

Басмановъ.

Про князя Симеона
Ты спрашивать изволишь? Годуновымъ
Онъ сосланъ былъ: Борисъ его боялся.

Онъ въ отчинѣ, въ Кулашинѣ селѣ;
Слѣпой старикъ едва волочитъ ноги.

Дмитрій (*съ усмѣшкой*).

Великій князь и царь всея Россіи —
Въ изгнаніи! Гонцовъ къ нему отправить,
Привезть опять въ Москву съ большимъ почетомъ
И величать по прежнему царемъ.

Басмановъ.

Но, государь...

Дмитрій.

Басмановъ! Мнѣ ль бояться
Татарина! Я не Борисъ. Я милость
Дарую всѣмъ опальнымъ Годуновскимъ!
Довольно мукъ, Басмановъ! Нынѣ милость,
Одна лишь милость царствуетъ надъ вами.

Басмановъ.

Ты милостью себя на вѣкъ прославишь,
Но безъ грозы ты царствомъ не управишь.

Дмитрій.

Не диво мнѣ такія рѣчи. Править
Вы знаете одно лишь средство—страхъ!
Вездѣ, во всемъ вы властвуете страхомъ:
Вы женъ своихъ любить васъ пріучали
Побоями и страхомъ; ваши дѣти
Отъ страха глазъ поднять на васъ не смѣютъ;
Отъ страха пахарь пашетъ ваше поле;
Идетъ отъ страха воинъ на войну;
Ведетъ его подъ страхомъ воевода;
Со страхомъ вашъ посолъ посольство правитъ,

От страха вы молчите въ думѣ царской!
Отцы мои и дѣды, государи,
Въ ордѣ татарской, за широкой Волгой,
По ханскимъ ставкамъ страха набирались
И страхомъ править у татаръ учились.
Другое средство лучше и надежнѣй —
Щедротами и милостью царить.

БАСМАНОВЪ.

Великій царь, являй свои щедроты
И милости несчетныя; но ради
Сиротъ твоихъ, для нашего спокоя,
Жалѣй свою вѣнчанную главу! (*Становится на колѣни*)
Не дай рости и созрѣвать измѣнѣ!
Измѣнниковъ казни!

ДМИТРІЙ (*быстро*).

А гдѣ измѣна?
Измѣнникъ кто?

БАСМАНОВЪ.

Бояринъ твой великій,
Василій Шуйскій. Прослѣдилъ измѣну
И вывелъ я: она ясна, какъ день.

ДМИТРІЙ.

Не вѣрю я. Владычество тирана
Пугливаго васъ пріучило видѣть
Измѣнниковъ вездѣ.

БАСМАНОВЪ.

Бояръ пронырство
Невѣдомо тебѣ, ты съ нами не жилъ.
Грозна была опала государей,
Родителей твоихъ, и Годунова;

Но если бъ знать ты могъ бояръ крамольныхъ
Всѣ помыслы, ты казнямъ бы Ивана
Не подивился. Въ самой преисподней,
На самомъ днѣ клокочущаго ада,
Не выковать такихъ сѣтей, какими
Они тебя и Русь опутать могутъ.
Великій царь, не вѣрь своимъ боярамъ,
Не вѣрь рѣчамъ, улыбкамъ и поклонамъ—
Казни ты ихъ направо и налѣво,
А Шуйскаго впередъ: онъ всѣмъ начало.

Дмитрій.

Ужасенъ смыслъ рѣчей твоихъ, Басмановъ!
Ты холодомъ меня обвѣялъ. Думалъ
Я милостью привлечь сердца народа,
А ты казнить велишь.

Басмановъ.

Я умоляю.

(*Входитъ* Іезуитъ Савицкій)

Дмитрій (*Басманову*).

Я никого не осужу одинъ,
Я не пролью ни капли крови русской!
Надъ Шуйскимъ судъ назначить въ нашей думѣ
Изъ выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ народа,
И дать ему всѣ средства оправдаться.
Оставь меня! Бучинскаго пошли! (*Басмановъ уходитъ.*)
Ты здѣсь былъ, pater?

Іезуитъ.

Какъ тебѣ угодно:
Коль хочешь — здѣсь, не хочешь — нѣтъ меня,
Monarcha invictissime!

Дмитрій.

Свершились
Пророчества твои: престолъ московскій
Мы заняли.

Іезуитъ.

Чтò трудно человѣку,
То Господу легко. Небесный промыслъ
Ведетъ тебя, путемъ прямымъ и вѣрнымъ,
Къ величію; да вѣдаютъ народы,
Что твой оплотъ, что твой руководитель
Не есть иной кто, nisi Deus noster!
Да вѣдаешь и ты, что избранъ Богомъ
Для дѣлъ великихъ. Ни мірская слава,
Ни громъ побѣдъ да не прельстятъ тебя!
Святая церковь ждетъ побѣдъ духовныхъ;
Давно умы святѣйшихъ нашихъ папъ
Обращены на этотъ сѣверъ дальній;
Давно они московскихъ государей,
Схизматиковъ, апостольскаго трона
Чуждавшихся, къ спасенію зовутъ,
И, scilicet, къ спасенью ихъ народовъ.
И нынѣ нашъ universalis pater,
Святѣйшій Павелъ Пятый, умоляетъ
Всевышняго, да Онъ даруетъ силу
Димитрію, второму Константину,
Овецъ заблудшихъ дома своего
Привесть къ стопамъ намѣстника Христова!

Дмитрій (*разсѣянно*).

Бучинскаго ко мнѣ.

Іезуитъ (*пожимая плечами*).

Онъ — лютеранинъ! (*Уходитъ.*)

(Бучинскій *входитъ*).

И, съ торжествомъ и злобнымъ смѣхомъ, въ Польшу
На береженье отдали. Не самъ я
На Русь пошелъ; на смѣну Годунова
Давно зоветъ меня твоя столица;
Давно идетъ по всей Россіи шопотъ,
Что Дмитрій живъ. Опальное боярство
Изъ монастырскихъ келій посылало
Ко мнѣ въ Литву, окольными путями,
Своихъ покорныхъ молчаливыхъ слугъ —
На Годунова съ челобитьемъ. Въ Польшѣ
Король меня царевичемъ назвалъ,
Благословилъ меня на царство папа,
Царевичемъ зовутъ меня бояре,
Царевичемъ зоветъ меня народъ,
Усыновленъ тебѣ я цѣлой Русью!
Не твой я сынъ; а развѣ Годуновы
Наслѣдники тебѣ? А развѣ Ромулъ,
Пастушій сынъ, волчицею вздоенный,
Царемъ рожденъ?..
Какъ сонъ припоминаю,
Что въ дѣтствѣ я былъ вспыльчивъ, какъ огонь;
И здѣсь, въ Москвѣ, въ большомъ дому боярскомъ,
Шептали мнѣ, что я въ отца родился,
И радостно во мнѣ играло сердце.
Такъ кто же я?... Ну, если я не Дмитрій,
То сынъ любви иль похоти царевой...
Я чувствую, что не простая кровь
Течетъ во мнѣ; войнолюбивымъ духомъ
Кипитъ душа—побѣдъ, коронъ я жажду,
Мнѣ битвъ кровавыхъ нужно, нужно славы,
И цѣлый свѣтъ въ свидѣтели геройства
И подвиговъ моихъ. Отецъ мой грозный,
Пусти меня! Счастливый самозванецъ
И царствъ твоихъ невольный похититель,
Я не возьму тиранскихъ правъ твоихъ —
Губить и мучить. Я себѣ оставлю

Одно святое право всѣхъ владыкъ—
Прощать и миловать. Я обѣщаю
Прославить Русь и вознести высоко,
И потому теперь сажусь я смѣло
На сей священный, грозный маіестатъ.

II.

Во Дворцѣ. *Входитъ* Басмановъ.

А солнце ужъ высоко поднялось!
Со свадьбой мы все время перебили,
Смотали съ ногъ дворцовую прислугу;
Каморники встаютъ позднѣе насъ —
Ни одного въ покояхъ. (*Набатъ.*) Ударяютъ!
Что̀ рано такъ? Аль праздникъ гдѣ? Сегодня
Андроника, Стефана... Гдѣ-то близко...
Никакъ набатъ? И то набатъ! Вотъ горе!
Пожаръ теперь—бѣда. Перепугаетъ
Гостей у насъ; Москва горѣть горазда:
Какъ примется—и не уймешь, покуда
Не выгоритъ поболѣ половины. (*Повсемѣстный набатъ.*)
По всѣмъ церквамъ! Ужасенъ звонъ набата,
Отрывистый и частый! За ударомъ
Гудитъ ударъ и обливаетъ сердце
Томительной тоской передъ бѣдою
Невѣдомой!

(Дмитрій *входитъ.*)

Дмитрій.

Басмановъ, что такое?

Басмановъ.

Должно, пожаръ.

Дмитрій.

Поди, узнай скорѣе.
(*Басмановъ уходитъ на галлерею.*)

Басмановъ (*съ галлереи*).

Бояре! Эй! Бояре!... За набатомъ
Рѣчей не слышно... Ась?... Зачѣмъ въ набатъ
Ударили?

Голосъ (*за сценой*).

Горитъ неподалеку.

Басмановъ (*Дмитрію*).

Кричатъ: горитъ! а дыму не видать.
Никакъ въ Кремлѣ? Чу! Слышишь, зашумѣли,
Валятъ толпы народныя.

Дмитрій (*у окна*).

Развѣдай,
Куда бѣгутъ они, зачѣмъ, откуда? (*Басмановъ уходитъ.*)
Не шумъ, а вопль несется. Нѣтъ, со страха
Не такъ шумятъ. Оружіе! Угрозы!
Ужель мятежъ? Ужель Басмановъ правъ?
Ужели смерть и страшный судъ такъ близко!
Застыла кровь, и каждый волосъ дыбомъ
Становится. Не страхъ ли то? О нѣтъ—
Не робокъ я; зачѣмъ же противъ воли,
Прошедшее толпой тѣснится въ грудь?
И юности моей бродячей годы
Встаютъ теперь въ моемъ воспоминаньи,
Самборскій пиръ и кіевская келья,

Московскій Кремль, народа ликованье,
И битвы шумъ, и звонъ колоколовъ,
Вѣнчаніе—и наконецъ побѣда
Надъ гордостью красавицы любимой!

(*Входитъ* Басмановъ, *десятка три нѣмцевъ съ алебардами. Звонъ орудія и крики*).

Басмановъ.

Ахти, бѣда! Спасайся, государь!
Я говорилъ не разъ; ты мнѣ не вѣрилъ.

Дмитрій.

Измѣнники, бояре, вы согнали
Во львиное гнѣздо овечье стадо!
Крамольники! Своими головами
Заплатите за кровь невинной черни!
Я съ висѣлицъ высокихъ васъ заставлю
Пересчитать всѣ жертвы мятежа!

(*Вбѣгаетъ* Молчановъ).

Молчановъ.

Мятежъ! Мятежъ! Я кое какъ пробрался...
Москва идетъ на насъ, купцы, бояре!

Дмитрій.

Собрать скорѣй всѣхъ нѣмцевъ и поляковъ,
Да вѣрныхъ намъ стрѣльцовъ! Микулинъ гдѣ?

Молчановъ.

Пройти нельзя: всѣ заняты ворота.

Дмитрій.

Кто занялъ ихъ? Басмановъ, не робѣй!

Молчановъ.

Мятежниковъ, стрѣльцовъ новогородскихъ,
Впустили въ городъ ночью. Много ихъ.

Дмитрій.

Проклятые! Басмановъ, будемъ тверды!

Молчановъ.

И видимо-невидимо народу
Московскаго сошлось со всѣхъ сторонъ.

Дмитрій.

А предводитель кто?

Молчановъ.

Василій Шуйскій,
Съ крестомъ въ одной рукѣ, съ мечомъ въ другой.

Дмитрій.

Коварный плутъ святыней прикрываетъ
Свой замыселъ, достойный сатаны.
Подайте мечъ! (*Беретъ мечъ*).

Басмановъ.

Мятежъ во всемъ разгарѣ:
Тамъ адъ кипитъ! Куда ты, государь?
Остановись!

Дмитрій.

Пусти меня, Басмановъ!
Я умереть хочу съ мечемъ въ рукахъ.
(*Выбѣгаетъ на галлерею*).
Зачѣмъ вы здѣсь? Крамольники, злодѣи,
Измѣнники! Я вамъ не Годуновъ!
Поклонами холопскими, слезами

Укланяли его да умоляли
На царство сѣсть, а сами же спихнули!
Не вы меня на царство посадили—
Я съ бою взялъ его и васъ, холоповъ.

Голоса.

Руби его! Стрѣляй! Да бейте нѣмцевъ. (*Выстрѣлы*).
Чтò ихъ жалѣть? Чего они мѣшаютъ!
(*Дмитрій входитъ въ комнату. Врывается* Осиповъ).

Осиповъ.

Проспался ль ты, безвременный царекъ?
Поди сюда! Покайся предъ народомъ!
(*Басмановъ бросается на него и убиваетъ. На галлереѣ показывается* Василій Шуйскій *и народъ*).

Дмитрій (*бросается съ мечемъ*).

Тебя то мнѣ и нужно!

Василій Шуйскій.

Я не прячусь,
Я самъ тебя ищу.

Дмитрій.

Вамъ нуженъ Грозный!
Такъ знай же ты, что я съумѣю быть
Грознѣй его.

Василій Шуйскій.

Про то мы сами знаемъ,
Кто нуженъ намъ, да только лишь не воръ.
(*Дмитрій бросается на Шуйскаго; народъ загораживаетъ его. Басмановъ насильно уводитъ Дмитрія; нѣмцы загораживаютъ собою дверь, запираютъ ее и заваливаютъ мебелью*).

Дмитрій (*съ отчаяніемъ*).

Не воръ! Не воръ! О! wszyscy djabli! Знали
И прежде вы... Зачѣмъ же я на тронѣ!
Зачѣмъ меня вы прежде не убили,
Пока я былъ ничтоженъ, какъ и вы!
Зачѣмъ меня на царство допустили
И дали мнѣ извѣдать сладость власти,
Начать дѣла геройскія и славу
Побѣдъ своихъ заранѣ предвкушать!
И наканунѣ подвиговъ всемірныхъ
Пришли въ глаза мнѣ бросить слово: „воръ!“
Вы дали мнѣ забыться на престолѣ,
Вы опьянили раболѣпствомъ вашимъ,
Ласкательствомъ, и лестью, и земными
Поклонами! Вы дали львиной силѣ
Уснуть у ногъ небесной красоты!

Голоса (*за дверями*).

Ломайте дверь! Рубите топорами!

Басмановъ.

Бѣги, бѣги!

Дмитрій.

Марина! Ахъ, Марина!

(*Убѣгаетъ. Разламываютъ двери. Нѣмцы отбиваются. За дверями видны бояре:* В. *и* Д. Шуйскіе, Голицынъ, Куракинъ, Татищевъ *и др., всѣ въ кольчугахъ.* Калачникъ *предводительствуетъ толпой*).

Басмановъ.

Опомнитесь, бояре! Что вамъ нужно!
Зачѣмъ народъ вы подняли? (*Нѣмцамъ*) держитесь,
Друзья мои! (*Боярамъ*). Просите государя,

Онъ васъ проститъ и все, чего хотите,
Пожалуетъ, лишь чернь остановите!

(*Толпа опрокидываетъ нѣмцевъ. Бояре входятъ въ комнату*).

Голоса.

Показывай, гдѣ царь твой самозванный!
Давай его, веди его къ народу!

Татищевъ.

Сначала пса убьемъ сторожеваго,
Къ хозяину тогда добраться легче!
(*Ударяетъ Басманова ножемъ, тотъ падаетъ*).
Бросай его съ крыльца долой, на копья
Стрѣлецкія!

(*Басманова уносятъ. Толпа бросается въ царскіе покои*).

Василій Шуйскій.

Проворнѣе, ребята!
Не забывать зачѣмъ пришли! Пограбить
Успѣете. Ищите намъ растригу!
Уйти нельзя. Тащите къ намъ живаго,
Иль мертваго! Обезоружьте нѣмцевъ!
Не трогать ихъ, они впередъ годятся.
Спасайте бабъ! Возьми, Татищевъ, стражу,
Поставь при нихъ; царицыны покои
Оберегай! Не съ бабами воюемъ!

Куракинъ.

Побережемъ!.. Пусти козла въ капусту.

Татищевъ.

Инъ самъ бы шелъ! (*уходитъ*).

Калачникъ (*вбѣгая*).

Бѣда! Нигдѣ не сыщемъ
Еретика!

Василій Шуйскій.

Ищите, какъ иголку.
Уйдетъ отъ насъ, тогда не ждать пощады:
Огнемъ спалитъ, живыхъ зароетъ въ землю.

Голоса (*на галлереѣ*).

Онъ тамъ, внизу на житномъ. Оступили
Его стрѣльцы московскіе; народу
Пищалями грозятся... Чу! Стрѣляютъ!
Народъ бѣжитъ.

Василій Шуйскій (*хватаясь за Голицына*).

Земля заколебалась
Подъ нашими ногами. Ну, Голицынъ,
Пропали мы! Давно живу на свѣтѣ,
А въ первый разъ колѣни задрожали...
Народъ за мной! Ребята, выручайте!

Калачникъ.

Пусти меня впередъ! За мной, ребята!
До насъ дошло; пришла къ рукамъ работа.
Не страшны намъ пищальные орѣхи:
За ними шли!
(*Шуйскій и калачникъ съ толпой народа уходятъ*).

Куракинъ (*у окна*).

Народу прибываетъ!
Какъ вкопаны стрѣльцы—не подаются,
Стѣной стоятъ. Вотъ наши подоспѣли
Съ калачникомъ и Шуйскимъ, пошатнули,
Попятили стрѣльцовъ, къ крыльцу прижали,
На лѣстницу ихъ гонятъ. Отбиваясь,
Стрѣльцы царька несутъ съ собой въ покои.
(*Входятъ* Стрѣльцы: *одни несутъ* Дмитрія, *другіе удерживаютъ народъ*).

Дмитрій (*подаетъ руку нѣмцамъ обезоруженнымъ*).

Благодарю друзья!... Въ очахъ темнѣетъ!
(*Въ обморокъ, его кладутъ на скамью*).

Стрѣльцы (*окружающіе Дмитрія*).

Осаживай!

Другіе Стрѣльцы.

Не подходите близко!
Стрѣлять начнемъ, не разбирая... Право,
Хорошаго немного: братъ на брата!...
Крещеные!.. Заставите неволей,
Такъ на себя пеняйте!.. Отойдите!
Начнемъ стрѣлять: пожалуй, и боярамъ
Достанется.

Калачникъ.

Ну, выстрѣли—живому
Не быть тебѣ. Положимъ всѣхъ на мѣстѣ.

Сотникъ Стрѣлецкій.

Грозить еще задумалъ! Цѣловали
Мы крестъ ему, не побоимся смерти:
На то стрѣльцы; такая наша служба,
Что умирать.

Василій Шуйскій.

Да было бъ за кого!
Чего же вамъ! Съ царицей говорили;
Голицынъ къ ней ходилъ Иванъ Васильичъ;
Не признаетъ своимъ, сказать велѣла:
„Не сынъ онъ мнѣ!“ Пожалуй, умирайте;
И мы не прочь! А что угоднѣй Богу:
За вѣру умереть, иль за растригу,
Еретика? Москвы не удержать мнѣ!
На чьей душѣ кроворазлитье будетъ?

Сотникъ.

Да какъ-то все, бояринъ... Нѣтъ, ты лучше
Посторонись!

Стрѣльцы.

Убьемъ, не лѣзьте близко!

Калачникъ.

Да, что жъ вы, псы!... Вались гурьбой, ребята,
Въ стрѣлецкую! Душите ихъ отродье! (*Стрѣльцамъ*).
Вы стойте здѣсь, растригу берегите!
А мы дѣтей и женъ изгубимъ вашихъ,
И на вѣтеръ подымемъ ваши домы!

Сотникъ.

Постой, постой! Бояринъ, мы повѣримъ
Словамъ твоимъ; а на душу возьмешь ли
Ты грѣхъ за насъ?

Василій Шуйскій.

Возьму.

Сотникъ.

Теперь въ отвѣтѣ
Предъ Господомъ не мы. За мной, ребята! (*Уходятъ*).

Дмитрій (*очнувшись*).

Зачѣмъ я здѣсь! Ахъ, ногу! Грудь!.. Бояре,
Крамольники!

Дмитрій Шуйскій.

Очнулся? Говори же,
Кто ты таковъ?

Дмитрій.

Я сынъ царя Ивана.

Василича, твой царь и повелитель.
Ты не узналъ меня, холопъ!
(*Василію Шуйскому*).
Ты, Шуйскій,
Мятежниковъ собралъ! Пойдемъ къ народу,
На Лобное, къ мятежникамъ твоимъ!..
Я не боюсь, я правъ; пускай разсудятъ
Меня съ тобой! Я отдаюсь на волю
Народную... Боишься ты, не смѣешь
Своей души народу обнажить?
Я все скажу! И пусть народъ узнаетъ
Что я честнѣй тебя, неблагодарный
Клятвопреступникъ!

Василій Шуйскій.

Намъ судиться поздно!
Ты осужденъ!... Кончайте съ нимъ, ребята!
(*Нагибаясь къ Дмитрію Самозванцу*).
У насъ народъ для звѣря ямы роетъ
И въ ямѣ бьетъ, а выпусти—уйдетъ!
(*Дмитрію Шуйскому*).
Ты, Дмитрій, здѣсь побудь и пригляди.
(*Уходитъ. Одинъ изъ мятежниковъ замахивается на Дмитрія*).

Дмитрій.

Остановись! Ты видишь, безоруженъ
И раненъ я!... (*Въ бреду*). Подайте мечъ... Шварцгофъ,
Мой мечъ, Шварцгофъ!... За мной, за мной казаки!
Вы видите, вдали бѣлѣютъ стѣны!
Возьмемте ихъ.

(*Всѣ окружаютъ его и смотрятъ съ изумленіемъ. Входитъ* Татищевъ *и ведетъ за собою дворянъ* Валуева *и* Воейкова).

Татищевъ (*народу*).

Чего же вы стоите?
Народу тьма сошлась, нивѣсть отколѣ,

Спасать царя бѣгутъ. Сболтнулъ имъ кто-то,
Что бьютъ его поляки.

Дмитрій Шуйскій (*въ окно народу*).

Эй, винится!
Во всемъ, во всемъ растрига повинился.

Голицынъ (*отворачиваясь*).

Кровавый день!

Дмитрій (*въ бреду*).

Несись мой конь ретивый,
Несись, быстрѣй! До цѣли недалеко.
Труба гремитъ...

Татищевъ (*Воейкову и Валуеву*).

Вы что жъ остановились?
Зачѣмъ пришли? Кончай его скорѣе!

Дмитрій (*въ бреду*).

Смѣлѣй въ проломъ! Къ стѣнамъ давайте лѣстницъ!
Ворота сбить!...

Валуевъ.

Благословить ужъ развѣ
По своему тебя, свистунъ!

Дмитрій.

Ворота!
Олеговъ щитъ!... Ворота Цареграда...
(*Валуевъ стрѣляетъ. Дмитрій падаетъ ницъ.*)

Дмитрій Шуйскій (*въ окно*).

Покончили!

Толпа (*окружает Дмитрія*).

Тащи его, ребята,
Къ народу внизъ!

Голицынъ.

Я слышу крикъ народный!

Нѣсколько голосовъ (*за сценой*).

Храни тебя Господь на многи лѣта,
Великій князь и государь Василій
Ивановичъ!

Голосъ Калачника.

Кричите: многи лѣта
Великому царю и государю!

Голицынъ.

Не рано ли?

Куракинъ.

Пораньше-то вѣрнѣе,
Пока съ умомъ собраться не успѣли.

Голицынъ.

Крамольникъ онъ отъ головы до пятокъ!
Бояриномъ ему бъ и оставаться,
Крамольнику не слѣдъ короноваться.
Крамолой сѣлъ Борисъ, а Дмитрій силой;
Обоимъ тронъ московскій былъ могилой.
Для Шуйскаго примѣровъ недовольно;
Онъ хочетъ сѣсть на царство самовольно—
Не царствовать ему! На тронъ свободный
Садится лишь избранникъ всенародный.

А. Островскій.

Михайло Скопинъ.

Народная Пѣсня.

Какъ бы во сто двадцать седьмомъ году,
Въ седьмомъ году, въ осьмой тысячи,
А и дѣялось, учинилося
Кругомъ сильна царства московскаго,
Литва облегла со всѣ четыре стороны;
А и съ нею сила, Сорочина долгополая,
И тѣ черкесы пятигорскіе,
Еще ли калмыки съ татарами,
Со татарами, со башкирцами,
Еще чукши со люторами.
Какъ были припасы многіе,
А и царскіе и княженецкіе,
Боярскіе и дворянскіе;
А нельзя ни пройти, ни проѣхати,
Ни конному, ни пѣшему,
И ни соколомъ вонъ вылетѣти
А изъ сильна царства московскаго
И великаго государства россійскаго.
А Скопинъ князь Михайло Васильевичъ
Онъ правитель царству московскому,
Оберегатель міру крещеному
И всей нашей земли свято-русскія,
Что ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлый кречетъ вонъ выпархивалъ,
Выѣзжалъ воевода московскій князь Скопинъ,

Князь Михайло Васильевичъ,
Онъ походъ чинилъ ко Новугороду.
Какъ и будетъ Скопинъ во Новѣградѣ,
Походилъ во избу во съѣзжую,
Садился Скопинъ на ременчатъ стулъ,
А и беретъ чернилину золотую,
Какъ бы въ ней перо лебединое,
И беретъ онъ бумагу бѣлую,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Во свицкую землю, саксонскую,
Ко любимому брату названому,
Ко свицкому королю Карлосу;
А отъ мудрости слово поставлено:
„А и гой еси, названый братъ,
А ты свицкій король Карлусъ!
А и смилуйся, смилосердися,
Смилосердися, покажи милость,
А и дай мнѣ силы на подмочь;
Наше сильно царство московское
Литва облегла со всѣ четыре стороны,
Приступила Сорочина долгополая,
А и тѣ черкесы пятигорскіе,
А и тѣ калмыки со башкирцами,
А и тѣ чукши со лютюрами;
И не можемъ мы съ ними управиться:
Я закладываю три города рускіе.“
А съ ярлыками послалъ скораго почтаря,
Своего любимаго шурина,
А того Митрофана Фунтосова.
Какъ и будетъ почтарь въ Половецкой ордѣ
У честна короля, честнаго Карлуса,
Онъ въѣзжаетъ прямо на королевскій дворъ,
А ко свицкому королю Карлусу,
Середи двора королевскаго
Соскочилъ почтарь съ добра коня,
Вязалъ коня къ дубову столбу,

Сумы подхватилъ, самъ во палаты идетъ;
Ни зачѣмъ почтарь не замѣшкался,
Приходитъ во палату бѣлокаменну,
Разковыривалъ сумы, вынималъ ярлыки,
Онъ кладетъ королю на круглый столъ.
Принимавши, король распечатываетъ,
Распечаталъ, самъ просматриваетъ,
И печальное слово повыговорилъ;
Отъ мудрости слово поставлено:
Отъ любимаго брата названаго,
Скопина князя Михайлы Васильевича,
Какъ проситъ силы на подмочь,
Закладываетъ три города русскіе.
А честной король, честной Карлусъ
Показалъ ему милость великую,
Отправляетъ силы со трехъ земель:
А и первыя-то силы свицкія,
А другія силы саксонскія,
А третья силы школьскія—
Того ратнаго люду ученаго,
А не много, ни мало—сорокъ тысячей.
Прибыла сила во Новгородъ,
Изъ Новагорода въ каменну Москву—
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина князя думушки прибыло.
А поутру, рано ранешенько
Въ соборѣ Скопинъ онъ заутреню отслужилъ,
Отслужилъ, самъ въ походъ пошелъ,
Подымавши знаменье царское;
А на знаменьи было написано
Чуденъ Спасъ со Пречистою,
На другой сторонѣ было написано
Михайло и Гаврило Архангелы,
Еще вся туто сила небесная.
Въ восточную сторону походомъ пошли,
Они вырубили Чудь бѣлоглазую,

И ту Сорочину долгополую;
Въ полуденную сторону походомъ пошли,
Прекратили черкесовъ пятигорскихъ,
А немного дралися, скоро сами сдались,
Еще нонѣ тутъ Малороссія;
А на сѣверну сторону походомъ пошли,
Прирубили калмыковъ со башкирцами;
А на западну сторону и въ ночь пошли,
Прирубили чукши со люторами;
А кому будетъ божья помочь—
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу,
Онъ очистилъ царство московское
И велико государство россійское.
На великихъ тѣхъ на радостяхъ
Служили обѣдни съ молебнами,
И кругомъ города ходили въ каменной Москвѣ;
Отслуживши обѣдни съ молебнами
И всю литургію великую,
На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ,
А пиръ пошелъ и великій столъ.
И Скопина князя Михайлу Васильевича,
Про весь православный міръ,
И велику славу до вѣку поютъ
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.—
Какъ бы малое время замѣшкавши,
А во той же славной каменной Москвѣ,
А того ли было князя Воротынскаго,
Крестили младаго князевича,
А Скопинъ князь Михайло кумомъ былъ,
А кума была дочь Матютина,
Того Малюты Скурлатова.
У того-то князя Воротынскаго
Какъ будетъ и почестной столъ,
Тутъ было много и князей, и бояръ, и званыхъ гостей;
Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
Княженецкій столъ во полу-столѣ.

Какъ пьяненьки тутъ разхвастались:
Сильный хвастаетъ силою,
Богатый хвастаетъ богачествомъ;
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ
А и не пилъ онъ зелена вина,
Только одно пиво пилъ и сладкій медъ,
Не съ большаго хмѣлю онъ похвастается:
„А вы глупый народъ, неразумные!
А всѣ вы похваляетесь бездѣлицей:
Я Скопинъ, Михайло Васильевичъ,
Могу, князь, похвалитися,
Что очистилъ царство московское
И велико государство россійское;
Еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку,
Отъ стараго до малаго,
Отъ малаго, до вѣку моего.“
А и тутъ боярамъ за бѣду стало.
Въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали;
Поддернули зелья лютаго,
Подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе,
Подавали кумѣ его крестовыя,
Малютиной дочи Скурлатовой.
Она, знавши, кума его крестовая,
Подносила стаканъ меду сладкаго
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
Примаетъ Скопинъ, не отпирается,
Онъ выпилъ стаканъ меду сладкаго,
А самъ говорилъ таково слово:
„Услышалъ во утробѣ неловко добрѣ!
А и ты съѣла меня, кума крестовая,
Малютина дочь Скурлатова;
А зазнаючи, мнѣ со зельемъ стаканъ подала,
Съѣла ты меня, змѣя подколодная!“
Голова съ плечь покатилася,
Онъ и тутъ Скопинъ скоро со пиру пошелъ,
Онъ садился Скопинъ на добра коня,

Побѣжалъ къ родимой, матушкѣ;
А только успѣлъ съ нею проститися,
А матушка ему пѣнять стала:
„Гой еси, мое чадо милое,
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ!
Я тебѣ приказывала,
Не велѣла ѣздить ко князю Воротынскому;
А и ты меня не послушался,
Лишила тебя свѣту бѣлаго
Кума твоя крестовая,
Малютина дочь Скурлатова.“
Онъ къ вечеру Скопинъ и преставился.
То старина, то и дѣянье,
Какъ бы синему морю на утишенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Изниваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

Иванъ Сусанинъ.

— Куда ты ведешь насъ? Не видно ни зги! —
Сусанину съ сердцемъ вскричали враги:
Мы вязнемъ и тонемъ въ сугробинахъ снѣга;
Намъ, знать, не добраться съ тобой до ночлега.
Ты сбился, братъ, вѣрно нарочно съ пути;
Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти!

„Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушуетъ;
Но смерти отъ ляховъ вашъ царь не минуетъ!
Веди жъ насъ—такъ будетъ тебѣ за труды;
Иль бойся: недолго у насъ до бѣды!
Заставилъ всю ночь насъ пробиться съ мятелью...
Но что тамъ чернѣетъ въ долинѣ за елью?

—„Деревня!—сарматамъ въ отвѣтъ мужичекъ,—
Вотъ гумна, заборы, а вотъ и мостокъ.
За мною! Въ ворота! Избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрѣта.
Войдите, не бойтесь!—Ну, то-то, москаль!
—Какая же, братцы, чертовская даль!

„Такой я проклятой не видывалъ ночи!
Слѣпились отъ снѣгу соколіи очи;
Жупанъ мой—хоть выжми, нѣтъ нитки сухой!—
Вошедъ, проворчалъ такъ сарматъ молодой;—
Вина намъ, хозяинъ! Мы смокли, иззябли!
Скорѣй!... Не заставь насъ приняться за сабли!

Вотъ скатерть простая на столъ постлана;
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи предъ гостями,
И хлѣбъ передъ каждымъ большими ломтями.
Въ оконницы вѣтеръ, бушуя, стучитъ;
Уныло и съ трескомъ лучина горитъ.

Давно ужъ за полночь! Сномъ крѣпкимъ обьяты,
Лежатъ беззаботно по лавкамъ сарматы.
Всѣ въ дымной избушкѣ вкушаютъ покой;
Одинъ, на сторожѣ, Сусанинъ сѣдой
Въ полголоса молитъ въ углу у иконы
Царю молодому святой обороны.

Вдругъ кто-то къ воротамъ подъѣхалъ верхомъ.
Сусанинъ поднялся и къ двери тайкомъ...
— Ты-ль это, родимый? А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За полночь, а вѣтеръ еще не затихъ.
Наводишь тоску лишь на сердце родныхъ!

— Приводитъ самъ Богъ тебя къ этому дому!
Мой сынъ, поспѣшай же къ царю молодому:
Скажи Михаилу, чтобъ скрылся скорѣй;
Что гордые ляхи, по злобѣ своей,
Его потаенно убить замышляютъ
И новой бѣдою Москвѣ угрожаютъ!

„Скажи, что Сусанинъ спасаетъ царя,
Любовью къ отчизнѣ и вѣрѣ горя.
Скажи, что спасенье въ одномъ лишь побѣгѣ
И что ужъ убійцы со мной на ночлегѣ.
— Но что ты затѣялъ? Подумай, родной!
Убьютъ тебя ляхи... Что будетъ со мной?

„И съ юной сестрою и съ матерью хилой?
— Творецъ защититъ васъ святой Своей силой!

Не дастъ онъ погибнуть, родимые, вамъ:
Покровъ и помощникъ Онъ всѣмъ сиротамъ.
Прощай же, о сынъ мой! намъ дорого время!
И помни: я гибну за русское племя!“

Рыдая, на лошадь Сусанинъ младой
Вскочилъ—и помчался свистящей стрѣлой.
Луна между тѣмъ совершила полъ-круга;
Свистъ вѣтра умолкнулъ, утихнула вьюга;
На небѣ восточномъ зардѣлась заря:
Проснулись сарматы, злодѣи царя.

— Сусанинъ!—вскричали,—что̀ молишься Богу?
Теперь ужъ не время—пора намъ въ дорогу!
Оставивъ деревню, шумящей толпой,
Въ лѣсъ темный вступаютъ окольной тропой.
Сусанинъ ведетъ ихъ... Вотъ утро настало,
И солнце сквозь вѣтви въ лѣсу засіяло.

То скроется быстро, то ярко блеснетъ,
То тускло засвѣтитъ, то вновь пропадетъ.
Стоятъ, не шелохнясь, и дубъ, и береза;
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипитъ отъ мороза,
Лишь временно воронъ, вспорхнувъ, прошумитъ,
И дятелъ дуплистую иву долбитъ.

Другъ за̀ другомъ йдутъ въ молчаньи сарматы;
Все далѣ и далѣ сѣдой ихъ вожатый.
Ужъ солнце высоко сіяетъ съ небесъ;
Все глуше и диче становится лѣсъ—
И вдругъ пропадаетъ тропинка предъ ними;
И сосны, и ели, вѣтвями густыми,

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стѣну изъ сучьевъ сплели.
Вотще на сторожѣ тревожное ухо:
Все въ томъ захолустьѣ и мёртво, и глухо.

— Куда ты завелъ насъ? ляхъ старый вскричалъ.
— Туда, куда нужно!—Сусанинъ сказалъ—

Убейте, замучьте!—моя здѣсь могила!
Но знайте, и рвитесь—я спасъ Михаила!
Пріятеля, мнили, во мнѣ вы нашли:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской земли!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любитъ
И душу измѣной свою не погубитъ.

— Злодѣй!—закричали враги, закипѣвъ—
Умрешь подъ мечами!—Не страшенъ вашъ гнѣвъ:
Кто русскій по сердцу, тотъ бодро, и смѣло,
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ, умру за царя и за Русь!

— Умри-же! сарматы герою вскричали—
И сабли надъ старцемъ, свистя, засверкали.
„Погибни, предатель! конецъ твой насталъ!"
И твердый Сусанинъ весь въ язвахъ упалъ.
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила:
Она для Россіи спасла Михаила!

К. Рылѣевъ.

НОЧЬ

передъ приступомъ.

Поляки ночью темною,
Предъ самимъ Покровомъ,
Съ дружиною наемною
Сидятъ передъ огнемъ.

Исполнены отвагою,
Поляки крутятъ усъ,
Пришли они ватагою
Громить святую Русь.

И съ польскою державою
Пришли изъ разныхъ странъ,
Пришли войной неправою
Враги на россіянъ.

Тутъ вблохи усатые,
И угры въ чекменяхъ,
Цыгане бородатые
Въ косматыхъ кожухахъ...

Валя толпою пѣгою,
Пришла за ратью рать,
Съ Лисовскимъ и съ Сапѣгою
Престолъ нашъ воевать.

И вотъ, махая бурками
И шпорами звеня,
Веселыми мазурками,
Вкругъ яркаго огня

Съ ухватками удалыми
Несутся ихъ ряды.
Гремя, звеня цимбалами,
Кричатъ, поютъ жиды,

Брянчатъ цыганки бубнами,
Наѣздники шумятъ,
Дѣлами душегубными
Грозитъ ихъ ярый взглядъ,

И всѣ стучатъ стаканами:
„Да здравствуетъ Литва!“
Такъ возгласами пьяными
Встрѣчаютъ Покрова.

А тамъ едва замѣтная,
Межъ сосенъ и дубовъ,
Во мглѣ стоитъ завѣтная
Обитель чернецовъ.

Монахи съ вѣрой пламенной
Во тьму вперили взоръ,
Вокругъ твердыни каменной
Ведутъ ночной дозоръ.

Среди мечей зазубренныхъ,
Въ священныхъ стихаряхъ,
И въ панцыряхъ изрубленныхъ,
И въ шлемахъ, и въ тафьяхъ,

Всю ночь они морозную,
До утренней поры,
Рукою держатъ грозною
Кресты иль топоры.

Священное ихъ пѣніе
Вторитъ высокій храмъ,
Желѣзное терпѣніе
На диво ихъ врагамъ.

Не разъ они предъ битвою,
Презрѣвъ ночной покой,
Смиренною молитвою
Встрѣчали день златой;

Не разъ, сверкая взорами,
Они въ глубокій ровъ
Сбивали шестопёрами
Литовскихъ удальцовъ.

Ни на̀-день въ ихъ обители
Гласъ божій не затихъ,
Блаженные святители,
Въ окладахъ золотыхъ,

Глядятъ на нихъ съ любовію,
Святыхъ ликуетъ хоръ:
Они своею кровію
Литвѣ дадутъ отпоръ!

Но, чу! Тамъ пушка грянула,
Во тьмѣ огонь блеснулъ,
Рать вражая воспрянула,
Раздался трубный гулъ!...

Молитесь Богу, братія!
Начнется скоро бой!
Я слышу ихъ проклятія,
И гиканье, и вой;
Несчетными станицами
Идутъ они вдали —
Приляжемъ за бойницами,
Раздуемъ фитили!

Гр. А. Толстой.

Козьма Мининъ и князь Пожарскій. — Освобожденіе Москвы. — Избраніе Михаила Өедоровича.

Народная Пѣсня.

Какъ въ старомъ-то было городѣ,
Во славномъ и богатомъ Нижніемъ,
Какъ ужъ жилъ тутъ поживалъ богатый мѣщанинъ,
Богатый мѣщанинъ Кузьма Сухорукій сынъ.
Онъ собралъ-то себѣ войско изъ удàлыхъ молодцовъ,
Изъ удàлыхъ молодцовъ, нижегородскихъ купцовъ;
Собравши ихъ, онъ рѣчь имъ всговорилъ:
„Охъ, вы гой еси товарищи, нижегородскіе купцы!
Оставляйте вы свои домы,
Покидайте вашихъ женъ, дѣтей,
Вы продайте все ваше злато-серебро,
Накупите себѣ вострыихъ копіевъ,
Вострыихъ копіевъ, булатныхъ ножей,
Выбирайте себѣ изъ князей и бояръ удалова молодца,
Удалова молодца, воеводушку;
Пойдемъ-ко мы сражатися
За матушку за родную землю,
За родну землю, за матушку Москву:
Ужъ заполонили-то Москву проклятые народы поляки злы!
Разобьемъ ихъ, много перевѣшаемъ,
Самого-то Сузмунда короля ихъ въ полòнъ возьмемъ;
Освободимъ мы матушку Москву отъ нечестивыхъ жидовъ,

Нечестивыхъ жидовъ, поляковъ злыхъ!“
Ужъ какъ выбрали себѣ солдатушки, молодые ратнички,
Молодые ратнички, нижегородскіе купцы,
Выбрали себѣ удалова молодца,
Удалова молодца воеводушку,
Изъ славнаго княжескаго роду —
Князя Дмитрія, по прозванію Пожарскаго,
За славный Москву-городъ сражатися,
Съ нечестивыми жидами-поляками войной бранитися.
Ужъ привелъ-то славный князь Пожарскій своихъ храбрыхъ воиновъ,
Привелъ ко московскіимъ стѣнамъ;
Становилъ-то славный князь Пожарскій своихъ добрыхъ воиновъ
У московскіихъ у крѣпкихъ стѣнъ;
Выходилъ-то славный князь Пожарскій передъ войско свое.
Какъ ужъ всговорилъ онъ своимъ храбрымъ воинамъ:
„Охъ, вы гой еси, храбрые солдатушки,
Храбрые солдатушки, нижегородскіе купцы!
Помолимся мы на святыя на врата, на Спасскія,
На пречистый образъ Спасителя!“
Помолившись, дѣло начали.
Какъ разбили-проломили святыя врата,
Ужъ взошли-то храбрые солдатушки въ бѣлокаменный Кремль,
Какъ и начали солдатушки поляковъ колоть, рубить,
Колоть, рубить, въ большія кучи валить;
Самого-то Сузмунда въ полонъ взяли;
Въ полонъ взяли, руки-ноги ему вязали,
Руки-ноги вязали, буйну голову рубили.
Собиралися всѣ князья, бояре московскіе,
Собиралися думу думати.
Какъ и взговорютъ старшіе бояре, воеводы московскіе:
„Вы скажите, вы бояре, кому царемъ у насъ быть?“
Какъ и взговорютъ бояре, воеводы московскіе:
„Выбираемъ мы себѣ въ цари
Изъ бояръ боярина славнаго —
Князя Дмитрія Пожарскаго сына.“
Какъ и взговоритъ къ боярамъ Пожарскій князь:

„Охъ, вы гой еси бояре, воеводы московскіе!
Не достоинъ я такой почести отъ васъ,
Не могу принять я отъ васъ царства московскаго.
Ужъ скажу же вамъ бояре, воеводы московскіе:
Ужъ мы выберемъ себѣ въ православные цари
Изъ славнаго, изъ богатаго дому Романова —
Михаила сына Ѳедоровича.“
И выбирали себѣ бояре въ цари Михаила сына Ѳедоровича.

ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ:

Козьма Захарьичъ Мининъ, Сухорукъ.

I.

Мѣсто въ Кремлѣ. Мининъ (*одинъ*).

Мининъ.

. . . . . . Намъ теперь одна надежда
На Бога. Помощи откуда ждать!
Кто на Руси за правду ополчится?
Кто чистъ предъ Богомъ? Только чистый можетъ
Святое дѣло честно совершить.
Народъ страдаетъ, кровь отмщенья проситъ,
На небо вопіетъ. А кто подыметъ,
Кто поведетъ народъ? Онъ безъ вождя,
Какъ стадо робкое разсѣянъ розно.
Вождя, печальника о насъ, убили
Измѣной адской. Гдѣ искать другаго?
Нѣтъ помощи земной, попросимъ чуда;
И сотворитъ Господь по нашей вѣрѣ.
Молиться надо! Въ старину бывало,
Что въ годы тяжкіе народныхъ бѣдствій
Богъ воздвигалъ вождей и изъ народа.
Не за свои грѣхи, а за чужіе
Онъ переноситъ тягостную кару.
Избитъ, ограбленъ! Нынче сытъ съ семьей,
А завтра отняли сухую корку,
Послѣднюю, что̀ берегли ребятамъ;
Сегодня дома, завтра въ лѣсъ бѣги,

Бросай добро, лишь о душѣ заботься,
Да изъ кустовъ подглядывай, что звѣрь,
Какъ жгутъ и грабятъ пòтомъ нажитое.
Поймаютъ — силой приведутъ къ присягѣ,
Кривить душой, крестъ вору цаловать.
Да и не счесть всѣхъ дьявольскихъ насилій,
И мукъ непереносныхъ не исчислить!
И все безропотно и терпѣливо
Народъ несетъ, какъ будто ждетъ чего.
Возможно ли, чтобъ попустилъ погибнуть
Такому царству, праведный Господь!
Вотъ огоньки зажглись по берегамъ;
Бурлаки, трудъ тяжелый забывая,
Убогую себѣ готовятъ пищу.
Вотъ пѣсню затянули. Нѣтъ, не радость
Сложила эту пѣсню, а неволя,
Неволя тяжкая и трудъ безмѣрный,
Разгромъ войны, пожары деревень,
Житье безъ кровли, ночи безъ ночлега.
О, пойте! Громче пойте! Соберите
Всѣ слезы съ матушки широкой Руси,
Нижегородскія, псковскія слезы,
Съ Оки и съ Клязьмы, съ Дона и съ Москвы,
Отъ Волхова и до широкой Камы.
Пусть всѣ онѣ въ одну сольются пѣсню
И рвутъ мнѣ сердце, душу жгутъ огнемъ
И слабый духъ на подвигъ утверждаютъ.
О, Господи! Благослови меня!
Я чувствую невѣдомыя силы,
Готовъ одинъ поднять всю Русь на плечи,
Готовъ орломъ летѣть на супостата,
Забрать подъ крылья угнетенныхъ братій
И грудью въ бой кровавый и послѣдній.
Часъ близокъ! Смерть злодѣямъ! Трепещите!
Изъ дальняго Кремля грозитъ вамъ Мининъ.
А если Богъ отступитъ отъ меня

И за гордыню покарать захочетъ,
Успѣха гордымъ замысламъ не дастъ,
Чтобъ я не мнилъ, что я его избранникъ—
Тогда я къ вамъ приду, бурлàки-братья,
И съ вами запою по Волгѣ пѣсню;
Печальную и длинную затянемъ,
И зашумятъ ракитовы кусты,
По берегамъ песчанымъ нагибаясь;
И позабудетъ бросить сѣть рыбакъ
И въ тихомъ плесѣ на челнѣ заплачетъ;
И дѣвка съ ведрами на коромыслѣ,
Идя домой извилистой тропинкой,
Оглянется съ горы и станетъ слушать,
И, рукавами слезы утирая,
Широкіе измочитъ рукава;
Бурлàки запоютъ ее подъ лямкой,
И балахонцы за своей работой
Надъ новою расшивой, съ топорами.
И понесется пѣсня, и прольется
Изъ вѣка въ вѣкъ, пока стоитъ земля.
О, Господи! Грѣшу я, малъ я духомъ,
Смѣлъ усумниться въ благости твоей!
Нѣтъ, прочь сомнѣнья! Перстъ твой вижу ясно.
Со всѣхъ сторонъ мнѣ шепчутъ голоса:
„Возстать за Русь, на то есть воля Божья!“

II.

Горница въ домѣ Минина.召 Мининъ, Аксеновъ, Семеновъ и Выборные.

Семеновъ.

Кузьма Захарьичъ! Вѣдомо тебѣ,
Что мы всѣмъ міромъ посылали къ князю
Димитрію Михайловичу, въ Пурехъ,
Нижегородцевъ, выборныхъ людей

Изъ всѣхъ чиновъ, съ великимъ челобитьемъ.
Да будетъ вѣдомо тебѣ, что стольникъ
Князь Дмитрій наше челобитье принялъ
И приказалъ сказать всему народу
Нижегородскому свое рѣшенье:
Что ради вѣры пострадать готовъ
И собирается къ намъ въ Нижній нá-спѣхъ.
У сбора же казны и у раздачи
На жалованье ратнымъ людямъ денегъ
Князь приказалъ поставить человѣка
Бывалаго, изъ лучшихъ изъ посадскихъ.
Да будетъ вѣдомо, Кузьма Захарьичъ,
Что мы, поговоривъ между собою,
Съ посадскими и всякими людьми,
Приговорили кланяться тебѣ
И звать къ мірскому дѣлу неотступно.

Одинъ изъ Выборныхъ.

Ужъ не въ первой тебѣ, Кузьма Захарьичъ,
За дѣло земское руками браться.
Мы много милостью твоей довольны
И въ этомъ разѣ ты насъ не покинь.
(*Всѣ кланяются.*)

Другой Выборный.

Кузьма Захарьичъ! Мы къ тебѣ съ поклономъ,
Съ великимъ челобитьемъ прибѣгаемъ.
Ты нашей просьбы не оставь! Всѣмъ міромъ
Тебя мы просимъ: послужи ты намъ!
(*Всѣ кланяются.*)

Голоса.

Кузьма Захарьичъ, послужи!—Кому-жъ
Опричь тебя и некому у насъ!—
Всѣ просимъ: послужи, Кузьма Захарьичъ!
(*Кланяются.*)

Мининъ.

Благодарю, что вспомнили меня,
И низко кланяюсь. За честь спасибо! (*Кланяется.*)
Есть поумнѣй меня и побогаче,
Да и постарше; прежде тѣхъ просите!

Голоса.

Намъ никого не надо.—Не хотимъ
Другаго!—Ты намъ любъ.—Тебя мы просимъ!

Мининъ.

Не бѣгалъ я отъ службы никогда,
Для дѣла земскаго бросалъ заботы
Свои домашнія, семью, торговлю,
Радѣлъ, чтобъ застоять да не обидѣть
Молодшихъ братій...

Голоса.

Мы тобой довольны,
Кузьма Захарьичъ, ты объ насъ радѣлъ.

Мининъ.

Вотъ и недавно подняли мы дѣло,
И малое начало положили
Великому. Жалѣлъ ли я себя?
И деньги и добро принесъ я первый.
По моему-то, всѣмъ такъ подобаетъ;
А, можетъ, кто жалѣетъ. Какъ тутъ быть!
Какъ тутъ орудовать! Одинъ и душу
Радъ заложить; другому жаль копѣйку.
Стань принуждать—его обидешь кровно,
И только грѣхъ, да брань, да упреканье!
Послужишь Богу, такъ людей обидишь!
Людямъ служить, такъ Богу согрѣшить!
Кому служить-то: людямъ или правдѣ?

Голоса.

Ты правдѣ послужи, Кузьма Захарьичъ!

Мининъ.

Служилъ бы правдѣ—силы не хватаетъ,
Послѣднюю на службѣ истерялъ.
Работалъ много, наработалъ мало!
Хлопотъ по горло, дѣла на алтынъ!
Любовью начали, свели на ссору!
Хотѣли волей собирать подмогу,
Теперь хоть силой отымай, такъ въ пору.
Что жъ, мнѣ стоять съ ножемъ у горла, что ли?
Чтò было силы, послужилъ народу—
Ужъ не взыщите, утрудился больно (*кланяется*).

Задніе (*переднимъ*).

Просите. Кланяйтесь! Чтò такъ стоите!

Передніе (*кланяются*).

Кузьма Захарьичъ! Пожалѣй ты насъ!
Мы безъ тебя—безъ рукъ. Все дѣло прахомъ
Разсыплется.—Не совладать другому,
Напортитъ только.—Гдѣ другому сдѣлать!

Мининъ.

И не просите лучше, не могу.

Выборный.

Кузьма Захарьичъ, можетъ, ты серчаешь
На насъ за что? Такъ гнѣва не держи!
Вину и виноватаго повѣдай!
Въ чемъ проступились, въ томъ и повинимся.

Мининъ.

Другому кланяйтесь, я не слуга вамъ!
Послѣднее вамъ слово говорю.
(*Садится къ столу и закрываетъ лицо руками.*)

Голоса.

Татьяна Юрьевна! Ты, Петръ Аксенычъ,
Покланяйтесь, да попросите съ нами!

Татьяна Юрьевна (*съ поклономъ*).

Не наше дѣло, батюшки; не смѣемъ.

Аксеновъ.

Не все жъ ему плясать по вашей дудкѣ!
Не въ часъ пришли, такъ лучше воротиться
Да съизнова прійти, да поклониться. (*Всѣ кланяются*).

Татьяна Юрьевна.

Прощенья просимъ!

Голоса.

Съ Богомъ оставаться! (*Уходятъ*.)

Мининъ, Аксеновъ, Поспѣловъ, Нефедъ (*смотрятъ въ окно*)
Татьяна Юрьевна (*у боковой двери*).

Мининъ.

Ушли! Ну, слава Богу! Легче стало!
Душа моя открыта передъ Богомъ,
Я радъ служить, радъ душу положить!
Я къ дѣлу земскому рожденъ. Я выросъ
На площади между народныхъ сходокъ.
Я рано плакалъ о народномъ горѣ,
И не по лѣтамъ, тяжесть земской службы
Я на плечахъ носилъ своей охотой.
Соблазну власти я не поддавался;
И, какъ насѣдка бережетъ цыплятъ,
Такъ я берегъ отъ властныхъ и богатыхъ
Молодшую, обидимую братью.
Теперь зовутъ меня, а я нейду;

Я не пойду служить, пока весь Нижній
Въ моихъ рукахъ не будетъ поголовно
Со всѣмъ народомъ и со всѣмъ добромъ.

Нефедъ.

Вернулись, батюшка.

Мининъ.

Заприте двери!
Заткните окна!

Аксеновъ.

Чтò ты! Богъ съ тобой!
Пусти меня, я разскажу имъ толкомъ.
(*Идетъ къ двери, дверь растворяется. Входитъ толпа.*)

Голоса.

Кузьма Захарьичъ, мы опять къ тебѣ.

Мининъ.

Сказалъ, что не пойду, чего жъ хотите!
Я и въ другой разъ тоже говорю,
Придете въ третій, въ третій тоже будетъ.
(*Аксеновъ уходитъ и затворяетъ дверь.*)

Поспѣловъ (*у окна*).

Идутъ, нейдутъ, едва переступаютъ
Какъ словно чтò забыли. Межъ собою
Все шепчутъ что-то, плачутъ. Погляди!
Вотъ какъ ты дорогъ имъ, Кузьма Захарьичъ!

Мининъ.

Чтò жъ, плачутъ! Я и самъ заплачу съ ними;
Да дѣлу-то какая польза будетъ!
Довольно слезъ, теперь нужна намъ твердость!

Чѣмъ плакать, написали бъ приговоръ.
А и напишутъ, я сейчасъ же къ князю
Пошлю его. Нефедъ, сѣдлай коней!
И самъ сбирайся наскоро въ дорогу!
Ты, Алексѣй Михайлычъ, съ нимъ поѣдешь.
Везите, пуще глазу берегите,
И прямо князю въ руки передайте!
А дома-то держать боюсь — отымутъ,
Назадъ возьмутъ, коль въ чемъ не угодишь.

Нефедъ.

Я мигомъ, батюшко! (*Уходитъ.*)

Поспѣловъ.

Да не напрасно ль
Ты опасаешься, Кузьма Захарьичъ?

Мининъ.

Да развѣ ты не видишь, какъ мнѣ горько
Хитрить съ народомъ, кабалить его?
Кабы не божье дѣло, приговора
Я не спросилъ бы. Я въ огонь и въ воду
По волѣ земской брошусь безъ оглядки.
И головой начальнымъ, и слугою
Готовъ служить по первому ихъ слову.
Мириться, ссориться не привыкать стать,
И поругаемся и помиримся,
Другъ на другѣ обиды не считаемъ.
Брань не страшна, на вороту не виснетъ.
То наше дѣло, дѣло поправное.
А это дѣло божье, за оплошку
За каждую отвѣтишь передъ Богомъ.
Привелъ Господь начать благое дѣло
И надо честно совершить его.
Я не свое хотѣнье исполняю,

А волю, заповѣданную свыше.
Мнѣ больше далъ Господь и больше спросить.

Поспѣловъ.

Идутъ опять, и Петръ Аксенычъ съ ними,
Подъячаго ведутъ со всѣмъ припасомъ.
(*Входятъ:* Аксеновъ, Подъячій, Выборные и Народъ).

Одинъ изъ Выборныхъ.

Вели писать, а мы впередъ согласны
На всякій твой приказъ, Кузьма Захарьичъ.

Мининъ (*Подъячему*).

Садись, пиши! (*Подъячій садится.*) Всѣхъ помяни вначалѣ,
Дворянъ, дѣтей боярскихъ и головъ,
Всѣхъ по порядку напиши, какъ знаешь. (*Помолчавъ.*)
Пиши, что выбрали меня всѣмъ міромъ
У сбора денегъ ратнымъ людямъ быти. (*Помолчавъ.*)
Пиши! И быти намъ Кузьмѣ послушнымъ
И не противиться ему ни въ чемъ!
На жалованье ратнымъ людямъ деньги
Имать у насъ у всѣхъ безпрекословно!
А не достанетъ денегъ, животы;
А животовъ не станетъ, жёнъ съ дѣтями
Имать у насъ и отдавать въ закладъ. (*Помолчавъ.*)
Готово?

Подъячій.

Написалъ.

Мининъ (*народу*).

Ну, ладно ль будетъ?

Голоса.

Пусть будетъ! такъ Прикладывайте руки!
(*Прикладываютъ руки.*)

Мининъ.

Не премину радѣть о земскомъ дѣлѣ,
А за любовь за вашу бью челомъ. (*Кланяется.*)
Теперь у Господа молить я буду,
Чтобъ даровалъ мнѣ силу мышцъ, и мудрость
Змѣиную, и кротость голубину.

(**Нефедъ** *входитъ.*)

Одинъ изъ Выборныхъ.

Готово. Принимай, Кузьма Захарьичъ!
(*Подаетъ приговоръ.*)

Мининъ (*передаетъ Нефеду и Посп҃ѣлову, они уходятъ*).
О, Господи, благодарю Тебя! (*Падаетъ на колѣни.*)

Аксеновъ.

Давно стоитъ земля, а не бывало
Такаго дѣла на святой Руси,
И небывалую ты служишь службу.
Прими жъ такое званіе отъ насъ,
Какаго дѣды наши не слыхали,
И внуки не услышатъ, и зовись
Ты выборнымъ всей русскою землею!

Голоса.

Ты выборный отъ всей земли великой!

А. Островскій.

Избраніе Михаила Θедоровича Романова.

Народная Пѣсня.

Чтò же вы, ребятушки, призадумалися,
Призадумалися, прикручинилися?
Или вы, ребятушки, каку́ слышали печаль?
Какъ и взговоритъ дѣтина добрый молодецъ:
„Иль не знаешь, ты, дѣтина, горя нашего?
Переставился во полуночи Василій царь,
И не знаемъ теперь, и не вѣдаемъ — кому царемъ у насъ быть!“
Какъ взговоритъ дѣтина добрый молодецъ:
„Позабудьте, братцы, горе общее!
Не возвратить вамъ царя бѣлаго,
Не оплакать его душу добрую!
Но скажу вамъ, братцы, вѣсточку новую:
Ужъ бояре воеводы намъ выбрали царя
Изъ славнаго, богатаго роду Романовыхъ,
Михаила сына Θедоровича.“

Стенька Разинъ.

Народная Пѣсня.

Вы лѣса ль мои, лѣсочки, лѣса темные,
Вы станы ль мои, станочки, станы теплые!
Ужъ какъ вы ль, мои станочки, поразломлены,
Всѣ товарищи, всѣ пріятели поразловлены,
По злодѣйкамъ, по тюрьмамъ поразсожены.
Только я то ли, добрый молодецъ, не пойманъ былъ,
По прозваньицу меня звали Стенька Разинъ сынъ.

Я не годъ гулялъ, и не два года,
Я гулялъ-то ровно тридцать лѣтъ.
Какъ пошелъ-то я ко синю морю,
Ко синю морю, ко Дунай-рѣкѣ;
У Дунай-рѣки перевозъ кричалъ:
„Перевезите-ка меня, добра молодца,
На ту сторону на бѣлый камешекъ!“

На бѣломъ камешкѣ сталъ скончатися,
При кончинушкѣ сталъ наказывать,
Сталъ наказывать и выговаривать:
„Ахъ, вы милые сотоварищи!
Похороните меня, добра молодца,
Промежду трехъ дорогъ — первой питерской,
Другой владимирской, третьей кіевской.
Вовъ правую ручку дайте саблю вострую,
Вовъ лѣвую ручку калену стрѣлу,

Въ головахъ поставьте чуденъ дивенъ крестъ,
Вовъ ногахъ поставьте воронà коня.
Кто ни идетъ, ни ѣдетъ мимо молодца,
Мимо молодца, всякъ помолится:
„Что не воръ ли лежитъ тутъ, не разбойничекъ,
Тутъ лежитъ-то Стенька Разинъ сынъ!“

Приходили тутъ сотоварищи,
Помолилися на чуденъ-дивенъ крестъ,
Тому-то братцы сдивовалися,
Стенькѣ Разину поклонялися:
„Ужъ ты встань-ка, сотоварищъ нашъ,
Ты возьми-ка въ руки саблю вострую,
Вовъ лѣву руку калену стрѣлу,
Ты ударь-ка буйной палицей
По бедрамъ нашимъ широкіимъ!
Кабы знали мы ужъ вѣдали,
Выручили бы съ бѣлá камня,
Съ бѣлà камня, со Дунай-рѣки,
Со Дунай-рѣки, со широконькой.
Покажи-ка намъ златы латы тутъ,
Златы латы тутъ серпентинныя!“

Погрузили во Дунай-рѣкỳ
Сотоварищи Стеньку Разина.
Со Дунай-рѣки сотоварищи
На Амуръ пошли думу думати;
У Амуръ-рѣки крута гора,
Крута гора высокая;
На той горѣ распрощалися,
Другъ другу поклонялися:
„Ужъ мы, братцы, разойдемтесь-ка,
Разойдемтесь-ка по дикимъ мѣстамъ!“

На рожденіе Петра Великаго.

Народная Пѣсня.

Когда свѣтелъ, радошенъ въ Москвѣ
Благовѣрный царь Алексѣй Михайловичъ,
Народилъ Богъ ему сына царевича Петра Алексѣевича,
Перваго Императора по землѣ.
Всѣ-то русскіе какъ плотники мастеры
Во всю ноченьку не спали, колыбель-люльку дѣлали
Они младому царевичу;
А и нянюшки мамушки, сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали, ширингочку вышивали,
По бѣлому рытому бархату онѣ краснымъ золотомъ;
Тюрьмы съ покаянными, онѣ всѣ распущалися;
А и погребы царскіе, они всѣ растворялися.
А у царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости,
А князи сбиралися, бояре съѣзжалися и дворяне сходилися,
А все народъ божій, на пиру пьютъ, ѣдятъ прохлаждаются,
Во весельи, въ радости не видали, какъ дни прошли
Для младаго царевича Петра Алексѣевича,
Перваго Императора.

Стрѣлецкое сказаніе о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ.

Какъ за чаркой, за блинами
Потѣшались молодцы,
Надъ потѣшными полками
Похвалялися стрѣльцы!

„Гдѣ ужь вамъ, Преображенцы,
Да Семеновцы, гдѣ вамъ,
Мелочь, божіи младенцы,
Намъ перечить, старикамъ!

„„Съ слободой своей нѣмецкой,
Да съ своимъ царемъ Петромъ,
Мы, молъ, весь приказъ стрѣлецкій.
Всѣхъ въ бараній рогъ согнемъ!

„„Всѣхъ—и самую царевну...““
Нѣтъ, ужь тутъ, голубчикъ, врешь!
Нашу Софью Алексѣвну,
Обойдешь, да не возьмешь!

„Даромъ, что родилась дѣвкой —
Да иной разъ такъ пройметъ
Молодецкою издѣвкой,
А какъ въ духѣ, да взмахнетъ

„Черной бровью соболиной —
Пропадай богатыри!
Умеръ, право бъ, за-едино,
Если бъ молвила: умри!...

„Грѣхъ бывалъ и между нами,
Какъ о вѣрѣ вышелъ споръ,
И ходили съ чернецами,
Въ царскій Кремль мы на соборъ —

„Буктовское было дѣло!
Да вѣдь сладила! Какъ разъ
Словомъ вышибить умѣла
Дурость всякую изъ насъ!

„Будемъ помнить мы дни оны!..
Вышли наши молодцы;
Впереди несутъ иконы
Со свѣчами чернецы...

„Не сказали бъ, такъ узнала бъ
Вся Москва ихъ: старики!
Не на отмашь, низко на лобъ
Надѣвали клобуки;

„Не развалисты въ походкѣ,
А согбенные идутъ;
Не дерутъ, разиня, глотки,
Тихимъ голосомъ поютъ;

„Лица постныя, худыя,
Вѣры точно что столпы!...
Ужъ не толстые, хмѣльные
Никоньянскіе попы!...

„Умилился людъ московскій,
Повалилъ за ними, претъ,
И на площади кремлевской,
Чтò волна, забилъ народъ.

„А ужъ тамъ, во Грановитой,
Всѣ насъ ждутъ: царевны, дворъ,
Патріархъ, митрополиты,
Освященный весь соборъ.

„Старцы свѣчи возжигали,
И евангелье съ крестомъ
На амвоны полагали,
И царевнѣ бьютъ челомъ:

„„Благовѣрная Царевна!
Солнце Русскія земли!
Свѣтъ-Софія Алексѣвна,
Государыня! вели,

„„Чтобъ у насъ быть размотрѣнью
Съ патріархомъ о дѣлахъ
По церковному строенью
И о Никоновыхъ лжахъ!

„„Процвѣтала церковь наша,
Аки райскій крикъ, полна
Благодати, яко чаша
Пресладчайшаго вина!

„„Утверждалася на книгахъ,
Ихъ же имемъ отъ мужей,
Проводившихъ жизнь въ веригахъ
И въ умертвіи страстей;

„„Ихъ же чтеніемъ спасались
Благовѣрные цари,
И цвѣли, и украшались
По Руси монастыри;

„„Но рѣченный Никонъ волкомъ
Вторгся въ оный вертоградъ
И своимъ безумнымъ толкомъ
Ниспровергъ церковный ладъ!

„„Аки римская блудница
На драконѣ возсѣдя,
Рекъ: „Нѣсть Бога! (кровопійца!)
Азъ есмь Богъ, и вся моя!“

„„И святыя книги рушилъ...
Ну — и началъ все мутить...“ “
Патріархъ все слушалъ, слушалъ,
Подымался говорить —

„Да куда!.. Изъ-за владыки
Ну выскакивать попы...
Брань пошла, мятежъ и крики!
На дворѣ — ревутъ толпы,

„Вкругъ царевенъ — натерпѣлись
Ужь бѣдняжки! — мужики,
Чернецы орутъ, зардѣлись,
Поскидали клобуки,

„Всѣ-то съ взбитыми власами,
Очи кровью налиты,
И мелькаютъ надъ главами
Палки, книги и кресты!..

„Ждетъ царевна, не дождется,
Чтобъ затихли; то впередъ,
Словно лебедь, къ нимъ рванется
Образумливать учнетъ:

„„Замутили царствомъ бабы, —
Голосятъ кругомъ, — ахти!
Государынямъ пора бы
Въ монастырь давно идти!“ “

„Слыша то, и глянувъ гнѣвно,
И отдвинувъ тронъ златой,
Вся зардѣвшися, царевна
Удалилась въ свой покой.

„Съ барабаннымъ вышли боемъ
Изъ Кремля мы: вдругъ приказъ —
Чтобъ къ царевниннымъ покоямъ
Выслать выборныхъ тотчасъ.

„Ночью, съ фонарями, ровно,
Тихо вышла на крыльцо.
Такъ-то ласково-любовно
Обратила къ намъ лицо...

„Видѣлъ тутъ ее я близко
Бѣлый съ золотомъ покровъ,
А на лбу-то — низко, низко,
Вязь изъ крупныхъ жемчуговъ...

„„Если мы вамъ неугодны, —
Говоритъ — весь царскій домъ,
Мы объявимъ всенародно,
Что изъ царства вонъ уйдемъ!

„„У волоховъ иль цесарцевъ
Гдѣ-нибудь найдемъ пріютъ...
Вы смѣняли насъ на старцевъ,
Давнихъ сѣятелей смутъ —

„„Пусть на нихъ падетъ и царство!
Но въ вину не ставьте намъ,
Коль сосѣди государство
Все растащутъ по клочкамъ.

„„Коль поляки съ ханомъ крымскимъ
Русь подѣлятъ межъ собой:
Покланяйтесь папамъ римскимъ!
Басурманьтесь съ Татарвой!

„„Мы въ церквахъ положимъ вклады,
И поклонимся мощамъ,
Да и съ Богомъ!....“ “ Всей громадой
Пали мы къ ея ногамъ:

„„Что ты, матушка, какое
Слово молвишь, — говоримъ; —
Слово — самое пустое!
Нешто мы того хотимъ!

„„Знаемъ мы: безъ государей
Каковы дѣла пойдутъ!
Заѣдятъ народъ бояре,
Да въ латинство поведутъ!..

„„Все тѣ старцы-лиходѣи!
Чтобы пусто было имъ!
Нешто мы архіереи?
Что мы въ книгахъ разглядимъ?

„„Ты ужь смилуйся, пожалуй,
Хоть жалѣючи земли!...
А за грубость — насъ до малу
Жестоко казнить вели!““

„Ждемъ: что̀ скажетъ?.. И сказала:
„„Встаньте! вѣрныхъ россіянъ
Вижу въ васъ! Я такъ и знала!...
Бойся жъ насъ ты, крымскій ханъ!....

„„Пиръ готовъ, а въ гости будемъ!““....
„Мы — „ура!“ на весь народъ,
А она начальнымъ людямъ
„„Выйти, — крикнула, — впередъ!““

„И велитъ дьякамъ приказнымъ
Награждать кого казной,
А кого имѣньемъ разнымъ,
Соболями, аль землей,

„А кого боярскимъ саномъ, —
„„А для прочихъ молодцовъ, —
Говоритъ — три дня быть пьянымъ
Съ нашихъ царскихъ погребовъ!““...

„И была гульба въ столицѣ!
Будетъ помнить царскій градъ!...
Чернецы жъ сидятъ въ темницѣ,
И сидятъ, стрѣльцовъ корятъ:

„„Такъ-то вѣру отстояли,
Вы, стрѣлецкіе полки,
Прогуляли, промѣняли
На царевы кабаки!“ “

„Ладно, братцы! щи вамъ съ кашей!
Что̀, братъ, скажешь? Хороша?...
Лучше нѣтъ царевны нашей!
Вотъ какъ есть, совсѣмъ душа!“

А. Майковъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ:

Полтава.

I.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданный и кровавый
Задалъ ей шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Вѣнчанный славой безполезной,
Отважный Карлъ скользилъ надъ бездной.
Онъ шелъ на древнюю Москву,
Взметая русскія дружины,
Какъ вихорь гонитъ прахъ долины
И клонитъ пыльную траву.
Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
Въ дни наши новый, сильный врагъ,
Когда паденіемъ ославилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ.

Украйна глухо волновалась.
Давно въ ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтобъ гетманъ узы ихъ расторгъ,
И Карла ждалъ нетерпѣливо
Ихъ легкомысленный восторгъ.
Вокругъ Мазепы раздавался
Мятежный крикъ: пора, пора!
Но старый гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно вѣдалъ онъ Украйну,
Молвѣ, казалось, не внималъ
И равнодушно пировалъ.

„Что жъ гетманъ?—юноши твердили:—
Онъ изнемогъ, онъ слишкомъ старъ;
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній, дѣятельный жаръ.
Зачѣмъ дрожащею рукою,
Еще онъ носитъ булаву?
Теперь бы грянуть намъ войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко,
Иль Самойловичъ молодой,
Иль нашъ Палѣй, иль Гордѣенко
Владѣли силой войсковой,
Тогда бъ въ снѣгахъ чужбины дальной
Не погибали казаки,
И Малороссіи печальной
Освобождались ужъ полки."

Такъ, своеволіемъ пылая,
Роптала юность удалая,
Опасныхъ алча перемѣнъ,

Забывъ отчизны давній плѣнъ,
Богдана счастливые споры,
Святыя брани, договоры
И славу дѣдовскихъ временъ.
Но старость ходитъ осторожно
И подозрительно глядитъ:
Чего нельзя и что̀ возможно,
Еще не вдругъ она рѣшитъ.
Кто снидетъ въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней —
Плоды подавленныхъ страстей —
Лежатъ, погружены глубоко,
И замыселъ давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зрѣетъ одиноко.
Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ,
Со старцами старикъ болтливый,
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славитъ съ своевольнымъ,
Поноситъ власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
Немногимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно и безчестно

Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды
Съ тѣхъ поръ, какъ живъ, не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него!

II.

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ,
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое

Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ,
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлипенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло съ Богомъ!“ Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь;
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки,
Ровняясь, строятся полки,
Молчитъ музыка боевая,
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ,
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло *ура*:
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могучъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земнаго,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился;
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился,
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье;
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,

Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ!

Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду,
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близь московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненья боя?
Ужъ на коня не вскочитъ онъ,
Одряхъ, въ изгнаньѣ сиротѣя,
И казаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но что̀ жъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что̀ возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?

Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратился:
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился.
Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
Младой казакъ въ крови валялся,
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Казакъ на гетмана стремился
Сквозь битву съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной яростью въ очахъ.
Старикъ, подъѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи,
Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,
И имя нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнутся шведы.
О славный часъ! О славный видъ!
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ.

При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

А. Пушкинъ.

Полтавское Дѣло.

Народная Пѣсня.

Въ тысяча семьсотъ первомъ годѣ,
Во мѣсяцѣ было во Іюлѣ,
Стояли солдаты на границѣ.
А ни вѣсточки, ни грамотки съ Руси нѣту.
Въ три годочка перепала скоро вѣстка:
Что отцовъ и матерей въ живѣ нѣту,
Молодыя жены за мужъ вышли,
Малы дѣточки ходятъ сиротаютъ.
„Еще ли намъ, ребятушки, не тошно?“

Какъ подъ славнымъ городомъ подъ Полтавой,
Тутъ стоялъ постоялъ король шведскій.
Къ королю кавалеры приходили,
На рѣчахъ кавалеры доносили:
„Ахъ ты батюшка, король земли шведской!
Колько подъ городомъ ни стояти,
Намъ Полтавы города не взяти:
Во Полтавѣ есть московская пѣхота,
Самъ царь-государь поспѣшаетъ,
Онъ со конницей, со драгунами,
Съ регулярной силой, со пѣхотой.“

Онъ походъ держитъ въ землю шведску,
Походъ держатъ подъ праву руку,
Подъ ту ли подъ Красну Мызу.
Не дошедъ Красной Мызы, становился,
Всѣхъ солдатъ своихъ испостроилъ,

Пушки-мортирушки изоставилъ.
— Ахъ вы гой еси, мои генералы,
Храбрые мои кавалеры!
На службѣ кавалеры не бывали,
Пушечнаго грому не слыхали?
— Мы еще донесемъ тебѣ челобитье:
Что изъ славнаго города изъ Обска,
Подымался Царевъ Большой Бояринъ
Князь Борисъ Петровичъ Шереметевъ,
Походъ держать во шведскую землю.

Не дошедъ Красной Мызы, становился,
Напередъ козаковъ разсылаетъ.
Напередъ козаки разъѣзжаютъ,
Наѣзжаютъ на шведскіе караулы:
Шведскіе караулы съ поля сбили,
Много шведовъ въ полѣ прирубили,
Увезли въ полонъ большаго маіора.
Шереметевъ взялъ маіорушка въ допросы:
—Ты скажи ка, маіоръ, божью правду,
По крестному божью цалованью:
Гдѣ стоитъ генералъ вашъ?
Гдѣ стоитъ благодеръ вашъ?
Гдѣ стоитъ самъ король вашъ?
Много ли у васъ силы у генерала?
Много ли у васъ силы у благодера?
Много ли силы съ самимъ королемъ?
— У генерала у насъ силъ тридцать тысячъ,
У благодера силы сорокъ тысячь,
А съ самимъ королемъ смѣты нѣту.
— Врешь, маіоръ, врешь-плутуешь:
Я этова не боюся,
Въ Обскъ назадъ не вернуся.

Приказалъ въ барабаны скоро бити,
Скорѣй того въ походъ выступати
Ко этой рѣкѣ ко Моижѣ,

Чтобъ король не догадался,
За Момжу рѣку не перебрался.
А король догадался,
За Момжу рѣку перебрался.
Шереметевъ за нимъ погони́лся:
Состигалъ короля середь поля,
Подъ славнымъ городомъ подъ Полтавой.

Подымалась Полтавска баталья.
Запалитъ шведская сила
Изъ большаго снаряда — изъ пушки;
Запалитъ московская сила
Изъ мелкаго ружья — изъ мушкета.
Не крупенъ чеснокъ разсыпался:
Смѣшалася шведская сила,
Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской бѣлой грудью;
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронена шведская пашня
Солдатскими руками;
Посѣяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поли́вана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

Пиръ Петра Перваго.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ;
Въ царскомъ домѣ пиръ веселый;
Рѣчь гостей хмельна, шумна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что̀ пируетъ Царь великій
Въ Петербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ, иль русскій флагъ?
Побѣжденъ ли шведъ суровый?
Мира ль проситъ грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ навстрѣчу *дѣда*
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсень хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ Государь,
День, какъ жизнь своей Державы
Спасъ отъ Карла Русскій Царь?
Родила ль Екатерина?
Имянинница ль Она,
Чудотворца — Исполина
Чернобровая жена?

Нѣтъ! Онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
Въ Петербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

А. Пушкинъ.

Петръ Великій въ Острогожскѣ.

Въ пышномъ гетманскомъ уборѣ,
Кто сей мужъ, суровъ лицемъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упалъ передъ Петромъ?
Съ бунчакомъ и булавою
Вкругъ монарха сердюки,
Судьи, сотники толпою
И толпами козаки.

— Видѣнъ Промысла святаго
Надъ тобою дивный щитъ! —
Покровителю Азова
Старецъ бодрый говоритъ: —
Огласяя побѣдой славной
Моря Чернаго брега,
Ты смирилъ, монархъ державный,
Непокорнаго врага.

„Страшный въ брани, мудрый въ мирѣ,
Превзошелъ ты всѣхъ владыкъ:
Ты не блещущей порфирой,
Ты душой своей великъ;
Чту я славою и честью
Быть врагомъ твоимъ врагамъ
И губительною местью
Пролетѣть по ихъ полкамъ.

„Уснѣжился черный волосъ
И булатъ дрожитъ въ рукѣ,
Но зажжетъ еще мой голосъ
Пылъ отваги въ казакѣ.
Въ пылкомъ сердцѣ жажда славы
Не остыла въ зиму дней:
Празднество мнѣ — бой кровавый,
Мнѣ музыка — стукъ мечей!“

Кончилъ — и къ стопамъ Петровымъ
Щитъ и саблю положилъ;
Но, казалось, вождь суровый
Что-то въ сердцѣ затаилъ...
Въ пышномъ гетманскомъ уборѣ
Кто сей мужъ, суровъ лицемъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упалъ передъ Петромъ?

Сей пришлецъ въ землѣ пустынной —
Былъ Мазепа, вождь сѣдой:
Можетъ быть, еще невинный,
Можетъ быть, еще герой.
Гдѣ жъ свиданіе съ Мазепой
Дивный свѣту царь имѣлъ?
Гдѣ герою вождь свирѣпый
Клясться въ искренности смѣлъ?

Тамъ, гдѣ волны Острогощи
Въ Сосну тихую влились;
Гдѣ дубовъ сѣнистыхъ рощи,
Надъ потокомъ разрослись;
Гдѣ съ отвагой молодецкой
Русскій крымцевъ поражалъ;
Гдѣ напрасно Брюховецкій
Дабрыхъ граждамъ возмущалъ;

Гдѣ плѣненный славы звукомъ,
Посѣдѣвшій въ битвахъ дѣдъ

Завѣщалъ кипящимъ внукамъ
Жажду воли и побѣдъ;
Тамъ, гдѣ съ щедростью обычной,
За ничтожный, легкій трудъ,
Плодъ оратаю сторичный
Нивы тучныя даютъ;

Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ,
При журчаніи волны,
Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродятъ табуны;
Гдѣ въ странѣ благословенной,
Потонулъ въ глуши садовъ
Городокъ уединенный
Острогожскихъ казаковъ.

К. Рылѣевъ.

ИЗЪ ПОВѢСТИ:

Мѣдный Всадникъ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ
И вдаль глядѣлъ. Предъ Нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный чолнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ,
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ,
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ Онъ:
„Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируемъ на просторѣ.“

Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ

Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ—нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башень; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова—
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Парфироносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла;
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса.

Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой—
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость,
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда Полнощная Царица
Даруетъ сына въ царскій домъ;
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ;
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

А. Пушкинъ.

ОДА

на день восшествія на всероссійскій престолъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года.

Царей и царствъ земныхъ отрада —
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градо̀въ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ,
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты,
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты, кромѣ той, всего превыше,
Душа ея зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая́.

Когда на тронъ она вступила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ,
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя пріявъ, облобызала.
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ—сказала—
Для коихъ крови льется токъ,
Я россовъ счастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.
Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ:
О, коль достойно возвеличенъ,
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!
Когда ты крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ собою
Добротъ твоихъ прекрасный ликъ.
Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія твоихъ похвалъ.
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца способный вѣтръ.
Чрезъ яры волны порываетъ:
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ;
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.
Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мірѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но громко разглашайте

Прекрасны наши времена!
Въ безмолвіи внимай, вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.
Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію, варварствомъ попранну,
Съ собой возвысилъ до небесъ.
Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна,
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?
Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки,
Къ сему монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ россійскомъ родѣ новы,
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.
Но ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,

Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верхи Парнасски возстенали,
И музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.

Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался путь;
И токмо, шествуя, желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, если бъ жизнь ея продлилась;
Давно бъ Секвана постыдилась
Съ своимъ искуствомъ предъ Невой!

Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнасъ?
О, коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики;
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство музъ усугубляетъ
И къ счастью отверзаетъ дверь.

Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники ему подвластны,
Всегда хвалы ему причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,

И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.
Сія тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ;
Пространная твоя держава
О, какъ тебя благодаритъ!
Воззри на горы превысоки!
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что̀ щедростью твоей цвѣтетъ.
Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія.
Но требуетъ къ тому Россія
Искуствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.
Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Нилъ, народы напояетъ
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю шириной.
Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса,

Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней,
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.
Широкое открыто поле,
Гдѣ музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что̀ можемъ за сіе воздать?
Мы даръ твой до небесъ прославимъ
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ манджуръ.
Се мрачной вѣчности запону
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ,
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ
И море тщится уступить;
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣстить.
Тамъ, тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ, океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ;
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что̀ пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.

И се Минерва ударяетъ
Въ верхи Рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ.
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ;
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Тебѣ, о милости источникъ,
О, ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ тебя возстать войною.

Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну
И жизнь твою благословенну
Съ числомъ щедротъ твоихъ сравнитъ.

Фелица.

Богоподобная царевна
Киргизъ-кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ —
Подай найти ее совѣтъ.
Подай, Фелица, наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть;
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.
Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ

И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь,
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.
Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клубѣ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнасска не сѣдлаешь,
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь,
Не ходишь съ трона на Востокъ;
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезныхъ дней проводишь токъ.
А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ персовъ похищаю,
То стрѣлы къ туркамъ обращаю;
То возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ.
Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ:
Тамъ славный окорокъ вестфальскій,
Тамъ звенье рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ;
Шампанскимъ вафли запиваю
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей иароматъ.
Или великолѣпнымъ цугомъ
Въ каретѣ англійской, златой,

Съ собакой, шутомъ, или другомъ,
Или съ красавицей какой
Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ.
Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ;
Или, о всѣхъ дѣлахъ работу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ;
Или надъ невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ.
Иль, сидя дома, я проказу,
Играя въ дураки съ женой:
То съ ней на голубятню лажу
То въ жмурки рѣзвимся порой,
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю,
Полкана и Бову читаю,
За Библіей, зѣвая, сплю.
Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ:
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами
Между Лѣнтяемъ и Брюзгой,
Между тщеславья и порокомъ

Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.
Нашелъ... Но льзя ль не заблуждаться
Намъ, слабымъ смертнымъ, въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ вслѣдъ страстямъ идти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды?
Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ;
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?
Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять,
Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законѣ ихъ.
Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только рифмы можетъ плесть.

А что сія ума забава—
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.
Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ неложно,
Что будто завсегда возможно,
Тебѣ и правду говорить.
Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.
Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить.
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ.
Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
„Не дѣлай ничего худаго—
И самаго сатира злаго
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь."
Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть:
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?
Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ

И праведнымъ свой свѣтъ даритъ;
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;
Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки
И счастье дома находить;
Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица:
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего!
Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ—Смирнѣ—Кашемирѣ?
Послушай: гдѣ ты ни живешь, —
Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешмета
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какое Крезъ не собиралъ.
Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,

Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь!
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сафирны крыла,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

ИЗЪ ОДЫ

Водопадъ.

(На смерть Потемкина).

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четырьмя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми:
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.
Шумитъ—и средь густаго бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты, волны тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.
Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ:
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!
Вѣтрами ль сосны пораженны,
Ломаются въ тебѣ въ куски;
Громами ль камни отторженны,
Стираются тобой въ пески;
Сковать ли воду льды дерзаютъ,
Какъ пыль стекляна, ниспадаютъ.
Волкъ рыщетъ вкругъ тебя и, страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится;
Огонь горитъ въ его глазахъ

И шерсть на немъ щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.
Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ;
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.
Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ
И, подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится.

. . . .

Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны?
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища горни?
На темномъ взорѣ и челѣ
Сидитъ глубока дума въ мглѣ!
Какой чудесный духъ крылами
Отъ сѣвера паритъ на югъ?
Вѣтръ медленъ течь его стезями:
Обозрѣваетъ царство вдругъ;
Шумитъ и, какъ звѣзда, блистаетъ
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.
Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ нощи?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрываютъ очи,
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолствуютъ отверзты!
Чей одръ—земля, кровь—воздухъ синь,
Чертоги—вкругъ пустынны воды?

Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?
Не ты ль наперсникомъ близь трона
У сѣверной Минервы былъ?
Во храмѣ музъ—другъ Аполлона,
На полѣ Марса вождемъ слылъ?
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ—хотя и не въ порфирѣ?
Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ?
Не ты ль, который орды сильны
Сосѣдей хищныхъ истребилъ,
Пространны области пустынны
Во грады, въ нивы обратилъ,
Покрылъ понтъ черный кораблями,
Потрясъ среду земли громами?
Не ты ль, который зналъ избрать
Достойный подвигъ росской силѣ,
Стихіи самыя попрать
Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ
И твердой дерзостью такой
Быть дивомъ храбрости самой?
Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ!
Парящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ—и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкинъ!
Се ты, которому врата
Торжественныя созидали;

Искуство, разумъ, красота
Недавно лавръ и миртъ сплетали;
Забавы, роскошь вкругъ цвѣли
И счастье съ славой слѣдомъ шли.
Се ты, небеснаго плодъ дара
Кому едва я посвятилъ,
Въ созвучность громкаго Пиндара
Мою настроить лиру мнилъ;
Воспѣлъ побѣду Измаила,
Воспѣлъ... Но смерть тебя скосила!
Увы! И хоровъ сладкій звукъ
Моихъ въ стенанье превратился!
Свалилась лира съ слабыхъ рукъ,
И я тамъ въ слезы погрузился,
Гдѣ бездна разноцвѣтныхъ звѣздъ
Чертогъ являли райскихъ мѣстъ.
Увы! И громы онѣмѣли,
Ревущіе тебя вокругъ;
Полки твои осиротѣли,
Наполнили рыданьемъ слухъ;
И все, что̀ близь тебя блистало,
Уныло и печально стало.
Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
Гранена булава упала,
Мечъ въ полножны войти чуть могъ —
Екатерина возрыдала!
Полсвѣта потряслось за ней
Незапной смертію твоей!

. . . .

Единый часъ, одно мгновенье
Удобны царства поразить,
Одно стихіевъ дуновенье —
Гигантовъ въ прахъ преобразить;
Ихъ ищутъ мѣста — и не знаютъ;
Въ пыли героевъ попираютъ!
Героевъ? Нѣтъ! Но ихъ дѣла

Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала
И изъ развалинъ вылетаютъ;
Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ!
Напишется Потемкинъ трудъ.

Театръ его былъ край Эвксина,
Сердца обязанныя — храмъ;
Рука съ вѣнцомъ — Екатерина;
Гремяща слава — ѳиміамъ;
Жизнь — жертвенникъ торжествъ и крови,
Гробница — ужаса, любови.

. . . .

Подъ древомъ, при зарѣ вечерней,
Задумчиво Любовь сидитъ,
Отъ цитры вѣтерокъ весенній
Ея повсюду голосъ мчитъ;
Перлова грудь ея вздыхаетъ,
Геройскій образъ оживляетъ.

Поутру солнечнымъ лучемъ
Какъ монументъ златый зажжется,
Лежатъ объяты серны сномъ,
И паръ вокругъ холмовъ віется.
Пришедши, старецъ надпись зритъ:
„Здѣсь трупъ Потемкина сокрытъ!“

Алцибіадовъ прахъ!.. И смѣетъ
Червь ползать вкругъ его главы?
Взять шлемъ Ахилловъ не робѣетъ,
Нашедши въ полѣ, Ѳирсъ? Увы!
И плоть и грудь коль истлѣваетъ,
Что жъ нашу славу составляетъ?

Лишь истина даетъ вѣнцы
Заслугамъ, кои не увянутъ;
Лишь истину поютъ пѣвцы,
Которыхъ вѣчно не престанутъ
Гремѣть перуны сладкихъ лиръ;
Лишь праведника святъ кумиръ!

Услышьте жъ, водопады міра!
О, славой шумныя главы!
Вашъ свѣтелъ мечъ, цвѣтна порфира.
Коль правду возлюбили вы;
Когда имѣли только мѣту,
Чтобъ счастіе доставить свѣту.

Шуми, шуми, о водопадъ!
Касаяся странамъ воздушнымъ,
Увеселяй и слухъ и взглядъ
Твоимъ стремленьемъ свѣтлымъ, звучнымъ,
И въ поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

Живи! И тучи пробѣгали
Чтобъ рѣдко по водамъ твоимъ,
Въ умахъ тебя не затмѣвали
Разжженный громъ и черный дымъ;
Чтобъ былъ вблизи, вдали любезенъ
Ты всѣмъ; сколь дивенъ, столь полезенъ.

Г. Державинъ.

На Шведскій Миръ.

(1790 г.)

Ты шествуешь въ Петрополь съ миромъ
И лавры на главѣ носешь;
Ты провождаешься зефиромъ
И россамъ пальмы раздаешь.
Ты шествуешь!.. Воззри, царица,
На радостныя всюду лица,
На сонмы вкругъ тебя людей!
Не такъ ли на тебя взираютъ,
Какъ нѣжную весну встрѣчаютъ
Въ одеждѣ розовыхъ зарей?
Ты шествуешь—и осклабляешь
Твой взоръ на нихъ, какъ божество;
Одной улыбкой составляешь
Восторгъ ты нашъ и торжество;
Средь свѣтлаго вельможей строя
Въ тебѣ царя, вождя, героя
И мироносицу мы зримъ;
Ужъ изумленны наши взгляды
Въ тебѣ читаютъ тѣ отрады,
Что̀ миромъ мы получимъ симъ.
Какъ царь, ты наградишь заслуги,
Какъ матерь, призришь ты сиротъ;
Лишенные дѣтей супруги
Воскреснутъ отъ твоихъ щедротъ;
Освободишь ты заключенныхъ,
Обогатишь ты разоренныхъ,

Незлобно винныхъ ты простишь.
По нуждѣ ты лила токъ крови;
Ты въ мирѣ будешь богъ любови
И счастье наше обновишь.
Продлишь златые наши годы,
Продлишь всеобщій нашъ покой:
Безчисленны твои народы
Воздремлютъ подъ твоей рукой.
Отъ хиженъ даже до престола,
На холмѣ и въ срединѣ дола
Почіетъ бранный россовъ духъ;
Всѣ будутъ счастливы тобою:
Законовъ подъ одной чертою
Равенъ вельможа и пастухъ.
Прострешь ты животворны длани
На тяжкій земледѣльцевъ трудъ;
Отпустишь неимущимъ дани,
Да нивы и луга цвѣтутъ;
Дохнешь въ вѣтрила корабельны,
Пошлешь избытки рукодѣльны,
И рѣки злата и сребра
Отъ Орма до Невы прольются;
Народы чужды къ намъ сберутся
Вкусить покоя и добра.
И се ужъ возвѣщаютъ громы
Событіе блаженныхъ дней;
По вѣтру трубный звукъ несомый
Сзываетъ тысячи людей:
Народъ колеблется, какъ волны;
Течетъ вездѣ веселья полный;
Враговъ цѣлуетъ и друзей;
По стогнамъ гласы раздаются,
Въ домахъ нѣжнѣйши слезы льются,
Объемлютъ женъ, отцовъ, дѣтей.
О вы, носящи душу львину,
Герои, любящіе бой!

Воззрите на сію картину,
Сравните вы ее съ войной:
Тамъ всюду ужасъ, стонъ и крики,
Здѣсь всюду радость, плескъ и лики;
Тамъ смерть, болѣзнь; здѣсь жизнь, любовь;
Я вижу убіенныхъ тѣни
И слышу вамъ ихъ грозны пени:
Вы пролили невинну кровь!
Но, вѣнценосна добродѣтель!
О, ангелъ нашихъ тихихъ дней,
Екатерина! Мы свидѣтель:
Не ты виной была смертей;
Ты бранной не искала славы,
Ты наши просвѣщала нравы
И украшалась тишиной.
Слеза, щедротой извлеченна,
Тебѣ пріятнѣй, чѣмъ вселенна,
Пріобрѣтенная войной!

Г. Державинъ.

Пугачевъ.

Народная Пѣсня.

Ужъ при славной было при царицѣ,
При матушкѣ при царицѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ,
Ужъ весь-то народъ русскій жилъ во счастьицѣ,
Во счастьицѣ, во раздольицѣ, во богатыемъ житью.
Ужъ какъ всѣ-то купцы себѣ домъ накопляли,
А бѣдные-то ни въ чемъ нужды не видали:
Всѣ жили и молили за царицу,
За матушку Катерину Алексѣевну.

Но вдругъ настало время злое,
Время злое, несчастливое:
Ужъ какъ нанесло-то вихремъ
На святую Русь бѣду пагубную,
Бѣду пагубную, неминуемую.
Проявился у насъ на славной на землѣ,
На славной на землѣ, на святой Руси,
Проявился воръ-собака, проклятый человѣкъ,
Проклятый человѣкъ, Пугачевъ козацкій сынъ.

Ужъ какъ этотъ-то собака вздумалъ по Руси гулять,
Вздумалъ по Руси гулять, а себя царемъ казать.
Много казнилъ, много вѣшалъ, много головы рубилъ,
Много головы рубилъ и во ямушки валилъ.

Какъ поймали-то собаку во чистомъ полѣ,
Привезли эту собаку во Москву-городъ гостить,
Во Москву-городъ гостить, буйну голову рубить,
Какъ казнили-то собаку на главной площади,
Ужъ казнили, пятерили, буйну голову срубили.

Орелъ.

Носитель молніи и грома
Всесильнаго Петрова дома!
Куда несешься съ высоты?
Принявъ перуны въ когти мочны,
Куда паришь, орелъ полночный,
И на кого ихъ бросишь ты?
Еще ль, по манію Беллоны,
Стремишься въ прахъ низвергнуть троны
Брать царства, королей плѣнить?
Нѣтъ, нѣтъ! предъ Павла знаменами
Ты съ русскими летишь полками
Престолы падши возносить.
Гряди спасать царей, Суворовъ,
Избавить царства отъ раздоровъ
И власть въ порфиру облещи;
Соименитому герою
Подобно ты рожденъ судьбою
Коварства узелъ разсѣщи.
Гряди, Алкидъ, на гидру дерзку,
Смири ея ты лютость звѣрску,
Спаси отъ бѣдъ вселенну вновь.
Ужасно тамъ ея сверканье,
Тлетворно, пагубно дыханье
И смертно ядовита кровь.
Но ты одѣтъ въ броню нетлѣнну,
Въ надежду, вѣру несомнѣнну,

Любовью выспренной горишь;
Полкъ ангелъ предъ тобой сомкнется —
И зло тебѣ не прикоснется;
Рога ты буйству сокрушишь.
Съ тобою Богъ идетъ—и россы,
Во знаменье побѣдъ, колоссы
Воздвигнутъ по твоимъ слѣдамъ;
Слухъ прôйдетъ въ позднее потомство:
„Тобой стеръ Павелъ вѣроломство
И скиптры возвратилъ царямъ.“

Г. Державинъ.

Бородино.

— Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!

Мы долго, молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
„Что жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?“

И вотъ, нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ,

У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки —
Французы тутъ какъ тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Чтò тутъ хитрить, пожалуй къ бою!
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Чтò толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добраться до картечи!“
И вотъ, на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось —
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ,
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята, не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Ну жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцевъ колоть устала
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что̀ значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!...
Земля тряслась—какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.

Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда бъ на то не божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

М. Лермонтовъ.

Бородинская Годовщина.

Русскій царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина.
Тамъ земля окрещена:
Кровь по ней лилась святая;
Тамъ престолъ и Русь спасая,
Войско цѣлое легло —
И престолъ, и Русь спасло.

Какъ ярилась, какъ кипѣла,
Какъ пылала, какъ гремѣла
Здѣсь народная война
Въ страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы въ громахъ загорались,
Бомбы падали дождемъ
И земля тряслась кругомъ.

А теперь пора иная:
Благовонно-золотая
Жатва блещетъ по холмамъ;
Гдѣ упорнѣй бились — тамъ
Мирныхъ инокинь обитель:
И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣстъ,
Всѣхъ рѣшитель браней — крестъ.

И на пиръ поминовенья
Рать другаго поколѣнья,
Новымъ, славнымъ ужъ царемъ
Собрана на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь многія свершились
Чудной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Также рать числомъ обильна,
Также мужество въ ней сильно,
Тѣ жъ полки, тѣ жъ знамена,
И полковъ тѣ жъ имена—
А въ рядахъ другіе стали,
И серебряной медали,
Прежнимъ данной имъ царемъ,
Не видать ужъ ни на комъ.

И вождей ужъ прежнихъ мало:
Много въ день великій пало
На землѣ Бородина;
Позже тѣхъ взяла война;
Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну
По Москвѣ и рать въ отчизну
Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли.

Гдѣ Смоленскій, вождь спасенья?
Гдѣ герой, примѣръ смиренья,
Введшій рать въ Парижъ—Барклай?
Гдѣ, и свой и чуждый край
Дерзкой бодростью дивившій
И подъ старость сохранившій
Все, что̀ въ молодости есть —
Коновницынъ, ратныхъ честь?

Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,

Жаркій самъ подъ часъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Непріятелю арканъ,
Гдѣ нашъ вихорь-атаманъ?

Гдѣ наѣздникъ, вождь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
Русскихъ тылъ и авангардъ,
Нашъ Роландъ и нашъ Баярдъ —
Милорадовичъ? Гдѣ славный
Дохтуро̀въ, отвагой равный
И въ Смоленскѣ на стѣнѣ,
И въ святомъ Бородинѣ?

И другихъ взяла судьбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,
Рано Строгановъ увялъ;
Нѣтъ Сенъ-При; Ланской нашъ палъ;
Кончилъ То̀рмасовъ; могила
Неверовскаго сокрыла;
Въ гробѣ старецъ Ланжеронъ,
Въ гробѣ старецъ Бенингсонъ.

И боецъ, сынъ Аполлона...
Мнилъ онъ гробъ Багратіона
Проводить въ Бородино —
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!

И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который тронъ и насъ

Твердымъ царскимъ словомъ спасъ,
Вождь вождей, царей диктаторъ,
Нашъ великій императоръ!
Міра свѣтлая звѣзда —
И твоя пришла чреда!

О, година русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ державы!
Царь нашъ съ ними въ чести шелъ.
Какъ спасительно онъ велъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно онъ десницу
Протянулъ врагамъ своимъ!
Какъ гордился русскій имъ!

Вдругъ—отъ всѣхъ честей далеко,
Въ бѣдномъ краѣ, одиноко
Передъ плачущей женой,
Нашъ владыка, нашъ герой,
Гаснетъ царь благословенный...
И за гробомъ сокрушенно,
Въ погребальный слившись ходъ,
Вся имперія идетъ.

И его какъ не бывало,
Передъ кѣмъ все трепетало...
Есть далекая скала;
Вкругъ скалы морская мгла;
Съ моремъ степь слилась другая,
Бездна неба голубая;
Къ той скалѣ путь загражденъ:
Тамъ зарытъ Наполеонъ.

Много съ тѣхъ временъ, столь чудныхъ,
Дней блистательныхъ и трудныхъ
Съ новымъ зрѣли мы царемъ;
До Стамбула русскій громъ

Былъ доброшенъ по Балкану;
Миромъ мстили мы султану;
И вскатилъ на Араратъ
Пушки храбрый нашъ салдатъ.

И все царство Митридата
До подошвы Арарата
Взялъ нашъ сѣверный Аяксъ;
Русской гранью сталъ Араксъ;
Арзерумъ сдался намъ дикій;
Закипѣлъ мятежъ великій,
Предъ Варшавой сталъ нашъ фрунтъ —
И съ Варшавой рухнулъ бунтъ.

И — нежданная отрада —
Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Царьграда;
И съ турецкихъ береговъ,
Въ память сѣверныхъ орловъ,
Русскій сторожъ на Босфорѣ,
Отразясь въ завѣтномъ морѣ,
Мавзолей нашъ говоритъ:
„Здѣсь былъ русскій станъ разбитъ!"

Всходитъ дневное свѣтило
Также ясно, какъ всходило
Въ чудный день Бородина.
Рать въ колонны собрана,
И сіяетъ передъ ратью
Крестъ небесной благодатью,
И подъ нимъ, въ виду колоннъ,
Въ гробѣ спитъ Багратіонъ.

Здѣсь онъ палъ, Москву спасая,
И — далеко умирая —
Слышалъ вѣсть: Москвы ужъ нѣтъ.
И опять онъ здѣсь, одѣтъ

Въ гробѣ дивною бронею,
Бородинскою землею —
И великій въ гробѣ сонъ
Видитъ вождь Багратіонъ.

Въ этотъ часъ тогда здѣсь бились,
И враги, ярясь, ломились
На холмы Бородина;
А теперь ихъ тишина,
Небомъ полная, объемлетъ
И какъ будто бы подъемлетъ
Изъ-за гроба голосъ свой
Рать усопшая къ живой.

Несказанное мгновенье!
Лишь изрекъ, свершивъ моленье,
Предстоявшій алтарю:
„Память вѣчная царю!“
Вдругъ обгрянулъ залпъ единый
Бородинскія вершины,
И въ одинъ великій гласъ
Вся съ нимъ армія слилась.

Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный герой!
Ты обѣтъ изрекъ святой;
Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена!

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли;

Въ свой чередъ мы грудью станемъ;
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать.

В. Жуковскій.

Полководецъ.

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадоннъ,
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ: а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.
Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ, и не свожу

Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ — густая мгла;
За нимъ — военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье —
Но Доу далъ ему такое выраженье.

О, вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой,
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною;
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ...
И долго укрѣпленъ могучимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полупути былъ долженъ наконецъ
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти, —
Вотще! —

. . . .

. . . .

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье.

А. Пушкинъ.

Къ Тѣни Полководца.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“ Ты всталъ—и спасъ...
Внемли жъ и днесь нашъ вѣрный гласъ...
Возстань, спасай царя и насъ,
О старецъ грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой—
Явись, вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ, оставленнымъ тобой!
Явись, и дланію своею
Намъ укажи въ толпѣ вождей
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный!
Но храмъ въ моленье погруженъ...
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ...

А. Пушкинъ.

Вождю Побѣдителей «князю Смоленскому».

(Писано послѣ сраженія подъ Краснымъ).

О, вождь славянъ, дерзнутъ ли робки струны
Тебѣ хвалу въ сей славный часъ брящать?
Вездѣ гремятъ отмщенія перуны,
И мчится врагъ, стыдомъ покрытый, вспять;
И съ россомъ міръ тебѣ рукоплескаетъ...
Кто пѣнью струнъ средь плесковъ сихъ внимаетъ?
Но какъ молчать? Я сердцемъ славянинъ;
Я зрѣлъ, какъ ты, впреди своихъ дружинъ,
Въ кругу вождей, сопутствуемъ громами,
Какъ божій гнѣвъ, шелъ грозно за врагами.
Со всѣхъ сторонъ дымились небеса,
Окрестъ земля отъ громовъ колебалась...
Сколь мысль моя тогда воспламенялась!
Сколь дивная являлась мнѣ краса!
О, старецъ-вождь, я мнилъ, что надъ тобою
Тогда самъ рокъ невидимый летѣлъ;
Что былъ сокрытъ вселенныя предѣлъ
Въ твоей главѣ, вѣнчанной сѣдиною.
Законъ судьбы для насъ неизъяснимъ;
Надменный сей не сю ль былъ хранимъ?
Вотще пески ливійскіе пылали —
Онъ путь открылъ среди песчаныхъ волнъ;
Вотще враги пучину осаждали —
Его промчалъ безвредно легкій челнъ;
Ступилъ на брегъ — въ рукѣ его корона;

Ужъ хищный взоръ съ похищеннаго трона
Вселенную въ неволю ковалъ;
Ужъ онъ царей — рабовъ своихъ созвалъ...
И возстають могучіе тевтоны.
Достойные Арминія сыны;
Неаполь, Римъ сбираютъ легіоны;
Богеменъ, венгръ, саксонъ ополчены;
И стали въ строй измѣнники сарматы;
Имъ нѣтъ числа; дружины ихъ крылаты;
И нордъ, и югъ потокъ сей наводнилъ!
Вождю вослѣдъ, а вождь ихъ за звѣздою,
Идутъ, летятъ — ужъ все подъ ихъ стопою,
Ужъ россъ главу подъ низкій миръ склонилъ...
О, замыслы! о, неба судъ ужасный!
О, хищный врагъ!... И трудъ толикихъ лѣтъ,
И трупами устланный путь побѣдъ,
И мощь, и злость, и козни—все напрасно!
Здѣсь грозная судьба его ждала;
Она успѣхъ на то ему дала,
Чтобъ старецъ нашъ славнѣй его низринулъ.
Хвала, нашъ вождь! Едва дружины двинулъ —
Ужъ хищныхъ рать стремглавъ бѣжитъ назадъ,
Ихъ гонитъ страхъ, за ними мчится гладъ,
И щитъ, и мечъ бросаютъ съ знаменами.
Вездѣ пути покрыты ихъ костями,
Ихъ волны жрутъ, ихъ губитъ огнь и хладъ,
Вотще свой взоръ подъемлютъ ко спасенью...
Не узрятъ ихъ отчески поля,
Обречены въ добычу истребленью,
И будетъ гробъ имъ русская земля.
И скрылася, нашъ старецъ, предъ тобою
Сія звѣзда, сей грозный вождь къ бѣдамъ;
Посолъ судьбы явился ты полкамъ —
И предъ твоей священной сѣдиною
Безумная гордыня пала въ прахъ.
Дети, неси за ними смерть и страхъ;

Еще ударъ — и всей землѣ свобода,
И нѣтъ слѣдовъ *великаго* народа!
О, сколь тебѣ завидный жребій данъ!
Еще вдали трепещетъ оттоманъ —
А ты ужъ здѣсь, ужъ родины спаситель,
Уже погналъ, какъ геній-истребитель,
Кичливыя разбойниковъ орды,
И рядъ побѣдъ — полковъ твоихъ слѣды,
И самый врагъ, неволею гнетомый,
Твоихъ орловъ благословляетъ громы:
Ты жизнь ему побѣдами даришь...
Когда жъ, свершивъ погибельное мщенье,
Свои полки отчизнѣ возвратишь —
Сколь славное тебѣ успокоенье!...
Уже въ мечтахъ я вижу твой возвратъ:
Передъ тобой вѣнцы, трофеи брани;
Во срѣтенье бѣгутъ и старъ и младъ,
Къ тебѣ ихъ взоръ, къ тебѣ подъемлютъ длани;
„Вотъ онъ! Вотъ онъ! Сей грозный вождь, нашъ щитъ,
Сколь величавъ, грядущій предъ полками!
Усѣйте путь спасителя цвѣтами!
Да каждый храмъ мольбой о немъ гремитъ!
Да слышитъ онъ вездѣ благословенье!“
Когда жъ, сложивъ съ главы своей шеломъ
И мечъ съ бедра, ты возвратишься въ домъ,
Да вкусишь тамъ покоя наслажденье
Предъ славными трофеями побѣдъ —
Сколь будетъ токъ твоихъ преклонныхъ лѣтъ
Въ сей тишинѣ величественъ и ясенъ!
О, дней благихъ закатъ всегда прекрасенъ!
Съ веселіемъ ведя окрестъ свой взоръ,
Ты будешь зрѣть ликующія нивы,
И скачущи стада по скатамъ горъ,
И хижины оратая счастливы,
И скажешь: Мной дана имъ тишина.
И старецъ, въ гробъ ступившій ужъ ногою,
Тебя въ семьѣ воспомянувъ съ мольбою,

17*

Въ семействѣ скажетъ: „Имъ сбережена
Мнѣ мирная въ отечествѣ могила;“
И скажетъ мать любуясь на дѣтей:
„Его рука мнѣ милыхъ сохранила.“
На пиршествахъ, въ спокойствіи семей,
Предъ алтаремъ, въ обители царей,
Вездѣ, о, вождь, тебѣ благословенье;
Тебя предастъ потомству пѣснопѣнье.

В. Жуковскій.

На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году.

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
Свершилось!... Русскій царь, достигъ ты славной цѣли!
Вотще надменные на родину летѣли;
Вотще, впреди знаменъ безчисленныхъ дружинъ,
Въ могучей дерзости вѣнчанный исполинъ
На гибель грозно шелъ, влекъ цѣпи за собою:
Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою!
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ!
Содрогся счастья сынъ, и брошенный судьбою,
Онъ землю русскую не взвидѣлъ подъ собою.
Бѣжитъ... и смерти громъ слетѣлъ ему вослѣдъ;
И съ трона гордый палъ... и вновь возсталъ... и нѣтъ!
Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложивъ пернатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
Ты браней мечъ извлекъ и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятвѣ сей; и гордыя сердца,
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ Отца,
И смертью роковой горѣли и дрожали;

И россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!...
Къ мечамъ! — раздался крикъ, и вихремъ понеслись;
Знамена, восшумѣвъ, по вѣтру развились,
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку.
Сразились; воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватила ихъ холодною рукой!...
А я... вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной...
Я тихо расцвѣталъ безпечный, безмятежный!
Увы! Мнѣ не судилъ таинственный удѣлъ
Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ.
Сыны Бородина, о, Кульмскіе герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи;
Душой встревоженной за братьями спѣшилъ —
Почто жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою,
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?
О, сколь величественъ, безсмертный, ты явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился!
И, чела приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпію съ восторгомъ потрясали
И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
„Ужель свободны мы?... Уже ли грозный палъ?...
Кто смѣлый, кто въ горахъ на сѣверѣ возсталъ?...“
И ветхую главу Европа преклонила —
Царя-Спасителя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой,
И власть мятежная исчезла предъ тобой!...
И нынѣ ты къ сынамъ, о царь нашъ, возвратился,
И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на свой народъ смиренья полный взглядъ —

Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И ты среди толпы, Россіи божество!
Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ твои дружины;
Старикъ, счастливый вѣкъ забывъ Екатерины,
Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.
Ты нашъ, о русскій царь! Оставь же шлемъ стальной,
И грозный мечъ войны, и щитъ—ограду нашу;
Излей предъ Янусомъ священну мира чашу
И, брани сокрушивъ могучею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!...
И прійдутъ времена спокойствія златыя,
Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный;
Суда летучія, торговлей окриленны,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ;
И юные сыны воинственныхъ Слявянъ
Спокойной праздности съ досадой предадутся;
И молча нѣкогда вкругъ старца соберутся,
Преклонятъ жадный слухъ—и ветхимъ костылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальній боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними;
Словами истины, свободными, простыми
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ
И добраго царя въ слезахъ благословитъ.

А. Пушкинъ.

Гремѣлъ походный барабанъ,
Скакали бѣшено курьеры;
За караваномъ караванъ
Тянулся къ мѣсту ярой битвы;
Свозили хлѣбъ, сгоняли скотъ;
Проклятья, стоны и молитвы
Носились въ воздухѣ... Народъ
Смотрѣлъ довольными глазами
На фуры съ плѣнными врагами,
Откуда рыжихъ англичанъ,
Французовъ съ красными ногами
И чалмоносныхъ мусульманъ
Глядѣли сумрачныя лица....
И все минуло.... все молчитъ...
Такъ мирныхъ лебедей станица,
Внезапно спугнута, летитъ
И, съ крикомъ обогнувъ равнину
Пустынныхъ, молчаливыхъ водъ,
Садится дружно на средину
И осторожнѣе плыветъ....

Свершилось! Мертвые отпѣты.
Живые прекратили плачъ,
Окровавленные ланцеты
Отчистилъ утомленный врачъ.
Военный попъ, сложивъ ладони,
Творитъ молитву небесамъ,
И севастопольскіе кони
Пасутся мирно.... Слава вамъ!
Вы были тамъ, гдѣ смерть летаетъ,
Вы были въ сѣчахъ роковыхъ
И, какъ вдовецъ жену мѣняетъ,
Мѣняли всадниковъ лихихъ.

. . . .

. . . .

Война молчитъ — и жертвъ не проситъ;

Народъ, стекаясь къ алтарямъ,
Хвалу усердную возноситъ
Смирившимъ громы небесамъ.
Народъ-герой! въ борьбѣ суровой
Ты не шатнулся до конца,
Свѣтлѣе твой вѣнецъ терновый
Побѣдоноснаго вѣнца!

Молчитъ и *онъ*... какъ трупъ безглавый,
Еще въ крови, еще дымясь;
Не небеса, ожесточась,
Его снесли огнемъ и лавой;
Твердыня, избранная славой,
Земному грому поддалась!
Три царства передъ ней стояло.
Передъ одной... такихъ громовъ
Еще и небо не метало
Съ нерукотворныхъ облаковъ!
Въ ней воздухъ кровью напоили,
Изрѣшетили каждый домъ,
И, вмѣсто камня, намостили
Ее свинцомъ и чугуномъ.
Тамъ, по чугунному помосту
И море подъ стѣной течетъ.
Носили тамъ людей къ погосту,
Какъ мертвыхъ пчелъ, теряя счетъ....
Свершилось! Рухнула твердыня,
Войска ушли... кругомъ пустыня,
Могилы... Люди въ той странѣ
Еще не вѣрятъ тишинѣ.
Но тихо... Въ каменныя раны
Заходятъ сизые туманы,
И черноморская волна,
Еще густа, еще красна,
Бездушно въ берегъ славы плещетъ....

Н. Некрасовъ.

Четырнадцатое Іюня 1854 года.

(Въ день появленія соединеннаго флота вблизи Кронштадта.)

Великихъ зрѣлищъ, міровыхъ событій
Поставлены мы зрителями нынѣ:
Исконные, кровавые враги,
Соединясь, идутъ противъ Россіи.
Пожаръ войны полміра обхватилъ,
И заревомъ зловѣщимъ освѣтились
Дѣянія державъ миролюбивыхъ...
Обращены въ позорище вражды
Моря и суша... Медленно и глухо
Къ намъ двинулись громады кораблей,
Хвастливо предрекая нашу гибель,
И наконецъ приблизились; стоятъ
Предъ укрѣпленной русскою твердыней...
И нынѣ въ урнѣ роковой лежатъ
Два жребія... и наступаетъ время,
Когда рѣшитель мира и войны
Исторгнетъ ихъ всесильною рукой
И свѣту потрясенному покажетъ.

Н. Некрасовъ.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ:

Тишина.

Пора! За рожью колосистой
Лѣса сплошные начались,
И сосенъ ароматъ смолистый
До насъ доходитъ... „Берегись!“
Уступчивъ, добродушно смиренъ
Мужикъ торопится свернуть...
Опять пустынно тихъ и миренъ
Ты русскій путь, знакомый путь!
Прибитая къ землѣ слезами
Рекрутскихъ женъ и матерей,
Пыль не стоитъ уже столбами
Надъ бѣдной родиной моей.
Опять ты сердцу посылаешь
Успокоительные сны
И врядъ ли самъ припоминаешь,
Каковъ ты былъ во дни войны —
Когда надъ Русью безмятежной
Возсталъ немолчно скрипъ тележный,
Печальный, какъ народный стонъ!
Русь поднялась со всѣхъ сторонъ,
Все, что̀ имѣла, отдавала
И на защиту высылала
Со всѣхъ проселочныхъ путей
Своихъ покорныхъ сыновей.
Войска водили офицеры,

Коварной славы сладкій дымъ,
Ты горекъ намъ, ты дорогъ намъ!
Но фиміамъ необходимъ
Кумиру и его жрецамъ.

Когда ты снова посѣтишь
Нашъ императорскій Парижъ,
Смутитъ тебя побѣдный крикъ,
Какъ пляска послѣ похоронъ,
Какъ сумасшедшаго языкъ,
Какъ смѣхъ, въ которомъ слышенъ стонъ.

Пускай нашъ новый полубогъ
Вкушаетъ славу!... Я бъ не могъ...
Я для иного былъ рожденъ,
Иныя цѣли смѣлъ таить...
И былъ, какъ бурей, увлеченъ
Туда, гдѣ я не могъ любить...

И гдѣ, казалось бы, не слѣдъ
Мнѣ умереть въ чаду побѣдъ...
Но — умираю... Все, что̀ я
Любилъ когда-то, въ эту ночь
Какъ будто около меня
Стоитъ, и не отходитъ прочь.

Я вижу, вотъ моя семья...
Вотъ мать... вотъ нѣжная моя
Подруга... дѣти... Боже мой!
А это кто!?.. Иль это бредъ?...
Какой то призракъ роковой —
Въ блестящей мантіи скелетъ...

Ужели смерть?... Зачѣмъ она,
Грозя, кричитъ: „Пылай, война!
Враждуйте племена всѣхъ странъ!
Вотъ вамъ республика и тронъ,

D-11426-SB
5-05
CC

И христіанство и коранъ,
Мадзини и Наполеонъ!“

Скажи, что̀ значу я предъ ней,
Со всею гордостью моей?...
Ея десница мнѣ на грудь
Легла — и я, какъ тряпка, смятъ!
Освободи, братъ! дай вздохнуть!..
Ага! да ты ужъ умеръ, братъ!

Я. Полонскій.

19-е Февраля 1861 г.

Соотчичъ — труженикъ! Не мало слезъ и пота,
За плугомъ проходя, ты въ землю уронилъ;
Сдавила грудь твою тяжелая работа,
Родимый кровъ тебя на отдыхъ не манилъ.

Ты понималъ, бѣднякъ, что этотъ трудъ упорный
Ты несъ не для себя, не для своей земли,
И, сердцемъ отупѣвъ, безсмысленно покорный,
Безропотно ты шелъ, куда тебя вели.

Но, труженикъ, смотри! Изъ царскаго чертога
Несется свѣтлый лучъ въ угрюмую избу,
И гордый человѣкъ въ немъ видитъ волю Бога
И руку подаетъ спасенному рабу.

Вставай же, новый братъ, къ довольству и покою:
Ты кровью ихъ купилъ и вправѣ ожидать.
Бери соху и плугъ свободною рукою —
Свободный трудъ сулитъ успѣхъ и благодать.

П. Вейнбергъ.

Картинка.

(Послѣ манифеста 19-го февраля 1861 г.)

Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки малютки
Собрался кружокъ;

И, съ трудомъ отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.

Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что нибудь.

Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.

Что жъ такъ слушаютъ малютку?
Аль ужъ такъ умна?...

Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!

Самой вѣсти смыслъ покамѣсть
Теменъ имъ и ей;
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...

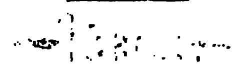
Вспыхнетъ, братья, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!

Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ.

Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ.

Воля, братья — это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день...

А. Майковъ.

Цѣна 1 руб.

PG 3235 .H5 .R8 1899 C.1
Russkaia istoriia v russkoi po
Stanford University Libraries
3 6105 036 100 639

PG
3235
.H5.R8
1899

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

FT MAR 3 0 1997

MAY 1997

